

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЁВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

101

ПАМЯТНИКИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

101

ПАМЯТНИКИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1964

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гуркина, Х. И. Крис (отв. секретарь), К. Х. Кушнарёва,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

В. М. МАССОН

ТРАДИЦИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ
В ЭНЕОЛИТЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ, АФГАНИСТАНА
И ИНДИИ

Погребения раннеземледельческих племен южных областей Средней Азии располагались, как правило, на территории поселений и поэтому были обнаружены сразу же при начале раскопок оплывших холмов, сохранявших остатки этих поселений. Первоначально это были исключительно одиночные погребения. Именно захоронения такого типа были открыты на Анау экспедицией Пампелли в слоях Анау I, II и III¹. При дальнейших работах одиночные погребения изучались на ряде других памятников². Был также раскопан могильник эпохи бронзы, расположенный в стороне от поселения, но состоящий опять-таки из одиночных погребений³. Одиночные захоронения оказались характерными и для неолитической джейтунской культуры, предшествующей по времени комплексу Анау I⁴. После широких раскопок на Кара-депе, где в энеолитических слоях было расчищено около 100 одиночных могил⁵, можно было полагать, что именно такие погребения характерны для местной культуры начиная с V тыс. до н. э. и до середины I тыс. до н. э. включительно. Однако оказалось, что это далеко не так.

В 1957 г. были открыты коллективные захоронения в своеобразных кирпичных камерах на поселении Геоксюр в слоях, одновременных энеолитическому Кара-депе⁶. При этом складывалось впечатление, что коллективные погребения характерны, в отличие от Кара-депе и Намазга-депе, именно для восточной группы памятников.

Однако при продолжении раскопок на Кара-депе в 1960 г. были открыты остатки плохо сохранившегося сооружения, крайне близкого одной из

¹ P. Pampelly. Explorations in Turkestan, v. I. Washington, 1908.

² Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ. Труды ЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 268—271.

³ А. Ф. Ганялин. Погребения эпохи бронзы у селения Янги-кала. Труды ЮТАКЭ, т. VII, стр. 374—384.

⁴ Д. Дурдыев. Итоги полевых работ Сектора археологии. ТИИАЭ АН ТССР, т. V. Ашхабад, 1959, стр. 8. В 1962 г. детское захоронение было расчищено в одном из дворов на поселении Джейтун.

⁵ В. М. Массон. Кара-депе у Артыка. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961, стр. 409—420.

⁶ В. И. Сарияниди. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении. СА, 1959, № 2, стр. 235—238; он же. Энеолитическое поселение Геоксюр. Труды ЮТАКЭ, т. X, стр. 284—299.

⁷ В. М. Массон. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-депе. СА, 1962, № 3, стр. 165—166.

погребальных камер Геоксюр⁷. В сезон 1962 г. на том же памятнике было открыто уже бесспорное коллективное захоронение. Оно располагалось, в прямоугольной камере размером 2,2 × 2,6 м, возведенной из сырцового кирпича. Сама камера была построена во дворе одного из многоквартирных домов верхнего слоя Кара-депе (время Намазга III, ориентировочно первая половина III тыс. до н. э.). Камера оказалась сильно разрушенной (сохранность стен в высоту на 30—35 см), но ряд особенностей этого интереснейшего объекта удалось проследить. Внутрь камеры помещались трупы умерших и сопровождающий инвентарь, причем при последующих захоронениях ранее помещенные бесцеремненно отодвигались в сторону (рис. 1). Остатки всех погребенных, общее число которых судя по черепам достигало 23, находятся в перемещенном состоянии, чаще других частей скелета сохраняются согнутые в коленях ноги, сочлененные с костями таза. Вдоль южной стены камеры вместе с тем имеется свободное пространство. Видимо, в последний период функционирования камеры части находившихся здесь трупов были сдвинуты к северной стене, чтобы очистить место для нового захоронения, которое, однако, почему-то не было совершено. Из всех южнотуркменских сооружений этого типа кара-депинская гробница выделяется обильным инвентарем. В его состав входили 17 глиняных сосудов — три серых и 14 расписных (рис. 3), а также три

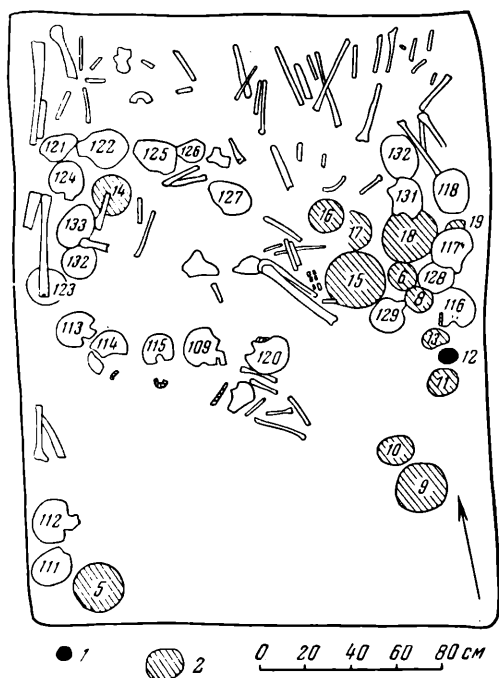

Рис. 1. Кара-депе. Раскопки 1962 г. План погребальной камеры

1 — каменные сосуды; 2 — керамические сосуды,
№ 109, 111—118, 120—122, 124—129, 131—133 — черепа

каменных, каменные бусы, медная лопаточка и терракотовая статуэтка сидящей женщины, по ноге которой ползет змея (рис. 2). Статуэтка была найдена в перемещенном состоянии у внешней грани восточной стены.

Новые раскопки показали, что традиция коллективных захоронений сохраняется на юго-западе Средней Азии и в эпоху бронзы. В шурфе на Хапуз-депе в 1962 г. в слоях времени Намазга IV были открыты часть погребальной камеры с тремя скелетами и площадку, усеянную человеческими костями (восемь черепов), возможно также являющаяся частью аналогичного сооружения⁸. На Алтын-депе в слоях этого же времени удалось обнаружить две погребальные камеры на склоне холма (в одной три, в другой семь костяков) и на территории городища целый архитектурный комплекс, состоящий из небольших смежных комнаток, использовавшихся для коллективных захоронений⁹. Наконец, в 1963 г. значительное число погребальных камер, в основном круглых в плане с ложным сводом (толосы), раскопано В. И. Сарияниди в энеолитических слоях поселения Геоксюр.

⁸ Ср.: В. И. Сарияниди. Земледельческие племена юго-восточной Туркмении. Автореферат. М., 1963, стр. 9.

⁹ Раскопки А. Ф. Гаяялина, Д. Д. Дурдыева и А. А. Марущенко в 1959—1961 гг.

Таким образом, становится совершенно ясно, что перед нами не случайное изолированное явление, а стойкая и широко распространенная традиция.

Значительный интерес представляет и факт сосуществования в южно-туркменистанских оазисах двух типов захоронений: одиночных могил и коллективных погребений. Так, на Кара-депе в слое Намазга III обнаружено, помимо описанной выше погребальной камеры, около полутора десятков одиночных погребений. Значительное число одиночных могил найдено и на Геокюре в слоях, одновременных толосам, и на Алтын-депе в слоях эпохи

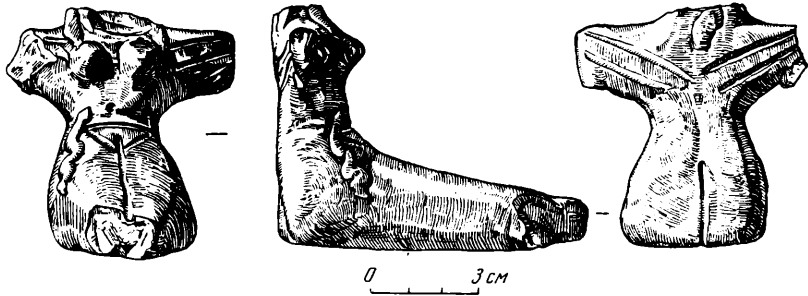

Рис. 2. Терракотовая статуэтка сидящей женщины

бронзы. Вместе с тем до рубежа IV и III тыс. до н. э. на юго-западе Средней Азии были известны лишь одиночные погребения. Вполне естественно было сопоставлять появление коллективных гробниц на грани IV и III тыс. до н. э. с усилением связей среднеазиатских общин с соседями и прямо с проникновением в их среду иноплеменных групп¹⁰. В таком случае в сосуществовании двух погребальных традиций следовало бы видеть проявление сосуществования различных этнических групп. Действительно в странах, соседних со Средней Азией, в среде оседлых земледельцев поры энеолита и бронзы известны коллективные погребения.

В Белуджистане в 1925 г. были произведены слабо документированные раскопки на поселении Сохр Дамб, где в слоях III тыс. до н. э. обнаружены как одиночные погребения, так и коллективные захоронения, представленные скоплениями сосудов и перемешанных костей, возможно, помещавшихся в общую могильную яму¹¹. В одной такой группе было найдено семь сосудов и части костяков четверых пожилых людей и двух детей, в другой, — 32 сосуда, останки двух пожилых людей, одного семнадцатилетнего подростка и ребенка одного года.

Недавно подобное сосуществование двух типов погребений было отмечено и для южного Афганистана. Здесь в комплексе Мундигак III (первая треть III тыс. до н. э. по Ж. М. Касалю, и середина III тыс., с нашей точки зрения) были обнаружены две группы могил¹². Для более ранних характерны одиночные захоронения в ямах, а позднее наряду с ними появляются коллективные погребения в специальных камерах из сырцового кирпича, прямоугольных в плане и крайне близких кара-депинской гробнице. Кости здесь находятся в перемешанном состоянии. В одном случае отмечены части восьми скелетов пожилых людей и одного ребенка.

¹⁰ В. И. Сарияниди. Земледельческие племена юго-восточной Туркмении, стр. 6; В. М. Массон. Средняя Азия и Иран в III тыс. до н. э. КСИА, вып. 93, 1963, стр. 20—21.

¹¹ H. Hargreaves. Excavations in Baluchistan 1925. MASI, № 35, Calcuta, 1929, p. 21—28. О датировке комплекса Нал-Нундара, к которому принадлежат эти погребения см.: S. Piggott. Ancient India, 1952, p. 80—87.

¹² J. M. Casal. Fouilles de Mundigak. MDAFA, t. XVII. Paris, 1961, v. I, p. 44—46; v. II, pl. X.

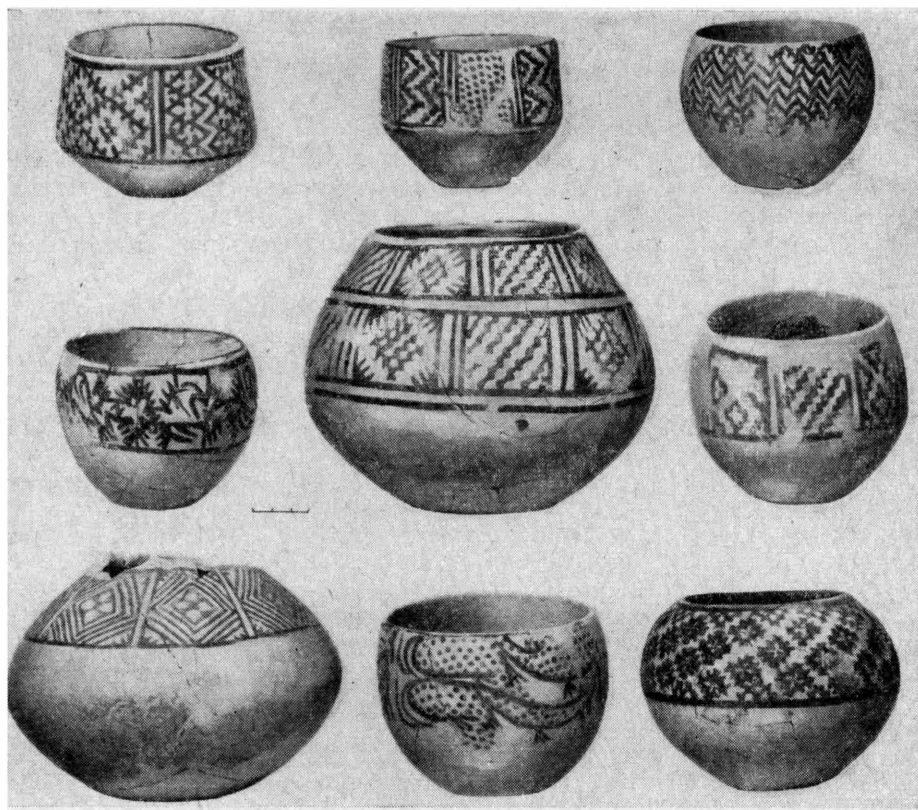

Рис. 3. Сосуды из Кара-депинской гробницы

Эти погребения Сохр Дамба и Мундигака близки южнотуркменистанским гробницам не только по признаку коллективного захоронения, но, как кажется, и по обряду. Г. Харгрейвс полагал, что перед ним так называемое частичное захоронение костей неполных скелетов. Ж. М. Касаль вообще называет коллективные гробницы оссуариями и полагает, что в них содержатся остатки двух видов захоронений. Во-первых, разрозненные кости, помещенные сюда после их очистки от мягких частей. Во-вторых, это трупы, разрезанные на части или целые. Однако следует иметь в виду, что в Мундигаке, как и в Кара-депе, гробницы сохранились не на полную высоту, а лишь частично. В Сохр Дамбе же низкая методика работ вообще не позволяет судить о характере могильного устройства коллективных погребений¹³. Между тем на геоксюрских толосах, где в ряде случаев сохранилось даже перекрытие, было установлено, что первоначально трупы помещались в камеры в традиционной для энеолита скорченной позе и лишь при смещении более ранних погребений образовались маловыразительные завалы костей¹⁴. Поэтому есть основания считать, что аналогичным был обряд погребения на Мундигаке, где кости, помещенные, по Ж. М. Касалью, после их очистки, являются остатками наиболее старых трупов, а целые

¹³ Интересно, что в другом белуджистанском памятнике Дамб Бутхи для коллективных захоронений использовались камеры размером около 1,5 × 2,4 м. С. Пигготт полагает, что это могли быть не специальные гробницы, а обычные комнаты во вторичном использовании (S. Piggott. *Op. cit.*, p. 82), но это не меняет сути дела.

¹⁴ В. И. Сараниди. Энеолитическое поселение Геоксюр, стр. 286—291.

или части целых трупов — это более поздние захоронения. Недаром в Мундигаке, как и в кара-депинской гробнице, кости ног чаще всего встречаются в нерасчлененном положении в отличие от ребер и позвонков. При перемещении полусгнивших останков туловище в отличие от ног легко распадалось на отдельные части.

Как мы видим, коллективные погребения Афганистана и Белуджистана близки по времени среднеазиатским гробницам. Как в Средней Азии, здесь отмечается сосуществование одиночных и коллективных захоронений, и во всяком случае в Афганистане одиночные погребения оказываются более древними. Ж. М. Касаль, при сопоставлении этапов развития южноафганистанских общин и памятников Сузианы, прямо пишет об усилении контактов этих районов в начале периода Мундигак III и даже о прибытии в Мундигак переселенцев из района Суз¹⁵. Далее он отмечает, что наряду со сходством керамики общность погребальных обрядов Мундигака и Сохр Дамба (Наля) может свидетельствовать об общности происхождения населения этих районов¹⁶. Интересно отметить, что и советские исследователи, рассматривая «внезапное» появление геоксюрских толосов, также обратили внимание на район Суз¹⁷. Может быть, действительно в распространении коллективных захоронений в III тыс. до н. э. на памятниках Средней Азии (Геоксюр, Кара-депе), Афганистана (Мундигак) и Белуджистана (Сохр Дамб, Дамб Бухти), где они сосуществуют с более древней местной традицией одиночных погребений, следует видеть этапы расселения эламских племен двумя путями северным и южным? Как мы знаем, конец IV — начало III тыс. до н. э. было временем значительных перемещений в среде племен, обитавших вокруг Иранского плато, и инфильтрация в Среднюю Азию центрально-иранских элементов не вызывает сомнений¹⁸. Однако подобное объяснение представляется слишком упрощенным. Действительно, в Сузиане известны гробницы из сырцового кирпича с ложным сводом, содержащие коллективные захоронения. К сожалению, они плохо исследованы и опубликованы¹⁹. Но во всяком случае несомненно, что они относятся лишь ко времени Сузы Д или Сузы II, т. е. не раньше начала III тыс. до н. э. Погребения времени Сузы А (Сузы I) представляют собой одиночные ямные захоронения²⁰.

Рассматривая вопрос о происхождении геоксюрских толосов, следует иметь в виду две стороны вопроса. Один — это архитектурная форма круглого в плане сооружения с ложным сводом, действительно находящая себе ближайшие параллели и прототипы в эламо-месопотамской среде²¹. Другой — это сам принцип не одиночного, а коллективного захоронения, имеющий широкие параллели в археологическом материале Старого и Нового Света. Достаточно вспомнить гробницы эгейского мира или «каверны» перуанского Паркаса. Едва ли можно связывать эту традицию исключительно с переселениями. Так, например, раскопки 1963 г. ясно показали широчайшее распространение коллективных захоронений на Геоксюре, где толосы насчитываются буквально десятками. Между тем нет оснований говорить здесь о полной смене населения в конце IV — начале III тыс. до н. э.,

¹⁵ J. M. Cas al. Fouilles de Mundigak, v. I, p. 118.

¹⁶ J. M. Cas al. Op. cit., p. 114.

¹⁷ В. И. Сарияниди. Новый тип..., стр. 239; он же. Энеолитическое поселение Геоксюр, стр. 299.

¹⁸ В. М. Массон. Средняя Азия и Иран..., стр. 17—19.

¹⁹ J. E. Gauthier, G. Lampre. Fouilles de Moussian. MDP, VIII, Paris, 1905, p. 74—80.

²⁰ J. de Morgan. Prehistoire Orientale. Paris, 1927, v. III, p. 49; R. de Mecquenem. Fouilles préhistoriques en Asie occidentale. L'anthropologie, 1938, t. 48, N. 1—2, p. 65.

²¹ Круглые дома, видимо, в результате тех же месопотамских воздействий появились в геоксюрском оазисе еще до толосов в пору раннего Намазга II (см.: В. М. Массон. Восточные параллели убейдской культуры. КСИА, вып. 91, 1962, стр. 6—8).

а, наоборот, можно думать, что имела место частичная ассимиляция пришельцев. Особенно заметна такая ассимиляция центральноиранских элементов на Кара-депе.

В этой связи следует поставить вопрос: не связано ли широкое распространение обряда коллективных погребений с какими-либо внутренними процессами тех обществ, в которых этот обряд наблюдается. Имеются основания видеть в рассмотренных коллективных гробницах семейные усыпальницы. На это указывает само число погребенных. На Геоксюре (в камерах, вскрытых в 1957 г.) это четверо — восемь человек, в Мундигаке до девяти, в Сохр Дамбе четыре — шесть. В этом отношении кара-депинская гробница с 23 черепами составляет пока исключение. Но как раз именно в конце IV — первой половине III тыс. до н. э. в Южном Туркменистане отмечаются изменения в типах жилых домов, как будто связанные с усилением самостоятельности большесемейных общин и обособлением их внутри родовой организации²². Скорее всего с той же тенденцией к обособлению связано и широкое распространение обряда коллективных погребений, объединявших членов семейных общин и после их смерти. В данном случае даже сам вопрос о прародине подобного обряда не столь важен, если социальная среда оказывалась особенно благоприятной для его восприятия. Возможно, уже на более ранних родовых кладбищах погребения близких родичей как-то отмечались надгробными сооружениями, до нас ни в одном случае не дошедшими. Возрастание же экономической и социальной роли семейной общины привело к тому, что родовое кладбище оказалось состоящим не из монотонного однообразия одиночных захоронений, а из коллективных гробниц. В настоящее время определение антропологического материала из кара-депинской камеры, плохо сохранившегося в силу близости дернового слоя, еще не завершено. На Геоксюре в толосе Б из восьми погребенных удалось определить возраст семи. Одно погребение принадлежало мужчине, а шесть женщинам (одна юношеского возраста, две зрелого возраста, две возмужалые и одна старческого возраста). В толосе В на том же памятнике из шести погребений определено пять (мужчина средних лет, три женщины того же возраста и один ребенок восьми лет неясного пола). Детальное исследование половозрастного состава погребенных, бесспорно, должно помочь в уточнении характера социальных ячеек, оставивших эти гробницы.

Последнее, на чем хотелось бы остановиться в связи с кара-депинской погребальной камерой, — это семантика найденной там женской статуэтки с ползущей змеей. До сих пор женские фигурки, находимые на южнотуркменистанских памятниках, как правило, были лишены каких-либо атрибутов, исключая детали одежды. Обнаружение в погребении статуэтки женщины со змеей, бесспорно, подводит нас к одной из персонификаций Богини Матери в образе хтонического божества, владычицы подземного мира. Хорошо известны критские богини со змеями, фаянсовые, золотые и костяные статуэтки которых неоднократно находили при раскопках. Как отмечают исследователи, критская богиня, изображенная в хтоническом, разрушающем аспекте, скорее держит гадюк, чем безвредных змей²³. Образ богини со змеями известен и в Месопотамии²⁴. Специальное его рассмотрение несомненно позволит более полно исследовать религиозные представления и погребальные обряды древнеземледельческих племен.

²² В. М. Массон. Новые раскопки..., стр. 171—173.

²³ А. Evans. Palace of Minos. v. I. London, 1921, p. 508—509; E. O. James. The Cult of the Mother Goddess. London, 1959, p. 130.

²⁴ А. Jeremias. Handbuch der altorientalischen Geisteskultur. Leipzig, 1913, S. 69, Abb. 46.

И. И. АРТЕМЕНКО

ВЕРХНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА И БРОНЗЫ¹

Памятники позднего неолита и особенно эпохи бронзы Верхнего Поднепровья представляют значительный интерес для проблемы этногенеза восточных славян. Большинство славяноведов считает, что начальные этапы сложения славян своими корнями уходят во II тыс. до н. э., в среду скотоводческо-земледельческих племен эпохи бронзы лесной полосы Восточной и Средней Европы.

В результате многолетних разведок А. Н. Лявданского², К. М. Поликарповича, В. Р. Тарасенко, И. Х. Ющенко, А. Д. Коваленя и Л. С. Шутова в 1924—1932 гг. на территории Верхнего Поднепровья было обследовано большое количество памятников позднего неолита и эпохи бронзы³. Систематическое изучение этих памятников начато раскопками Е. Г. Красковской на Соже⁴, И. И. Артеменко на Днестре и Соже⁵, М. В. Воеводского⁶, М. Е. Фосс, В. В. Кропоткина⁷ и С. С. Березанской⁸ на Десне.

Во второй половине III тыс. до н. э. на территории Верхнего Поднепровья жили неолитические племена, занимавшиеся охотой и рыболовством. Поселения располагались в пойме реки на песчаных возвышенностях — останцах или дюнах (Веть IV и Веть VI⁹, Палик¹⁰, Стрелица) и по краю

¹ Доклад, прочитанный 24 апреля 1963 г. в г. Минске на Пленуме Института археологии АН СССР и Института истории АН БССР, посвященном итогам полевых исследований 1962 г.

² А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Труды смоленских музеев, т. I, 1924; он же, Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии. Научные известия Смоленского государственного университета, т. IV, вып. 3, 1927.

³ Працы катэдры археалогіі Інстытуту Беларускай культуры, т. I, 1928; Працы археалогічнай камісіі БАН, т. 1930; Працы сэкцыі археалогіі БАН, т. III, 1932.

⁴ Раскопки неолитической стоянки и могильника эпохи бронзы в уроч. Стрелица в 1954 г. Материал не опубликован, хранится в Гомельском Областном краеведческом музее.

⁵ И. И. Артеменко. Поселения среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья. КСИА, вып. 88, 1962.

⁶ М. В. Воеводский. Памятники каменного века на Десне. КСИИМК, XXVI, 1949; И. Г. Розенфельдт. Стоянка Мыс Очкинский. КСИИМК, XXXI, 1950.

⁷ В. В. Кропоткин. Бельнецкие курганы и стоянка. КСИИМК, XLVII, 1952; он же. Новые исследования Бельнецких курганов. КСИИМК, 75, 1959.

⁸ С. С. Березанська. Памятки періоду середньої бронзи на Десні та Сеймі. Археологія, т. XI, 1957.

⁹ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки у с. Веть Быховского района Могилевской области. КСИА, вып. 97, 1964.

¹⁰ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи. Сб. «Памятники племен эпохи неолита и бронзы Евразии». Москва, 1964.

надпойменной или боровой террасы (Сосонка¹¹, Завалье¹², Мошка и Дедное¹³). На поселении Сосонка были обнаружены остатки наземного жилища столбовой конструкции, имевшего, по-видимому, овальную форму с боковым входом и конусообразным покрытием. Производственный инвентарь поздненеолитического населения состоял из кремневых скребков, скребел, ножей, наконечников стрел ромбовидной формы, наконечников копий и дротиков с двусторонней обработкой. Характерны кремневые клиновидные топоры подтреугольной формы с лезвием, оформленным мелкими продольными сколами, употреблявшиеся для обработки дерева. Некоторые из топоров имеют полировку по лезвию. В этот период появляются и каменные шлифованные клиновидные топоры. Керамика представлена большими сосудами с коническим или округлым дном, слегка выпуклыми боками и с прямыми или сведенными внутрь в верхней части стенками. В тесте примесь песка и зерен толченого кварца, реже растительных остатков. Сосуды орнаментированы отпечатками гребенки, концом палочки, обмотанной тонкой веревочкой, короткими насечками и неглубокими ямочными вдавлениями или наколами, образующими горизонтальные и диагональные ряды, елочные композиции. Почти на всех сосудах с наружной поверхности под краем венчика имеется ряд круглых глубоких ямок.

До сих пор среди археологов нет единого мнения о культурной принадлежности памятников неолита. П. Н. Третьяков¹⁴ и Х. А. Моора¹⁵ относят их к области распространения ямочно-гребенчатой керамики Волго-Окского бассейна, М. Е. Фосс¹⁶ — к области распространения гребенчато-ямочной керамики, а Д. Я. Телегин¹⁷ — к области распространения гребенчатой керамики. Исследования последних лет позволяют относить неолитические памятники Верхнего Поднепровья к области распространения гребенчатой керамики. Она охватывает лесостепное Левобережье и Полесье Украины, Белоруссию и Польшу и включает в себя несколько неолитических культур — днепродонецкую¹⁸; культуру гребенчатой керамики Польши¹⁹, распространявшуюся, по-видимому, и на территорию западных районов Белоруссии; неолитическую культуру Верхнего Поднепровья, еще не получившую своего названия. По территории эта область почти совпадает с выделенной М. Е. Фосс областью распространения гребенчато-ямочной керамики. В конце III — начале II тыс. до н. э. на территории Верхнего Поднепровья, занятой местными позднелитскими племенами, расселяются с Правобережья Среднего Поднепровья чуждые им скотоводческо-земледельческие племена среднеднепровской культуры эпохи бронзы²⁰. Путь продвижения среднеднепровских племен прослеживается от среднего течения Днепра на Верхний Днепр, а также вдоль Десны, Сожа, Припяти и их притоков. Он отмечен многочисленными памятниками племен среднеднепровской культуры, многие из которых расположены на местах неолитических поселений.

¹¹ И. И. Артеменко. Неолитическое поселение в уроч. Сосонка близ с. Лучин Гомельской области. КСИА, вып. 101, стр. 6.

¹² И. И. Артеменко. Поселения среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья.

¹³ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи. Памятники каменного и бронзового века Евразии. М., 1964, стр. 31 и сл.

¹⁴ П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. Доклад на IV Международном съезде славистов. Москва, 1958, стр. 27.

¹⁵ Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, № 2.

¹⁶ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952.

¹⁷ Д. Я. Телегин. Деякі підсумки дослідження неоліту України. Вісник Академії наук УРСР, 1958, стр. 8; он же. Племена кам'яного віку на Україні. Київ, 1962.

¹⁸ Там же.

¹⁹ A. Gardawski. Zagadnienie kultury «Ceromiki grzebykowej» w Polsce. Wiadomości Archeologiczne, t. 25, zes. 4. Warszawa, 1958.

²⁰ И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура, СА, 1963, № 2.

тических поселений. Вероятно, часть местного населения оставила свои поселения и переселилась в другие районы. Оставшаяся часть была ассимилирована племенами среднеднепровской культуры, которые в Верхнем Поднепровье образуют днепро-деснинский вариант позднего этапа среднеднепровской культуры²¹.

В Верхнем Поднепровье известно 60 поселений среднеднепровской культуры, шесть из них раскопаны (Завалье, Иванское, Борок Семиновский, Малые Роги, Ксендзова Гора, Бельнец)²². Это небольшие поселки с наземными, вероятно, деревянными жилищами столбовой конструкции. Внутри жилищ находились очажные углубления чашевидной формы и очаги, выложенные из камней (Ксендзова Гора, Завалье). На поселениях найдена керамика, кремневые и каменные орудия труда и оружие. Керамика среднеднепровской культуры резко отличается от местной позднеолитической. Погребальные памятники представлены курганными и грунтовыми могильниками с труположением и трупосожжением. Курганные могильники с труположением исследованы близ с. Ходосовичи Рогачевского района Гомельской области и в уроч Бельнец, у с. Подлужье Жуковского района Брянской области. При раскопках курганов удалось проследить довольно сложный погребальный обряд, существовавший у среднеднепровских племен. На площади, предназначенной для захоронения, раскладывались костры и вся площадь сильно обжигалась — очищалась огнем, а потом только выкапывалась могильная яма овальной или прямоугольной формы с округлыми углами. Дно могилы устилали деревом или подстилкой из бересты, камыша и посыпали золой. Умерших клали в могилу на левом или правом боку в скорченном положении, головой на север (мужчин), юг (женщин), восток или запад (детей). Их сопровождал погребальный инвентарь: глиняные сосуды с пищей, орудия труда, оружие и украшения. Могильная яма перекрывалась деревянной крышей — накатником из бревен или плах, поверх которой насыпалась зола. В курганах № 10 в уроч. Мошка и № 3 в уроч. Сергеева Грива были прослежены остатки деревянного сооружения (навеса) над погребениями. Во многих курганах возле могильных ям были обнаружены кострища, некоторые из них, кроме золы и углей, содержали обожженные створки речных раковин, кости домашних и диких животных. Эти кострища представляют собой остатки тризны. После захоронения над могилами насыпались курганы, высотой от 0,45 до 3 м и диаметром от 12 до 30 м. Насыпь многих из них окружалась рвом.

Грунтовые погребения со скорченными костяками на боку были случайно обнаружены во время земляных работ у совхоза «Вейна» близ г. Могилева, у с. Велятичи Борисовского района Минской области, у селений Гарожа и Ставище Описовичского района, в С. Большая Зимница Славгородского района Могилевской области.

Грунтовые погребения с трупосожжением обнаружены при раскопках неолитических стоянок Мыс Очкинский — на Десне, у оз. Хорошово близ с. Ходосовичи Гомельской области — на Днепре и в уроч. Стрелица близ с. Рудня Шлягина Гомельской области — на Соже. Могильные ямы овальной и прямоугольной формы с округлыми углами прорезали культурные слои неолитических стоянок и углублялись в материк.

Погребения среднеднепровской культуры сопровождались глиняными сосудами, кремневыми наконечниками стрел, дротиков, копий, ножами, клиновидными топорами, каменными сверлеными боевыми топорами, полировальными плитами из песчаника, подвесками из янтаря, а также металлическими изделиями: медными и бронзовыми топорами, наконечниками копий, шильями, ножами, подвесками, браслетами и височными кольцами (рис. 4 и 5).

²¹ Там же, стр. 29.

²² И. И. Артеменко. Поселения среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья. КСИА, вып. 88, 1962.

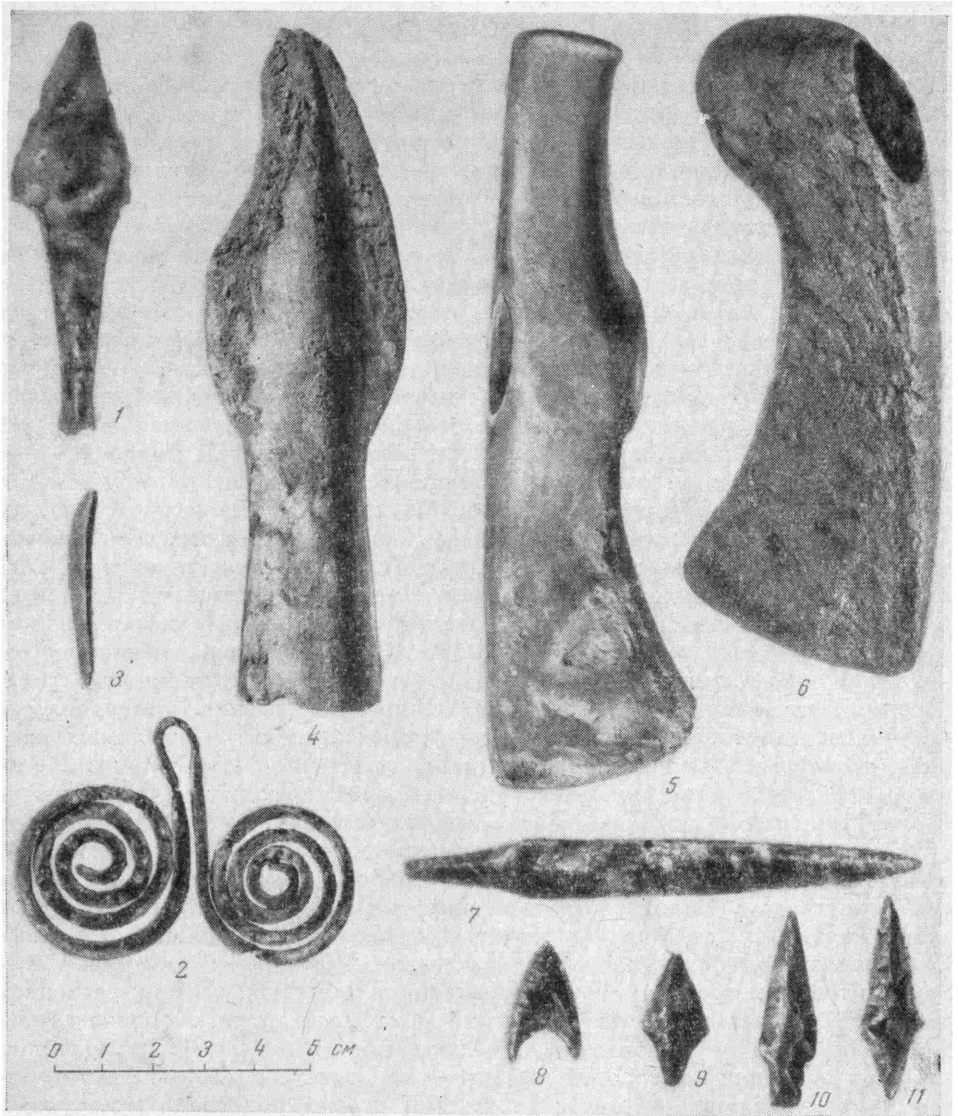
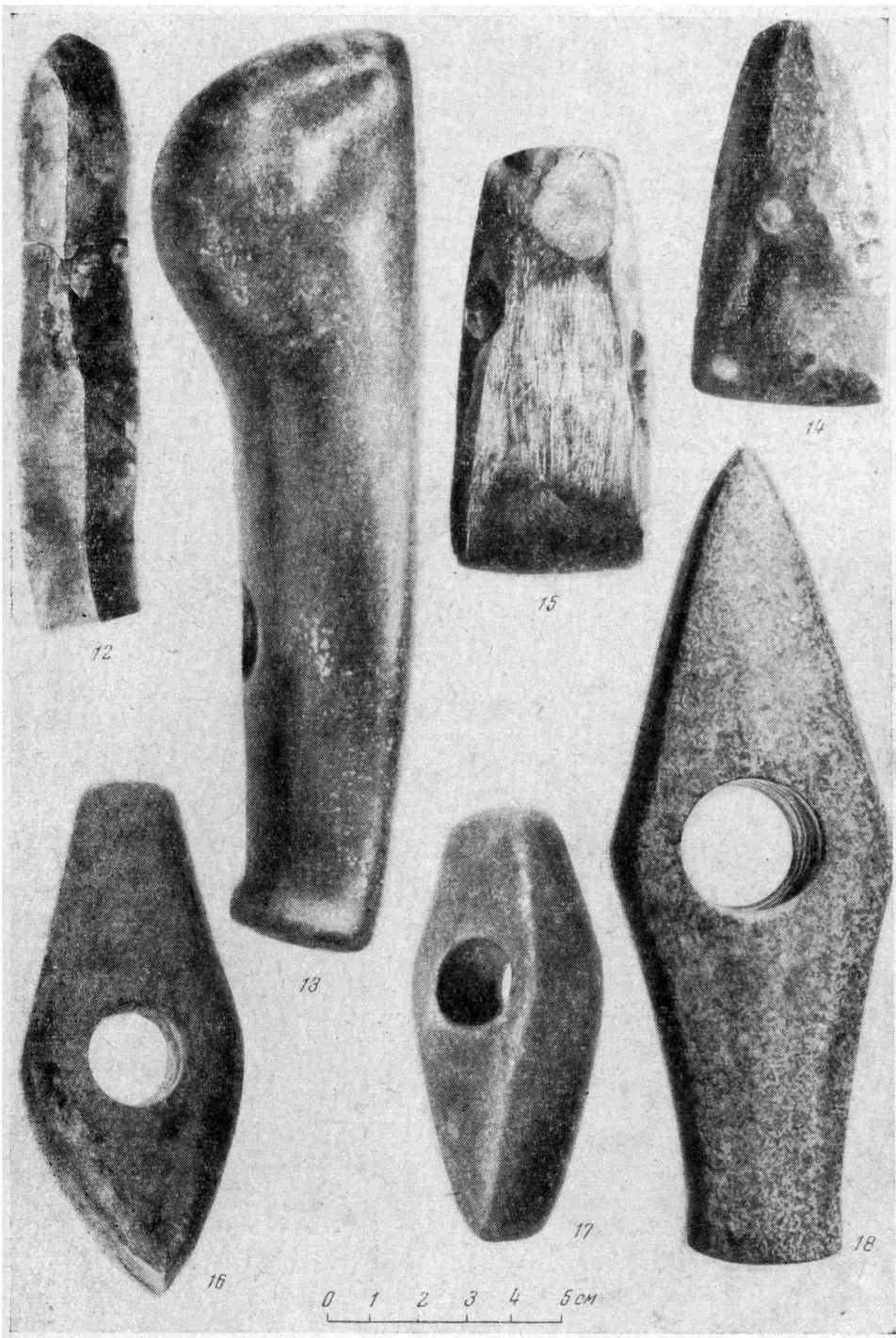

Рис. 4. Инвентарь из погребений среднеднепровской культуры Верхнего Поднепровья, С. Ходосовичи: 1 — бронзовый нож; 2 — медная очковидная привеска; 3 — медное шило; 4 — медный наконечник копья; 5 — медный втульчатый топор; 6 — вислобушный топор; 8, 10 — кремневые наконечники стрел; 12 — кремневый нож; 16—18 — каменные топоры
 оз Дедное: 14, 15 — кремневые клиновидные топоры. Стрелица: 7, 9, 11 — кремневые наконечники стрел.
 С. Велятичи: 13 — каменный топор

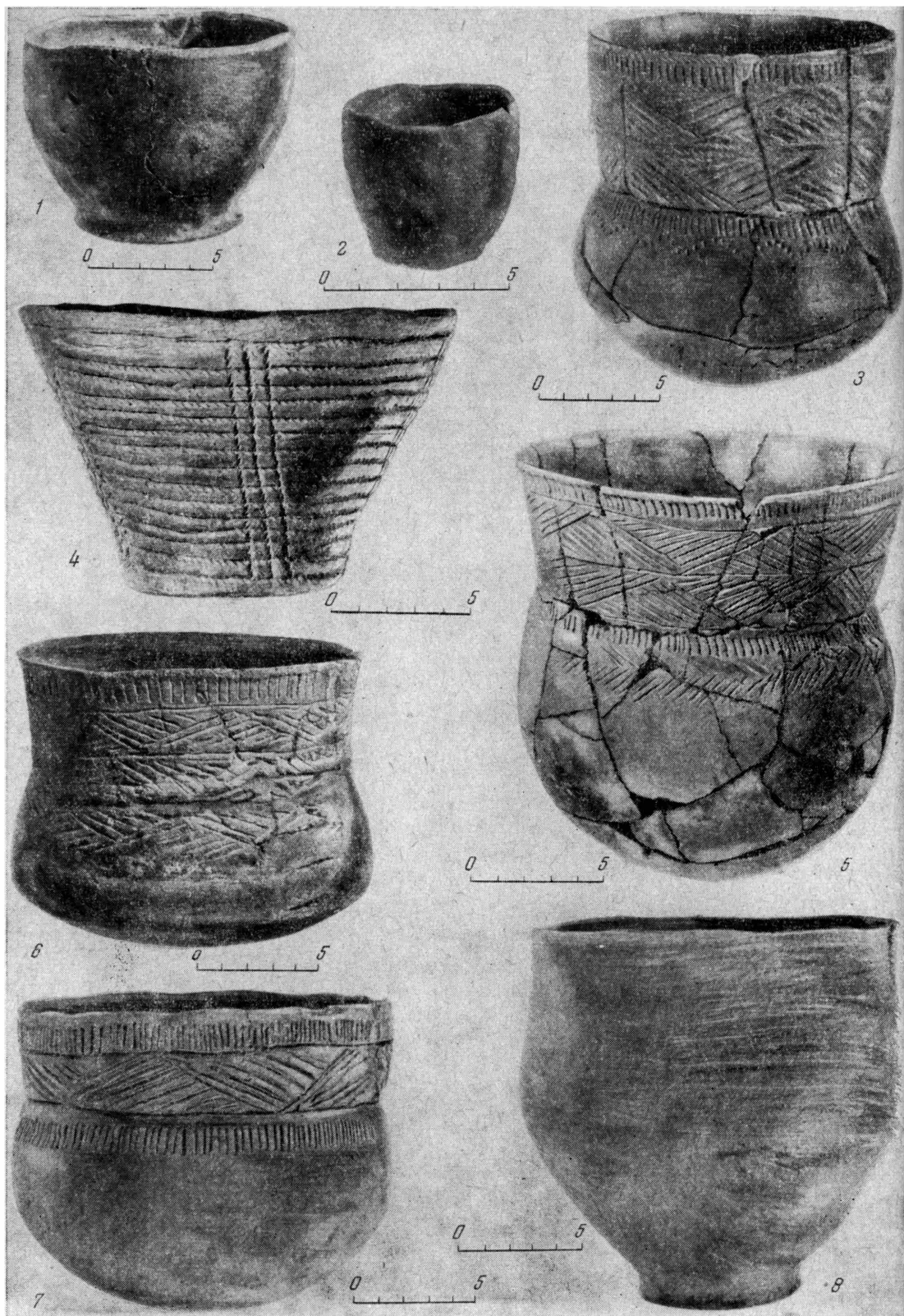

Рис. 5. Керамика из погребений среднеднепровской культуры Верхнего Поднепровья, С. Ходосовичи:

1—3 — из кургана в уроч. Палик; 5 — из кург. № 10, погр. 4; 6 — из кург. № 1 в уроч. Мотка; 7 — из кург. № 3, погр. 3; 8 — из кург. № 2, погр. 1 в уроч. Сергеева Грива. 4 — уроч. Стрелца, погр. 15

Погребальный инвентарь курганных и грунтовых погребений с труположением и трупосожжением однообразен.

Основой хозяйства среднеднепровских племен являлись скотоводство и земледелие. Судя по находкам костей домашних животных, населению среднеднепровской культуры были известны уже все основные виды домашнего скота: бык, овца или коза, лошадь и свинья. Природные условия способствовали развитию у среднеднепровских племен пойменной и подсечно-огневой системы земледелия.

Племена среднеднепровской культуры Верхнего Поднепровья занимались также охотой и рыболовством. Охота велась на диких животных: оленя, лося, кабана — для получения мяса и на пушных зверей таких, как бобр и волк. Кости этих диких животных и пушных зверей были обнаружены в курганных погребениях.

Металлические предметы, обнаруженные в погребениях среднеднепровской культуры на территории Верхнего Поднепровья, изготовлены из металла кавказского и прикарпатского происхождения²³. Значительная часть этих предметов была получена среднеднепровскими племенами в результате обмена в готовом виде. Исключение составляет лишь несколько предметов, которые изготовлены из металла кавказского происхождения (медь с примесью мышьяка), но на Кавказе и в других культурах эпохи бронзы, синхронных среднеднепровской культуре, аналогий не имеют (рис. 1, 4—5). Это дает возможность предполагать, что племена среднеднепровской культуры занимались также металлургией на привозном сырье и указанные предметы были изготовлены на месте.

Среднеднепровские племена на позднем этапе развития достигли высокого совершенства в изготовлении орудий труда и оружия из твердых пород камня и кремня (рис. 1, 7—18).

Значительное место в хозяйстве племен среднеднепровской культуры Верхнего Поднепровья занимало гончарное производство. Посуда среднеднепровских племен разнообразна по форме и размерам. Она представлена тонкостенными хорошо сформованными плоскодонными горшками с короткой шейкой; широкогорлыми горшками с высокой шейкой, округлым туловом и круглым или плоским дном; сосудами баночной и колоколовидной формы. Сосуды украшены отпечатками шнура, линейного штампа и нарезными линиями, образующими соприкасающиеся заштрихованные треугольники, горизонтальные ряды, зигзаги и елочные композиции (рис. 2).

Племена среднеднепровской культуры занимались также обработкой кож, производством тканей и изготовлением одежды.

Занятие земледелием и состав стада домашних животных с наличием крупного рогатого скота и особенно свиньи указывают на то, что среднеднепровские племена вели оседлый образ жизни, рассчитанный на использование ближайших к поселениям земель под посевы и пастбища.

Рост производительных сил, развитие скотоводства и земледелия привели к накоплению у среднеднепровских племен излишка продуктов. Все это создало необходимые предпосылки для установления обмена с соседними и отдаленными племенами. Развитию обмена способствовали также возрастающий спрос на металл, которого не было на месте.

Днепр и его притоки давали возможность населению среднеднепровской культуры устанавливать связи и вести обмен с племенами Прибалтики, Волыни и Западной Подолии. Особенно тесные культурные связи существовали между племенами среднеднепровской культуры и степными племенами Северного Причерноморья (племенами катакомбной культуры), а через посредство последних — и с племенами Северного Кавказа.

²³ Анализ металлических изделий произведен Е. Н. Черныхом в кабинете спектрального анализа лаборатории ИА АН СССР.

Путем обмена приобретались украшения из янтаря, металлические (медные и бронзовые) изделия (рис. 1, 1—3, 6) и, вероятно, металл как сырье.

Для выяснения общественной организации и идеологических представлений среднеднепровских племен большое значение имеют могильники среднеднепровской культуры.

В курганах близ с. Ходосовичи были обнаружены мужские захоронения в могилах с богатым инвентарем, занимавшие центральное положение в кургане, а вокруг них, также в отдельных могилах, находились женские и детские захоронения. Такие курганы являлись, вероятно, усыпальницами отдельной патриархальной семьи. Мужские погребения — это прежде всего погребения воинов с набором разнообразного оружия. Погребальный ритуал свидетельствует о том, что среднеднепровские племена жили в условиях патриархально-родовых отношений и мужчина играл ведущую роль в хозяйстве и семье.

Вместе с тем и среди мужских погребений наблюдаются различия в составе инвентаря. Наряду с рядовыми погребениями, сопровождавшимися лишь одним сосудом или сосудом и наконечниками стрел, встречено несколько погребений с большим количеством разнообразного инвентаря. Среди последних особенно выделяется своими размерами и богатством инвентаря погребение в кургане № 11 близ с. Ходосовича²⁴. Весь комплекс инвентаря этого погребения свидетельствует о том, что погребенный занимал при жизни особое положение в роде или племени. Он мог быть старейшиной рода, а возможно и вождем племени или представителем племенной верхушки. Эти факты указывают на усложнение общественной организации, на развитие имущественной дифференциации у среднеднепровских племен.

Племена среднеднепровской культуры входили в состав обширной культурно-исторической области, получившей наименование «культур шнуровой керамики» или «культур боевых топоров». Эта область охватывала огромное пространство в Средней и Восточной Европе — бассейны Эльбы, Одера и Вислы, Верхнее Подунавье, верховья Днестра, Среднее и Верхнее Поднепровье, Верхнее Поволжье, юго-восточную Прибалтику, юго-западную Финляндию, Швецию и Данию.

Многие советские и зарубежные археологи уже давно обратили внимание на тот факт, что область распространения «культур шнуровой керамики» совпадает с территорией, на которой лучше всего сохранились следы некогда распространенных там индоевропейских языков славянской и балтийской групп. Поэтому в археологической и исторической литературе утвердилась поддерживаемая почти всеми археологами, лингвистами и антропологами точка зрения о том, что племена «культур шнуровой керамики» или «культур боевых топоров», составной частью которой являлись и племена среднеднепровской культуры, представляли собой одну из групп древних индоевропейцев — предков славян, балтов и германцев. С середины II тыс. до н. э. на территории Верхнего Поднепровья появляются памятники сосницкой культуры, названной так по первым исследованным поселениям в районе Сосницы Черниговской области²⁵.

Раскопаны поселения у сел Сосница и Долинка Сосницкого района Черниговской области и у сел Ивановка и Волянцево Путивльского района Сумской области УССР, а также у с. Мохов Речицкого района Гомельской области БССР. Большое число поселений сосницкой культуры было обследовано на Днестре, Соже, Десне и Припяти (рис. 6).

²⁴ И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи.

²⁵ С. С. Березанская. Указ. соч.; И. И. Артеменко. Поселение бронзового века на Кузиной Горе. СА, 1961, № 2.

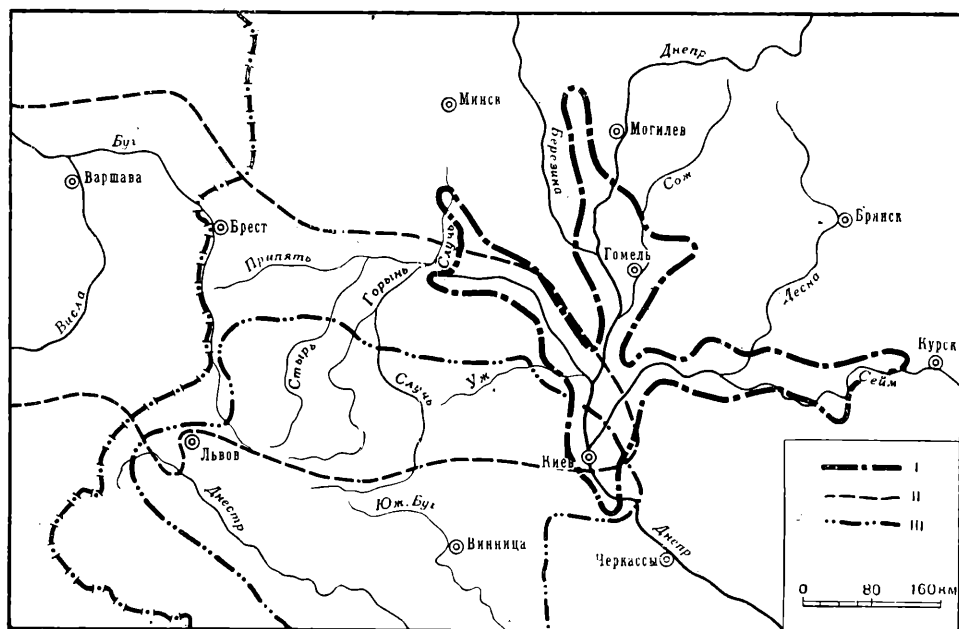

Рис. 6. Схема распространения культур:

I — сосницкой, II — тшинцевкой (по А. Гардавскому) и III — комаровской (по И. К. Свешникову)

Они расположены в пойме реки, на песчаных дюнах или останцах, возвышающихся над поймой на 4—3 м, и на высоких мысах, вдающихся в пойму, на которых впоследствии, в раннем железном веке, возникают городища. На поселениях были обнаружены остатки жилищ, обломки каменных сверленных топоров, клиновидные топоры из кварцита, каменные зернотерки и растиральники, кремневые ножи и наконечники стрел, фрагменты керамики и большое число костей домашних животных — быка, овцы, лошади и свиньи.

Погребения сосницкой культуры еще недостаточно исследованы. Известны грунтовые погребения с трупосожжением (Горошков, Ходосовичи)²⁶ и курганные захоронения с труположением (Харивка)²⁷.

Основой хозяйства племен сосницкой культуры было скотоводство и земледелие. Они жили оседло. Остатки двух наземных жилищ были исследованы на поселении у с. Мохов, а на поселениях Сосница, Долинка, Волинцево и других были обнаружены полуземлянки прямоугольной, почти квадратной формы, глубиной 1—1,2 м и площадью 42—44 кв. м. В центре или в углу полуземлянок найдены остатки очагов, представлявшие собой обожженные камни и куски печины с отпечатками хвороста.

Население сосницкой культуры занималось также металлургией, вероятно, на привозном сырье. Об этом свидетельствует обломок глиняной литейной формы для отливки вислообушного топора, найденный в одной из полуземлянок на поселении близ с. Волинцево.

Значительное место в хозяйстве племен сосницкой культуры занимало гончарное производство. Посуда изготовлена из хорошо перемешанной глины с примесью песка, кварца или толченого гранита. Наиболее распространенной формой посуды являются высокие плоскодонные горшки со слабо выпуклым туловом и отогнутым венчиком, край утолщен и срезан

²⁶ И. И. Артеменко. Поселение бронзового века на Кузиной Горе.

²⁷ Там же.

наискось наружу. Орнамент сохраняет много черт, характерных для среднеднепровской культуры. Он покрывает всю поверхность или только верхнюю часть сосудов и состоит из нарезных линий, мелких углублений, отпечатков шнура и линейного штампа, а также отпечатков тонкого штампа, обмотанного ниткой. Орнаментальные узоры расположены зонами и образуют горизонтальные ряды, слочные композиции, зигзаги и опущенные вниз вершиной заштрихованные треугольники.

Сосницкая культура сложилась на основе предшествовавшей ей среднеднепровской культуры²⁸. Кроме того, в сложении сосницкой культуры принимало участие и местное позднеолитическое население, ассимилированное среднеднепровскими племенами. Об этом свидетельствуют некоторые элементы орнамента на керамике сосницкой культуры — отпечатки гребенки, мелкие ямочные углубления и ряд глубоких круглых ямок под венчиком сосуда, характерные для позднеолитической керамики.

Племена сосницкой культуры занимали почти ту же территорию, что и предшествовавшие им племена среднеднепровской культуры. В настоящее время памятники сосницкой культуры известны на территории Киевской, Черниговской и Сумской областей УССР, Гомельской и Могилевской областей БССР. На западе племена сосницкой культуры граничили с племенами комаровской и тшцинецкой культур. Несмотря на сходство между сосницкой культурой с комаровской и тшцинецкой, главным образом в керамике, между ними наблюдаются и существенные различия²⁹. Однако границы между этими культурами до сих пор не определены. И. К. Свешников писал, что территория распространения комаровской культуры, вероятно, доходит до Днепра и переходит на его левый берег³⁰. В свою очередь А. Гардавский считает, что территория тшцинецкой культуры доходит до Днепра и также переходит на его левый берег³¹. Картографирование памятников сосницкой, комаровской и тшцинецкой культур (рис. 4) показывает, что комаровская и тшцинецкая культуры до Днепра не доходят, а тем более не переходят на его левый берег. На Правобережье сосницкая культура занимает узкую полосу вдоль правого берега Днепра и Припяти. Граница между сосницкой и комаровской культурами проходит, вероятно, по линии Овруч — Белая Церковь, а между сосницкой и тшцинецкой культурами — на Припяти, в районе Турова.

Исследования последних лет на территории Киевской области дают возможность предполагать, что сосницкая культура в ее позднем варианте (памятники лебедивского типа) доживает до конца II — начала I тыс. до н. э. и принимает участие в сложении милоградской культуры раннего железного века, сыгравшей определенную роль в формировании восточнославянских племен.

²⁸ И. И. Артеменко. Поселение бронзового века на Кузиной Горе.

²⁹ Там же.

³⁰ И. К. Свешников. Підсумки дослідження культур бронзової доби Прикарпаття і Західного Поділля. Львів, 1958, стр. 21.

³¹ A. Gardawski. Plemiona kultury trzeciekiej w Polsce. «Materialy Starożytne», t. V. Warszawa, 1959.

Г. А. МАКСИМЕНКОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ЭПОХЕ БРОНЗЫ
В МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ

В последние годы в связи со строительством Красноярской ГЭС ведутся обширные археологические работы в зоне затопления, которые дают огромный и часто совершенно новый материал. Он еще не издан, так как работы экспедиции продолжаются, но уже сейчас ясно, что новые факты не укладываются в рамки сложившихся представлений. Приводимые ниже соображения, может быть еще недостаточно аргументированы, но они отражают ход мысли и пути, по которым идут исследования.

Для работ Красноярской экспедиции, самой крупной за всю историю изучения Енисея, характерна новая методика и подход к изучаемым объектам. Теперь раскапываются не только могилы, но в равной степени изучается и все могильное сооружение, что дает дополнительные факты для правильного осмысления сооружений, их конструкции, порядка строительства памятника и для его реконструкции. До работ Красноярской экспедиции не было целиком исследованных памятников, раскапывались только отдельные курганы. Красноярская экспедиция в первую очередь раскапывает такие памятники, которые хотя бы немного отличаются по внешнему виду от уже известных, что привело к новым открытиям.

В эти же годы С. В. Киселев раскопал Салбыкский курган; А. Н. Липский проводил небольшие раскопки на юге Хакасии, Л. Р. Кызласов — в разных местах Минусинской котловины, В. М. Зимина — у с. Потрошилова; Р. В. Николаев — на горе Оглахты и на строительстве железной дороги Абакан — Тайшет; Н. Л. Членова — у с. Ужур.

В результате всех этих работ материал значительно увеличился. А. П. Липский и Л. Р. Кызласов открыли и частично изучили новые афанасьевские памятники, а Красноярская экспедиция исследовала три афанасьевских могильника. Открыты и раскопаны в четырех пунктах памятники окуневского времени, продолжены исследования старых и открыты новые памятники андроновской культуры. Особенно обширными явились раскопки карасукских курганов в могильнике, по имени которого названа вся культура. Впервые в истории изучения Минусинской котловины раскопаны землянки позднекарасукского времени и одновременные им могильники. Кроме того, исследованы целиком два могильника начала и середины тагарской культуры, а также землянки конца этого периода. Совершенно очевидно, что столь значительные и полученные новыми путями материалы не могут не поколебать некоторых сложившихся представлений. Прежде чем перейти к археологическим вопросам в свете новых данных, необходимо коротко остановиться на палеоантропологии Енисея.

В связи с находкой А. Н. Липского в погребениях на Абакане, которые исследователь, как теперь стало ясно, неправильно считал афанасьевскими, совершенно иного антропологического типа встал вопрос о двух видах древнего афанасьевского населения: северного европеоидного, установленного Г. Ф. Дебецом, и южного с монголоидными чертами, в котором В. П. Алексеев видит реликт древнего доафанасьевского населения¹. Предварительно ознакомься с антропологическим материалом окуневского могильника на речке Черновой, В. П. Алексеев нашел, что он полностью соответствует выделенному им южному афанасьевскому типу, который правильно было бы называть окуневским.

Изменились представления и о карасукском антропологическом типе. Первоначально Г. Ф. Дебец видел в нем сходство с памиро-ферганским типом, а затем пришел к заключению, что в нем есть примесь дальневосточной расы². Последние исследования В. П. Алексеева с применением новой методики показали, что правильным было первоначальное мнение Г. Ф. Дебеца. В формировании карасукского типа приняли участие памиро-ферганский³, андроновский и более древний южный афанасьевский (окуневский).

Материалы из раскопок последних лет позволяют затронуть ряд вопросов древней истории племен Минусинской котловины. Здесь мы остановимся только на части из них.

Раскопки А. Н. Липского и Л. Р. Кызласова дали могилы с необычным инвентарем и монголоидной примесью в физическом типе погребенных. Такие могилы встречены в памятниках афанасьевской культуры, что заставляло считать эти погребения афанасьевскими. Сходство материалов этих могил с рядом ранее известных окуневских памятников привело к мысли, что все это афанасьевские памятники, но самые поздние из них. Такое представление значительно расширило содержание афанасьевской культуры. К ней были отнесены плоскодонные горшки, различные бронзовые предметы (ножи, игольники, литой топор), а также мраморные шары, стеатитовые колечки и изображения птиц. В результате афанасьевская культура приобрела иной вид.

Раскопки на речке Черновой в 1962—1963 гг. 14 курганов окуневского типа, содержащих 114 могил и расположенного в нескольких метрах от него афанасьевского могильника, позволили очень ясно увидеть культурные и хронологические различия этих двух групп памятников. Археологическая характеристика афанасьевской культуры, данная С. А. Теплоуховым и С. В. Киселевым, в принципе верна и остается прежней. Для окуневского же времени сейчас можно дать более развернутую и полную характеристику. В это время распространены кладбища из больших квадратных оград, содержащих до двух десятков могил в каждой. Могилы — каменные ящики, перекрытые плитами, редко небольшие грунтовые ямы. Погребенные лежат на спине с согнутыми в коленях ногами. Дно могил в большинстве случаев наклонено в сторону ног, а под головой стоят «подушки» — наклонные или вертикальные камни. В могилах один, два или три человека. Иногда в могиле стоит один горшок, но обязательно плоскодонный, часто с украшенным дном. Погребенных сопровождают медные или бронзовые вещи: ножи, игольники, височные кольца, рыболовный крючок, шилья;

¹ Г. Ф. Дебец. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя. АЖ, 1932, № 2, стр. 26; он же. Палеоантропология СССР, 1948; В. П. Алексеев. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы. АС, III, ТИЭ, новая серия, 59, 1961, стр. 107; он же. О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры. СЭ, 1961, № 1, стр. 116; он же. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянском нагорье) в эпоху неолита и бронзы. Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, стр. 337.

² Г. Ф. Дебец. Расовые типы населения..., стр. 26.

³ В. П. Алексеев. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы, стр. 160.

костяные орудия: кинжаловидные предметы, гарпуны, острога, а также украшения из зубов медведя, соболя и мелкого каменного бисера, каменные топоры, каменные пестикообразные или плоские костяные пластинки с антропоморфными изображениями, каменные и костяные изображения животных и птиц, курильницы с перегородками.

Учитывая своеобразие инвентаря, обряда погребения и могильных сооружений, а также антропологический тип погребенных, в окуневских памятниках нужно видеть не раннеандроновские или позднеафанасьевские, а памятники самостоятельной и своеобразной культуры. С выделением окуневской культуры возникает ряд вопросов, связанных с афанасьевской. Во-первых, в нескольких афанасьевских могилах, рассматривавшихся исследователями как многоярусные, в верхних погребениях найдены вещи окуневских типов. Причем во всех подобных случаях можно утверждать одновременность таких могил по отношению к могильнику. Исключение этих могил из афанасьевской культуры приводит к тому, что она предстает более архаичной, чем это казалось раньше. Во-вторых, в связи с отсутствием генетической связи между афанасьевской и окуневской культурами возникает вопрос об исторических судьбах афанасьевского населения, ответ на который пока не может быть дан, как не может быть пока решен и вопрос о происхождении окуневской культуры. Складывается впечатление, что окуневская культура появилась в Минусинской котловине в готовом виде, т. е. была принесена сюда новыми людьми.

Распространение памятников окуневской культуры по Минусинской котловине очень широкое. Они найдены почти во всех местах, где производились раскопки, а отнесение к этому же времени каменных изваяний, найденных в большом числе и в окуневском могильнике на речке Черновой, свидетельствует о насыщенности памятниками этого времени всей степи.

Выявление окуневской культуры отразилось и на наших представлениях об андроновской. Наиболее спорным вопросом последней в Минусинской котловине являлось ее происхождение. Некоторые исследователи считали, что она выросла на местной основе из афанасьевской культуры⁴. Эта точка зрения, казалось, получила свое полное подтверждение после выхода работы М. Н. Комаровой об окуневском этапе, чему не противоречил и антропологический тип окуневцев, который был в то время неясен. Другие же исследователи выводили андроновскую культуру с запада, опираясь в первую очередь на антропологический тип⁵. Установление окуневской культуры и типа ее носителей заставляет признать вторую точку зрения правильной: андроновский антропологический тип не находит себе корней в Минусинской котловине, а культура преемственно не связана с более древней. Однако приводить андроновцев в Минусинскую котловину непосредственно из Казахстана также нет оснований⁶, так как отмеченные М. Н. Комаровой этнографические черты, присущие андроновцам Енисея, не позволяют это делать⁷.

Андроновская культура появилась в Минусинской котловине с запада; она могла прийти сюда в тот период, когда в западных районах только что начали оформляться новые алакульские черты, но федоровский характер культуры не успел измениться; об этом свидетельствуют отдельные черты,

⁴ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 103; (см. критику местного происхождения андроновской культуры: Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 70).

⁵ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 70; В. П. Алексеев. Палеоантропология Алтая-Саянского нагорья..., стр. 147 и сл.

⁶ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, стр. 110.

⁷ М. Н. Комарова. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. Археологический сборник, 3, 1961, стр. 32.

отмеченные М. Н. Комаровой в могильнике у с. Усть-Ерба⁸. Видимо, ожидать на Енисее памятники алакульского типа не приходится, как как процесс развития культуры в новых условиях мог пойти по другим путям, в частности по пути, который мог привести к формированию карасукской культуры.

Наиболее темным вопросом карасукской культуры является ее происхождение. Первоначально С. А. Теплоухов и С. В. Киселев устанавливали преемственность между андроновской и карасукской культурами⁹, а затем С. В. Киселев все более склонялся к мысли о ведущей роли в ее сложении юго-восточных компонентов¹⁰. Наряду с этим существует и диаметрально противоположное мнение М. П. Грязнова, доказывающего на материалах Верхней Оби, местные корни карасукской культуры¹¹. Рассматривая систему доказательств С. В. Киселева, можно видеть, что он опирается на следующие факты: антропологический тип, ножи, кинжалы, некоторые виды украшений, характер изображения на стелах, посуду, могилы¹².

Исходя из новых проверенных антропологических данных, сейчас говорить о приходе хотя бы какой-то части людей с юго-востока от границ Китая не приходится. Карасукский антропологический тип складывался совершенно из других компонентов. Говорить о принадлежности стел к карасукской культуре и видеть в них влияние Китая в свете новых раскопок окуневского могильника также нельзя. Специальное изучение кинжалов показывает, что в каждой области культуры карасукского типа имеется свой локальный вариант, причем китайский вариант имеет больше других специфических черт, чем кинжалы других территорий. Это обстоятельство не позволяет выводить карасукские кинжалы из Китая¹³.

Если, говоря о некоторых бронзовых вещах, можно и нужно подчеркивать их сходство на разных территориях, что указывает на близость культурного облика оставивших их обществ, то, рассматривая керамику и погребальные сооружения, можно утверждать их местное преемственное развитие из более древних культур. В керамике это сказывается в сохранении многих видов орнаментов, зарождающихся в андроновской культуре и особенностях формы, что наиболее отчетливо наблюдается на Верхней Оби¹⁴. Погребальные же сооружения типа Минусинских нигде на востоке неизвестны. Кроме того, впервые в 1963 г. в ряде могил в андроновском могильнике на Сухом озере (речка Черновая) встречена ориентировка погребенных головой на СВ, что характерно только для карасукской культуры. Таким образом, прямых свидетельств о юго-восточном происхождении карасукской культуры нет. Можно говорить только о принадлежности ее в Минусинской котловине к определенному кругу культур, широко распространенных от границ Китая до Средней Азии.

Наиболее значительным событием в области карасукской культуры нужно считать открытие М. П. Грязновым и М. И. Комаровой нового

⁸ М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры. Археологический сборник, 5, 1962, стр. 50.

⁹ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, т. 3, вып. 2, 1927, стр. 57; С. В. Киселев. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии. СЭ, № 4—5, 1935, стр. 206; он же. Карасукские могилы. СА, № 3, стр. 137.

¹⁰ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 114; он же. Китай и Сибирь в бронзовом веке. Юбилейная научная сессия, посвященная 200-летию Московского государственного университета, 9—13 мая, 1955 г. Тезисы докладов. Исторический факультет, М., 1955, стр. 46; он же. Неолит и бронзовый век Китая. СА, 1960, № 4, стр. 244.

¹¹ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1956, стр. 38.

¹² С. В. Киселев. рецензия: М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. СА, 1958, № 1, стр. 275; он же. Неолит и бронзовый век Китая, стр. 244.

¹³ Г. А. Максименков. Новые данные по археологии района Красноярска. Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока, Новосибирск, 1961, стр. 301.

¹⁴ М. П. Грязнов. История древних племен..., стр. 39.

позднекарасукского этапа. Еще С. А. Теплоухов, а затем и С. В. Киселев отмечали отдельные карасукские сосуды со своеобразной орнаментацией, которые, по их мнению, иллюстрируют связь с керамикой более древних культур. В недавнее время Н. Л. Членова выделила некоторые памятники с такой керамикой и объединила их в лугавскую культуру, которая, по ее мнению, была распространена по югу Минусинской котловины и сосуществовала с карасукской¹⁵.

Раскопанные Красноярской экспедицией землянки и могильники дали огромный материал, позволяющий выделить своеобразный комплекс керамики, отличающийся от собственно карасукской. Этой керамике сопутствуют особые формы украшений, ножей, оружия, костяных изделий. Памятники этого рода выделились сейчас по всей области распространения карасукской культуры, что не позволяет отнести их к одному времени с собственно карасукской культурой, тем более, что могильники обеих этапов расположены часто в непосредственной близости. Этот этап, названный М. П. Грязновым каменноложским, по месту раскопок землянок в Каменном логу на р. Карасук, непосредственно связан с памятниками начального — байновского этапа Минусинской курганной культуры. Байновская керамика имеет много черт в характере орнамента и переживании форм с каменноложской. Выделение каменноложского этапа, вырастающего из карасукской культуры и переходящего в раннетагарскую, позволяет говорить о непрерывности культурного развития в конце II — начале I тыс. до н. э. Тот же процесс установлен для этого времени на Верхней Оби¹⁶, что свидетельствует о едином историческом процессе в Южной Сибири.

Для более раннего времени наблюдается иная картина. Все исследователи, допуская или считая, что в Минусинскую котловину проникали чуждые ей племена, утверждали непрерывность культурного развития. Со времени С. А. Теплоухова искали и находили отдельные черты переживания более древних форм в новых культурах, иногда даже в течение нескольких культур (способы изготовления керамики, характер орнамента, характер могильных сооружений). Проникновение носителей карасукской культуры, по мнению С. В. Киселева, не привело к перерыву в преемственном развитии¹⁷. Однако новые материалы не позволяют согласиться с непрерывностью развития.

Появление окуневской культуры, преемственно не связанной с древней афанасьевской культурой, привело к коренному изменению культурного облика Минусинской котловины в начале II тыс. до н. э. В середине II тыс. он опять меняется: с запада, видимо, из ближайших к Минусинской котловине районов, с Алтая или Оби, вторгаются группы нового андроновского населения. Они оттесняют окуневцев, но, видимо, полностью последние не исчезают. На базе предшествующих культур, в первую очередь андроновской, возникает карасукская культура, в которой ясны отдельные черты андроновской, в то время как окуневские, так же как и принесенные в это время новым населением с памиро-ферганским антропологическим типом черты, пока не могут быть прослежены.

Таким образом, новые материалы позволяют видеть несколько более сложный процесс развития древних культур Минусинской котловины. Требуют пересмотра и вопросы хронологии. Вырисовывающийся более архаичный облик афанасьевской культуры, широкое распространение окуневской и отсутствие связи последней с андроновской заставляют отнести афанасьевскую культуру всецело в III тыс., отведя для окуневской начало II тыс. Выделение же каменноложского этапа заставляет удревить начало собственно карасукской культуры.

¹⁵ Н. Л. Членова. Основные вопросы происхождения тагарской культуры. Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, стр. 279.

¹⁶ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби, стр. 72.

¹⁷ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 177.

В. И. ЦАЛКИН

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ ЖИВОТНЫХ ИЗ РАСКОПОК АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Имеющиеся в литературе сведения о костных остатках животных из раскопок археологических памятников поздней бронзы до сих пор еще очень немногочисленны. Контингент памятников, охваченных остеологическими исследованиями, довольно узок, а опубликованные данные ограничиваются обычно лишь перечнем видового состава животных и почти не содержат попыток характеристики физического облика последних. Некоторые результаты изучения костей животных из раскопок поселений и курганов срубной культуры в Среднем Поволжье и в Северном Причерноморье уже раньше сообщались нами в печати¹, но и они, естественно, не в состоянии заполнить имеющийся пробел. Работа над материалами позднего бронзового века, продолжавшаяся автором статьи на протяжении последних лет, охватила широкий круг поселений, курганов и могильников различных археологических культур, распространенных от Днестра, на западе, до Приуралья и Западного Казахстана — на востоке. Тем самым возникла возможность вернуться к рассмотрению вопроса о домашних животных и животноводстве у племен позднего бронзового века, основываясь на более широком и прочном фундаменте научных данных.

Ниже приводится краткий перечень памятников, из раскопок которых были изучены костные остатки животных. В тех, сравнительно немногих случаях, когда данные заимствовались из литературных источников, они сопровождаются соответствующей ссылкой.

Памятники культуры Ноуа: поселения Рошиетичи, Шолданешты, Дурлешты, поселение и зольник у с. Гиндешты (раскопки А. И. Мелюковой), Комарт (раскопки Д. Э. Рикмана), а также поселение Валя Лупулуй в Румынии².

Памятники срубной культуры в Северном Причерноморье: поселения Каракурт или Жовтневое, Тудорово (раскопки А. И. Мелюковой), Калиновка IV (раскопки Б. Н. Гракова), Нижне-Гниловское (раскопки Н. Каменецкого), Анатолевка, Красное II, Леонидовка,

¹ В. И. Цалкин. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья. МИА, № 53, 1960; он же. Домашние и дикие животные северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, № 107, 1962.

² Сержиу Хаймович. Сравнительное изучение фаунистических остатков эпох неолита и бронзы, найденных в поселении Валя Лупулуй. Analele Stiintifice ale Universitatii din Jasi, t. VIII. f. 2, 1962.

поселение и могильник у с. Пересадовское (раскопки Н. Н. Погребовой), Каменка (раскопки Г. Ф. Гайдукевича), поселения Сурская забора, Звонецкое, Усть-Каменка, у хутора Шевченко, Ушкалка³.

Памятники срубной культуры в Среднем Поволжье: поселения Сусканское I, Сусканское II, курганы у с. Кайбелы, у с. Ягодное, у с. Красная Звезда, у хутора Светлое озеро (раскопки Н. Я. Мерперта), Бектяшка, Актуши, Моечное озеро I, Моечное озеро II, Моечное озеро III, Уркина гора, у с. Комаровка (раскопки А. Е. Алиховой), Данилово озеро (раскопки Н. В. Трубниковой), Задоно-Авиловское, Осиновгай (раскопки И. В. Синицина), поселения Максотовское, Успенское⁴. Зимница I, Зимница II⁵, Волчий овраг, у с. Мокшан и Пустынь⁶.

Памятники приказанской культуры: поселения Атабаевское, Балымское (раскопки Н. Ф. Калинина), Степное озеро, Гулькинское (раскопки А. В. Збруевой).

Памятники срубной и абашевской культуры в Среднем Подонье: поселения № 8 у с. Вознесенки, Сасовка II, Блинчатое, № 1 в урочище Частые курганы, № 4 в урочище Частые курганы, Пятихатка, Войновка (раскопки П. Д. Либерова), Мереха, Большая Даниловка (раскопки Б. А. Шрамко), у хутора Чернецкого⁷.

Памятники срубной и абашевской культуры в Приуралье: поселение Ново-Баскаковское, Ахметово I, Ахметово II, Метев-Томак, Касьяновское, Баланбаш⁸, Яприк I, Ногаево II, Кюнь I, Кобаново II, Тукмаклинское (раскопки А. В. Збруевой), Салихово I, Урняк, Мало-Кизыльское (раскопки К. В. Сальникова), Береговское I, Береговское II (раскопки В. П. Викторова).

Памятники андроновской культуры: могильник у г. Кургана, Замараевское, Ново-Бурейнское, Черкасульское II (раскопки К. В. Сальникова), Садчиковское (раскопки О. А. Кривцовой-Граковой), Кипельское⁹, Алексеевское¹⁰, поселение и могильник у с. Байту, могильник Атакен-сай, поселение и могильник у с. Купухта, поселение и могильник у с. Шандаша, поселение и могильник у с. Ушкатта, могильник у с. Турсумбай (раскопки Е. Е. Кузьминой), могильник у с. Хабарное (раскопки М. А. Мешковой) поселение Канай, Усть-Нарым, Мало-Красноярка, Трушниково¹¹.

В общем итоге мы располагаем сейчас результатами изучения около 44 тыс. костей из раскопок более 100 археологических памятников. В них обнаружены остатки семи видов домашних и 22 видов диких животных. В дальнейшем обзоре домашних животных, разводившихся племенами позднего бронзового века, мы ограничиваемся лишь самыми краткими характеристиками их особенностей, предполагая дать более подробное описание в специальной работе.

Крупный рогатый скот. Кости скота весьма многочисленны в культурном слое поселений и образуют «основной фон» костных остатков. Сохранность материала обычно невысока и для установления краниологиче-

³ И. Г. Підоплічко. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. в. 2, Київ, 1956.

⁴ И. В. Синицин. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья, СА, XI, 1949.

⁵ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. М., 1935.

⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и Пустынь. Труды ГИМ, вып. XVII, 1941.

⁷ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, Указ. ссч.

⁸ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.

⁹ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951.

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, 1948.

¹¹ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, №88, 1960.

ской структуры скота данные почти отсутствуют. Немногие хорошо сохранившиеся костные стержни рогов даже у коров отличаются значительной длиной, достигая по большой кривизне 300 мм и несомненно превосходя в этом отношении одноименные кости скота, разводившегося на той же территории племенами раннего железного века. Заслуживает серьезного внимания, что костные стержни рогов, в том числе уже мелкие фрагменты их, лишь очень редко попадают в остатках позднего бронзового века, о чем дают представление приводимые ниже цифры:

Археологическая культура	Общее количество костей скота	Количество костных стержней рогов (в % от общего количества костей скота)
Культура ноа	2573	0,51
Срубная культура в Северном Причерноморье	3446	0,26
Срубная культура в Среднем Поволжье	5158	0,42
Срубная и абашевская культуры в Среднем Подонье	1670	0,06
Срубная и абашевская культуры в Приуралье	1698	0,65
Андроновская культура	1706	0,29

Мы видим, что процент костных стержней рогов сильно колеблется по поселениям отдельных культур, что связано, вероятно, с количественной неравноценностью исследованного материала. Характерно, однако, что во всех случаях он очень низок. Столь малый процент стержней рогов встречается обычно только в остатках комолых популяций скота. Возможно, таким образом, что комолость была широко распространенным явлением среди скота племен поздней бронзы, подобно тому, как это наблюдается в раннем железном веке у скота степной и лесостепной полосы Восточной Европы.

Изучение сохранившихся целыми пястных и плюсовых костей устанавливает, что в стадах скота, наряду с коровами и быками, имелись волы. Метоподии их обнаружены в поселениях срубной культуры в Северном Причерноморье и Среднем Поволжье, а также в андроновском могильнике у г. Кургана. Судя по косвенным признакам, имелись волы и в поселениях культуры ноа и срубной и абашевской культуры. Кастрация быков как способ получения транспортных или рабочих животных была уже хорошо известна племенам позднего бронзового века Восточной Европы, Приуралья и Западного Казахстана.

Определение роста скота (в см) в холке по длине мемаподий приводит к следующим результатам:

Коровы	117,5 (106—131)
Быки	125,5 (120—131)
Волы	133,3 (130—137)

Скот племен позднего бронзового века был, следовательно, значительно более рослым, чем у племен раннего железного века. Попытка обнаружить какие-либо различия в размерах или в строении костей скота из раскопок поселений различных культур поздней бронзы не привела к положительным результатам: по-видимому, на всем пространстве от Днестра до Приуралья и Западного Казахстана скот был довольно однороден.

Овца. Встречена в памятниках всех рассматриваемых культур, но особенно многочисленна в поселениях срубников Среднего Поволжья и андроновцев. Несомненно отличалась очень крупными размерами, достигая высоты в холке 78 см, а в среднем составляя около 70 см. Значительно превосходит в этом отношении овец скифо-сарматского времени, распро-

страненных в степной и лесостепной полосе Восточной Европы, не говоря уже о мелких лесных овцах.

Коза. Численно повсюду уступает овце. Более обычна в поселениях культуры ноа и у срубников Северного Причерноморья; реже встречается в поселениях других культур, особенно у андроновцев. Все найденные экземпляры принадлежат краниологическому типу *piscaaeagrus*. В пределах имеющегося ограниченного материала не обнаружено существенных отличий от коз более позднего времени.

Свинья. По количеству костных остатков занимает среди сельскохозяйственных животных (не считая верблюда) последнее место. Практически полностью отсутствует у андроновцев (единственное исключение II Черкаскульское поселение), очень малочисленна и у срубников Северного Причерноморья. Количество остатков свиней несколько возрастает в памятниках культур ноа, срубной и абашевской в Подонье и в Приуралье, но особенно приказанской, где она достигает максимальной численности, установленной в настоящее время для культур поздней бронзы. Размеры этих древних свиней были определено крупнее, чем свиней раннего железного века, встречавшихся в степной и лесостепной полосе Восточной Европы.

Лошадь. Кости лошади очень обычны в культурном слое всех поселений и нередко многочисленны. Отдельные экземпляры их обращают на себя внимание очень крупными размерами: таковы метаподии и фаланги пальцев из раскопок курганов и поселений срубников Северного Причерноморья и андроновцев. Однако по средним размерам костей лошадь довольно однородна на всей обширной территории распространения рассматриваемых культур.

Основная масса лошадей характеризуется ростом в холке от 128 до 152, чаще всего в пределах 136—144 см. Средний рост лошадей позднего бронзового века был около 139 см и, следовательно, они крупнее лошадей скифо-сарматского времени из степной и лесостепной полосы Восточной Европы и тем более лесных, размеры которых вообще были очень малы. Существенных различий между всеми этими древними лошадьми по строению посткраниального скелета не установлено.

Собака. За исключением поселений Анатольевки и Нижне-Гниловского, кости собак очень немногочисленны. Сохранность их гораздо лучше чем костей других домашних животных. Видимо, мясо собак в пищу уже не использовалось.

Заканчивая на этом повидовой обзор, обратимся к рассмотрению количественных соотношений между видами сельскохозяйственных животных по количеству особей, характеризующих состав стада их у различных племен поздней бронзы.

В поселениях культуры ноа первое место неизменно принадлежит крупному рогатому скоту, составляющему от 32,3 (зольник у с. Гиндешты) до 56,4% (поселение Валя Лупулуй). Второе место занимает чаще всего мелкий рогатый скот (от 16,7% в поселении Шолданешты до 32,3% в зольнике у с. Гиндешты). Лишь в остатках из раскопок поселений Рошиетичи и Гиндешты он отстывает на третье место, уступая второй лошади. За исключением двух последних поселений на третьем месте обычно находится свинья, а на четвертом — лошадь, часто представленные, впрочем, довольно близким процентом особей.

В памятниках срубной культуры в Северном Причерноморье, из раскопок которых исследованы большие серии костных остатков (поселения Тудорово, Анатольевка, Пересадовка, Каменка и Усть-Каменка), на первом месте всегда находится крупный рогатый скот, причем количество особей его колеблется в относительно небольших пределах (43,3—51,7%). Столь же неизменно последнее место во всех этих поселениях занимает свинья — всего 43—10,4% особей. На долю мелкого рогатого скота приходится от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ общего количества особей и чаще всего он оказывается на втором

месте. Но в остатках из поселений Анатолевка и Усть-Каменка, подобно тому как это наблюдалось в поселениях Рошиетичи и Гиндешты, мелкий рогатый скот отстает на третье место, уступая второе лошади. Количество особей последний сильно варьирует — от 12,1% в поселении Каменка до 38,8% в поселении Анатолевка.

Сходную систему соотношений между видами сельскохозяйственных животных встречаем мы и в поселениях срубной культуры в Среднем Поволжье. Наиболее многочисленную группу стада у них образует крупный рогатый скот (в крупных поселениях 35,0—58,4% особей), лишь в поселении Осинов-гай уступающий первое место мелкому рогатому скоту (33,3—46,5%), третье — лошади (6,2—20,0%), четвертое — свинье, количество которой обычно весьма не велико и только в поселении Моечное озеро I достигает 15,6% особей.

В срубных и абашевских поселениях Среднего Подонья крупный рогатый скот всегда на первом месте. В поселениях Сазовка, Войновка и № 8, из раскопок которых мы располагаем наиболее обширным материалом, он составляет 46,7—50,0%. Мелкий рогатый скот и лошадь представлены довольно близким процентом особей. Наименее многочисленна в этих поселениях свинья.

Среди срубных и абашевских поселений Приуралья нет ни одного, раскопки которого дали бы большое количество костных остатков. В наиболее значительном из них в этом отношении поселении Ахметово I обращает на себя внимание обилие свиней, что, впрочем, замечается и в остатках из многих других поселений (Касьяновском, Береговском I, Баланбаш и др.). Самым многочисленным видом является крупный рогатый скот. На долю мелкого рогатого скота приходится около $\frac{1}{4}$ особей. Наименьшую по численности группу образуют лошади.

Весьма своеобразны соотношения между видами сельскохозяйственных животных в поселениях приказанской культуры. Характерно, что в самых крупных памятниках — поселениях Атабаевском и Гулькинском — крупного рогатого скота всего только 20—21% особей. Преобладающим по численности видом является свинья (42,8—47,3%), многочисленна лошадь (21,1—22,9%), по количеству особей не уступающая крупному рогатому скоту. Мелкого рогатого скота очень мало.

В памятниках андроновской культуры мы замечаем прежде всего отсутствие свиней. Единственным исключением является II Черкаскульское поселение, резко выделяющееся в этом отношении на фоне всех остальных андроновских памятников. Вторая особенность, наблюдающаяся в андроновских поселениях, — это обилие мелкого рогатого скота. Если оставить в стороне упоминавшееся поселение II Черкаскульское и поселение Байту, где овец и коз всего 20% особей, что, возможно, случайно, то в остальных поселениях мелкий рогатый скот является, обычно, наиболее многочисленным и составляет от 33,3 до 53,5%, занимая среди сельскохозяйственных животных первое место. Именно эта многочисленность мелкого рогатого скота, сочетающаяся практически с полным отсутствием свиньи, представляется самой характерной особенностью состава костных остатков животных у андроновцев. В андроновском поселении Алексеевское была найдена одна кость верблюда. В других поселениях андроновцев и всех других культур позднего бронзового века костей верблюда не обнаружено.

Если мы обратимся теперь к общим итогам изучения состава стада сельскохозяйственных животных у племен различных археологических культур поздней бронзы (табл. I), то сможем легко заметить, что наиболее сильно варьирующими по своей относительной численности элементами его являются свиньи и мелкий рогатый скот. Достаточно упомянуть, что свинья, например, составляет в стаде от 0,4% у андроновцев до 36,1% у племен приказанской культуры; мелкий рогатый скот — от 13,9% в поселениях приказанской культуры до 46,2% у андроновцев. Крупный рогатый скот и

особенно лошадь по своей относительной численности гораздо более устойчивы. Естественно, что именно первая группа видов открывает больше возможностей для характеристики локальных особенностей животноводства у племен позднего бронзового века, чем вторая.

Животноводство у племен культуры ноуа, у срубников Северного Причерноморья и Среднего Поволжья, а также у срубных и абашевских племен в Среднем Подонье имеет много общих черт. К ним относится: 1) доминирующая роль крупного рогатого скота (40—50% особей); 2) видное место, занимаемое в составе стада мелким рогатым скотом (19,3—32,3%); 3) довольно слабо развитое свиноводство, особенно в степной полосе Северного Причерноморья, где природные условия неблагоприятны для разведения свиней. Близки к этим племенам по составу стада сельскохозяйственных животных срубные и абашевские племена Приуралья, отличающиеся, поскольку позволяет судить исследованный материал, более сильным развитием свиноводства (20,3% особей).

Племена андроновской и тем более приказанской культуры по своему животноводству резко отличаются от всех остальных рассмотренных выше культур.

У андроновцев животноводство имеет типично степной облик. Он выражается прежде всего в обилии мелкого рогатого скота, достигающего почти 50% особей и образующего основную часть поголовья, чего совершенно не наблюдается у остальных племен. Вторая характерная особенность заключается в отсутствии свиней, составляющих хотя и не очень значительную, но постоянную часть стада у племен ноуа, срубников и абашевцев.

Но, пожалуй, наиболее сильные различия в животноводстве у племен приказанской культуры. Это единственная известная в настоящее время европейская культура позднего бронзового века, характеризующаяся высоким развитием свиноводства. Разведение крупного рогатого скота играло у них очень ограниченную роль. Если во всех других культурах лошадь по своей численности в два-три раза уступает крупному рогатому скоту, то у племен приказанской культуры оба эти вида по количеству особей почти равны. Многочисленность свиней и лошадей, сочетающаяся с малочисленностью мелкого рогатого скота, придает животноводству племен приказанской культуры большое сходство с животноводством племен лесной полосы.

Таковы основные выводы о животноводстве у племен позднего бронзового века, к которым позволяет прийти рассмотрение имеющегося в настоящее время материала.

Таблица 1

Соотношение между видами сельскохозяйственных животных по количеству особей в костных остатках из раскопок и поселений различных археологических культур позднего бронзового века

Культура	Количество памятников	Общее количество		Процент особей, в том числе			
		кости	особи	крупного рогатого скота	мелкого рогатого скота	свиней	лошадей
Культура Ноуа	7	6303	479	45,3	23,6	14,8	16,3
Срубная культура в Северном Причерноморье	13	10 361	557	46,6	24,0	7,9	21,5
Срубная культура в Среднем Поволжье	13	10 484	756	40,5	32,3	10,8	16,4
Срубная и абашевская культура в Среднем Подонье	9	2460	228	50,0	19,3	13,1	17,6
Срубная и абашевская культура в Приуралье	16	3185	271	40,1	24,8	20,3	14,8
Андроновская культура	14	8345	520	36,7	46,2	0,4	16,7
Приказанская культура	4	2565	108	26,9	13,9	36,1	23,1

Т а б л и ц а 2

Соотношения между видами домашних и диких животных по количеству особей в костных остатках из раскопок поселений различных археологических культур позднего бронзового века

Культура	Количество памятников	Общее количество		Процент особей, в том числе	
		кости	особи	домашних	диких
Культура Ноуа	7	6057	509	94,3	5,7
Срубная культура в Северном Причерноморье	13	10 586	607	96,0	4,0
Срубная культура в Среднем Поволжье	13	10 620	797	96,0	4,0
Срубная и абашевская культура в Среднем Подонье	9	2513	235	97,4	2,6
Срубная и абашевская культура в Приуралье	16	3314	309	89,7	10,3
Андроновская культура	14	8767	648	83,7	16,3
Приказанская культура	4	2650	126	87,3	12,7

В заключение нам остается в нескольких словах коснуться вопроса о значении охоты у населения поздней бронзы (табл. 2). Дикие животные, являвшиеся объектами охотничьей деятельности человека, в поселениях культуры ноуа, у срубников и срубных и абашевских племен в Среднем Подонье очень малочисленны и составляют всего от 2,6 до 5,7% общего количества обнаруженных особей. Значительно выше процент их в срубных и абашевских поселениях в Приуралье, в поселениях приказанской и андроновской культур. Однако и в этих случаях нельзя считать процент диких животных высоким. По-видимому, у всех рассмотренных культур позднего бронзового века охота была занятием совершенно второстепенным, значительно уступающим по своему удельному весу в хозяйстве животноводству.

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

В. Д. БУДЬКО

О ЖИЛИЩАХ
БЕРДЫЖСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

В научной литературе, посвященной описанию Бердыжской стоянки, господствует мнение о том, что культурный слой этой стоянки переотложен, и остатки жилищ разрушены до основания действием воды и смещены с места первоначального залегания¹. Другие предполагали, что эта стоянка представляет собой кладбище мамонтов, трупы которых использовались первобытным человеком². Этим в значительной степени отрицалось значение Бердыжской стоянки как опорного памятника, представляющего собою связующее звено между остатками поселений костенковско-авдеевской культуры, с одной стороны, и некоторыми памятниками европейского позднего граветта, с другой.

Культурные остатки Бердыжской стоянки залегают в супеси и суглинке, представляющих собою делювиально-солифлюкционное образование на южном пологом склоне погребенной асимметричной балки, врезанной до цоколя первой надпойменной террасы Сожа. Балка выполнена склоновыми, песчано-алевритовыми отложениями и залегающими на них без заметного перерыва песками, подвергшимися сильным мерзлотным нарушениям. Заполнение балки происходило в период накопления аллювия первой надпойменной (боровой) террасы Сожа, т. е. в течение поздневалдайского времени. Следовательно, и остатки поселения здесь человека следует относить к поздневалдайскому времени, к первой половине последней стадии поздневалдайского оледенения.

Еще С. Н. Замятнин, исследовавший стоянку в 1927 г., писал, что культурный слой в раскопе 1927 г. залегал *in situ*³. Это доказывалось размещением костных остатков и кремней на небольшой площади (12 кв. м), за пределами которой находок не было. Замятнин считал, что скопление костных остатков в раскопе 1927 г. имеет искусственный характер и что подобной картины не могло бы быть, если бы кости были передвинуты по склону. Скопление костных остатков представляло не что иное, как запас топлива вблизи палеолитического очага, который, по его мнению, располагался

¹ К. М. Поликарпович. Проблема палеолита Белоруссии. Известия юбилейной сессии АН БССР. Минск, 1950, стр. 103—122; В. В. Щеглова. О возрасте фаун Бердыжской и Юровичской палеолитических стоянок. Бюллетень четвертичной комиссии, № 26, М., 1962, стр. 146—149.

² В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие палеолита). Труды Института геологических наук АН СССР, вып. 64, серия геологическая, № 17, 1948, стр. 161.

³ С. Н. Замятнин. Раскопки Бердыжской палеолитической стоянки в 1927 г. Труды археологической комиссии БАН. Минск, 1930, стр. 479—490.

западнее⁴. Изучение чертежей позволило уточнить и развить вывод С. Н. Замятнина⁵.

Культурные остатки Бердыжской стоянки залегают в слое зеленовато-серой супеси и в нижней части перекрывающих его ритмично-слоистых песков. Они представлены обильными остатками фауны, расщепленным кремнем, костным и древесным углем. В культурном слое были вскрыты остатки двух жилищ и трех ям-хранилищ.

Восточное жилище было вскрыто в раскопе 1927 г. (рис. 7). Сводка поквadratных зарисовок культурных остатков в единый сводный план и сопоставление этого плана с опубликованным в 1930 г. планом С. Н. Замятнина позволили отметить, что основное скопление культурных остатков, расположенное в южной части раскопа, имело форму овала, размером 4,5 м с запада на восток и 3,4 м с севера на юг. Наиболее крупные кости мамонта, черепа, тазовые, трубчатые кости, лопатки расположены по внешнему краю скопления и как бы ограничивают его. Культурный слой сильно гумусирован, причем следы гумусированности нигде не переходят за внешнюю границу скопления.

Все внутреннее пространство заполнено мелкими обломками костей, линзами костного угля, среди которого встречены обломки неопределимых обожженных костей. Особый интерес представляют две крупные линзы плотной очажной массы. Одна из них расположена на квадрате 6 и имеет форму овала, вытянутого с севера на юг (размеры: 0,5 × 0,3), вторая, примыкает к первой, занимает весь юго-восточный угол квадрата 10.

Следует обратить внимание на то, что с северной стороны линзы, у края ее, стояли вертикально два крупных обломка лопаток мамонта, а под толщу очажной массы в направлении северо-запад, юго-восток уходил крупный обломок бивня мамонта. Все описанное выше скопление углублено в слой стерильного суглинка на 0,6—0,6 м.

Расположение черепов и крупных костей мамонта по внешней границе скопления, овальная форма последнего позволяют сделать вывод, что в раскопе 1927 г. были вскрыты остатки первобытного жилища с основанием, составленным из черепов и других крупных костей мамонта. Более мелкие кости находились внутри ограждения и, видимо, упали сверху во время разрушения жилища. Крупные линзы костного угля и обожженные кости представляют остатки несколько деформированного очага.

Следует также отметить, что следы гумусированности резко обрывались по линии внешней границы основания жилища; мощность гумусированного слоя супеси не превышает 0,5—0,6 м. Это свидетельствует о том, что жилище было несколько углубленным в землю сооружением; зеленовато-серый оттенок супеси свидетельствует о ее делювиально-солифлюкционном происхождении. Сам факт залегания *in situ* остатков жилища свидетельствует о том, что первобытный человек, обитал здесь уже после окончания солифлюкционных процессов.

Остатки второго жилища овальной формы обнаружены в западной части раскопа 1938 г. и в восточной части раскопа 1939 г. Основание жилища, находившееся на 0,4—0,5 м глубже уровня раскопа, выложено черепами и стоявшими вертикально костями мамонта: тазовыми, лопатками, крупными трубчатыми. В отличие от описанного выше, второе жилище имеет несколько удлиненную, вытянутую в направлении восток — запад форму. Оно имеет размеры 11 × 5,2 м.

Значительный интерес представляют торчавшие вертикально тазовые кости и лопатки мамонта с обломками трубчатых костей, а в некоторых местах и целыми костями, служившими в качестве упоров-подкладок

⁴ С. Н. Замятнин. Раскопки Бердыжской палеолитической стоянки в 1927 г. Труды археологической комиссии БАН. Минск. 1930.

⁵ В основе работы — чертежи К. М. Поликарповича, хранящиеся в Архиве Института истории АН БССР.

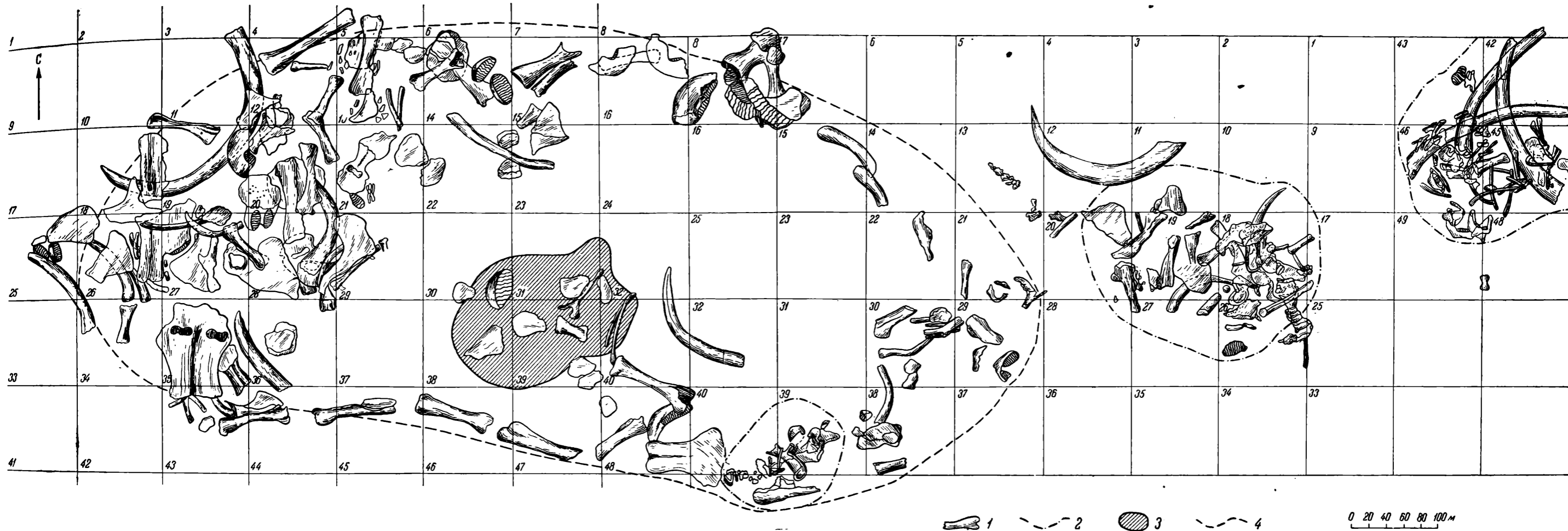

Рис. 7. Раскопы 1938 и 1939 гг. Условные обозначения:
 1 — кость; 2 — граница ям и гумусированных участков культурного слоя; 3 — зольная масса;
 4 — граница жилища

(квадраты 27—28—29), расположенные попарно нижние челюсти мамонта (квадрат 16 в раскопе 1939 г., квадрат 7,8— в раскопе 1938 г.), черепа мамонта, залежавшие в перевернутом виде, укрепленные в таком неустойчивом положении упорами, крупные трубчатые кости мамонта, представлявшие основание жилища.

Доказательством того, что мы имеем дело с остатками первобытного жилища, служит также наличие очага, расположенного в центре жилого комплекса, несколько ближе к его южной стене. Очаг имеет размеры: 2 м в направлении с севера на юг и 1,6 м в направлении с востока на запад. Он представляет собою плотную, как бы спекшуюся массу костного угля мощностью до 0,7 м. Все внутреннее пространство жилища заполнено плотной массой темно-бурой, сильно гумусированной супеси, насыщенной обломочками мелких неопределимых костей и костным углем. Как и в первом случае, культурные остатки распределяются строго по линии гумусированной супеси, не выходя за ее пределы.

Остатки жилища, расположенные в раскопе 1938—1939 гг., несколько напоминают Пушкиревское верхнепалеолитическое жилище, детально обследованное и описанное П. И. Борисовским; отличием, пожалуй, является лишь то, что в Пушкирях расширено вдоль длинной оси жилища три очага, вместо одного в Бердыже.

Объекты хозяйственного значения представлены в Бердыже тремя яма-хранилищами, расположенными непосредственно вблизи описанных выше жилищ. Яма № 1 расположена у западной окраины восточного жилища на квадратах 11—12—13—20—21 раскопа 1928 г. Размеры ее с востока на запад составляют 1,1 м, с севера на юг—1,6 м. Заложена яма обломками крупных трубчатых костей мамонта и слоем сильно гумусированного, насыщенного большим количеством мелких костей и расщепленных кремней суглинка. Края ямы прямые, хорошо прослеживались у дна раскопа. Она углублена ниже основания культурного слоя или древней дневной поверхности на 0,6 м, в верхней части перекрыта крупной бедренной костью (северный край ямы) и двумя тазами мамонта, расположенными в центре ямы. К восточному краю ямы примыкает громадный бивень.

В яме-хранилище № 2 крупное скопление костей мамонта и других животных, костных углей и расщепленных кремней наблюдалось в непосредственной близости от восточного края западного жилища на квадратах 12—11—10—20—19—18—28—27—26 раскопа 1938 г. Обломки костей мамонта и других животных здесь группировались вокруг черепа мамонта, залежавшего вверх альвеолами на квадрате 18. В скоплении, кроме черепа мамонта, хорошо различались обломки бивней, лопатки, тазы, крупные трубчатые кости мамонта, обломки обожженных костей, расщепленные кремни. Все скопление углублено на 0,4 м; культурные остатки подстилались слоем желтовато-серых горизонтально-слоистых песков с примесью мелкой гальки. Наблюдаются следы сильной гумусированности. Культурный слой скопления выделяется ярким пятном на общем фоне культурного слоя раскопа 1938 г. (в части его, примыкающей к восточной окраине палеолитического жилища). На наш взгляд, описанное скопление представляет собою яму, искусственно вырытую первобытными людьми. Такие ямы обычны для культурного слоя стоянок костенковско-авдеевской культуры. Размеры ямы с севера на юг—2,4 м, с востока на запад—2,7 м при глубине 0,4 м.

Яма-хранилище № 3. Третье большое скопление культурных остатков было расширено в северо-восточном углу раскопа 1938 г., к востоку от западного края жилища на квадратах 41—42—43, 44—45—46—47—48—49 и является частью ямы, вскрытой в раскопе 1929 г.

Характерной особенностью этого скопления является находка фрагментов бивней мамонта, первый из которых залегал в направлении север—юг, второй—перпендикулярно ему в направлении юго-восток—северо-запад и третий расширенный—выше первых двух, был ориентирован

в направлении юго-восток — северо-запад и пересекал оба упомянутых выше фрагмента. Все три фрагмента бивней образовывали своеобразное сплетение, как бы перекрывающее ему. Ниже их в яме залежали тазовые, лопаточные, трубчатые кости, ребра мамонта плохой сохранности, череп бурого медведя и череп волка. Глубина ямы в ее южной части — 0,4 м, северной — 0,5 м от основания культурного слоя в раскопе. Яма полностью прорезает слой буровато-серой супеси до подстилающих его горизонтально-слоистых песков. Следует указать, что отсутствие планов культурного слоя в раскопе 1929 г. не позволило нам проследить очертания северного края ямы, вскрытого раскопками 1929 г. Однако уже теперь можно сделать вывод, что описанное выше скопление имеет все признаки ямы, искусственно вырытой первобытными людьми. Такие ямы, имеющие перекрытие из бивней, характерны для памятников костенковско-авдеевской культуры.

Таким образом, в культурном слое Бердыжской стоянки четко прослеживаются остатки двух жилищ овальной в плане формы. Первое из них расположено в раскопе 1927 г., второе — в раскопе 1938—1939 гг. В непосредственной близости от жилищ обнаружены ямы-хранилища, наличие которых характерно для культурного слоя памятников костенковско-авдеевской культуры. Характерной особенностью Бердыжских жилищ является массовое применение крупных костей мамонта в качестве строительного материала, а также то, что тазовые кости, лопатки мамонта вкапывались в землю в вертикальном положении, причем для устойчивости применялись упоры из различных костей. Остатки жилищ в Бердыже близко напоминают аналогичные сооружения, расчищенные в культурном слое Елисевицкой, Мезинской и других стоянок.

Сооружение таких жилищ было продиктовано необходимостью защиты от холода в суровой обстановке приледниковой зоны.

Указанные выше факты находятся в резком противоречии с прежним выводом о переотложенности культурного слоя Бердыжа, а также с тем выводом, что раскопы 1938—1939 гг. представляли собой громадный размыв, произведенный падением воды сверху, и что этот размыв служил местом для сбрасывания различного рода отбросов. Фактический материал подтверждает мнение С. Н. Замятнина, в свое время писавшего о том, что в культурном слое Бердыжа при дальнейших раскопках может быть вскрыт очаг и остатки палеолитического жилища⁶.

Бердыжская стоянка по праву занимает важное место среди аналогичных поселений Восточной Европы; она расположена в непосредственной близости от краевых морен последнего оледенения и надежно датирована археологическим и геологическим методами. Точно определенный и достаточно обоснованный геологический возраст Бердыжа, обнаруживающего тесные связи с памятниками типа Костенок-1, позволяет сделать вывод, что развитие костенковско-авдеевской верхнепалеолитической культуры падает на промежуток времени от конца круглицкого (паудорфского) интерстадиала до конца первой половины поморской (поздневадайдской) стадии, что подтверждается и новыми данными по Центральной Европе, в частности, Чехословакии и Австрии, где развитие восточно-граветтской культуры начинается в интерстадиале вюрма II—III и заканчивается в конце первой лёссовой фазы Вюрма III.

Следует отвергнуть вывод К. М. Поликарповича о переотложенности культурного слоя Бердыжа, вывод В. В. Щегловой, считающей, что Бердыжская стоянка не имеет датирующего значения, вывод В. И. Громова, свидетельствующий о том, что скопление костных остатков в Бердыже представляет собою кладбище замороженных мамонтов. Эти выводы не подтверждаются имеющимися в нашем распоряжении фактами, снижают значение Бердыжской стоянки как опорного памятника.

⁶ С. Н. З а м я т н и н. Указ. соч., стр. 490.

Л. П. ХЛОБЫСТИН

О ДРЕВНЕМ КУЛЬТЕ НЕРПЫ НА БАЙКАЛЕ

Древние прибайкальские охотники и рыболовы в качестве художественных объектов выбирали из окружающей их разнообразной фауны нерп, лосей и рыб, имевших наибольшее промысловое значение. Многочисленные фигурки рыб первоначально воспринимались археологами как амулеты¹. Вслед за Л. Я. Штернбергом и особенно после появления работ А. П. Окладникова, тщательно изучившего примитивное рыболовство и применение в нем подобных изображений², большинство исследователей стало рассматривать каменные и костяные рыбки только как орудия лова, служившие для приманивания рыб, т. е. в качестве предметов, имеющих сугубо утилитарное значение. Такая интерпретация является вполне справедливой, однако при этом забывается не менее существенное идеологическое значение данных предметов, также отмеченные А. П. Окладниковым. В глазах примитивного человека орудия промысла, тем более орудия, сходные по форме с объектом охоты, выполняли одновременно с основным своим назначением нередко и магические функции. Еще с большей уверенностью можно говорить о сакральном значении миниатюрных скульптурок лосей и нерп.

Изображения нерпы — байкальского тюленя — были неоднократно встречены на археологических памятниках Прибайкалья. Наиболее древней является статуэтка предполагаемой нерпы (или медведя?), обнаруженная в тайнике 3-го жилища Мальтинской палеолитической стоянки³. Если такое ее определение является верным, то мы имеем весьма интересный факт охоты на нерпу еще в палеолите. Остальные изображения нерпы относятся к более позднему времени: к развитому неолиту и эпохе бронзы; из них две скульптурки из кости и камня были обнаружены в долине р. Ангара⁴ и одна, кремневая, на берегу Байкала на стоянке в пади Смородовка⁵. Новое изображение нерпы найдено автором летом 1963 г. на северо-западном берегу Байкала, около пещеры, расположенной в южном конце Лударской бухты. Раскопки в самой пещере, названной нами Малой Лударской, установили ее использование в качестве временного жилища охотников за нерпой. Здесь был вскрыт ряд культурных напластований,

¹ Д. Н. Анучин. О некоторых своеобразных древних каменных изделиях из Сибири. Труды Археологического съезда, т. I, 1886.

² Переписка Б. Э. Петри с Л. Я. Штернбергом (Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1, № 65); А. П. Окладников. К вопросу о назначении неолитических каменных рыб из Сибири. МИА, № 2, 1941; он же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, стр. 241—258.

³ М. М. Герасимов. Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956—1957 гг.). СЭ, 1958, № 3, стр. 47.

⁴ Э. Р. Рыгдылон. П. П. Хороших. Погребения в местности Идан (Восточная Сибирь). СА, 1958, № 3.

⁵ Раскопки И. Н. Хлопина, 1959

относящихся к периодам бронзы и раннего железа⁶. Находка предмета с изображением нерпы сделана на береговой площадке, лежащей ниже пещеры и интенсивно размываемой вследствие поднятия уровня вод в Байкале после строительства Иркутской ГЭС.

Темно-зеленая сланцевая галька, на которой вырезано контурное изображение нерпы (рис. 8), залегала под дерном, в тонком слое суглинка на границе с галечником. Совместно с нею встречены отщепы, кремневые наконечники стрел, черепки керамики с ложно-текстильным орнаментом на поверхности, образованным отпечатками сетки, а также оттисками шнура,

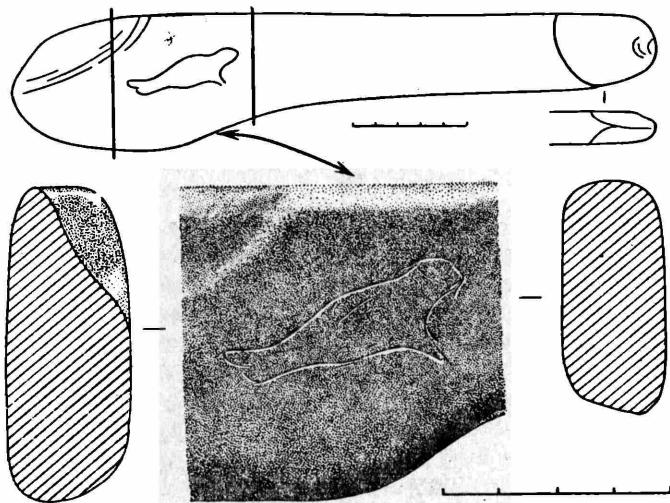

Рис. 8. Фаллическая поделка с изображением нерпы из Лударской бухты, Байкал

которым была обмотана лопаточка для выбивания. Черепки украшены иногда накладными валиками со шнуровыми вдавлениями. Эти находки следует, по-видимому, относить к первой половине I тыс. до н. э. Галька уплощена, имеет удлиненные пропорции, на одном ее конце находится расширение, занимающее примерно одну треть ее, другой конец округлый. Естественными очертаниями галька напоминает фаллическую скульптурку. Этим, вероятно, она и привлекла внимание древнего человека. Нарезками, сделанными при помощи кремневого орудия на узком конце гальки, поделке был придан натуралистический характер.

Рисунок нерпы выгравирован на расширенной части гальки. Он исполнен одной контурной линией, местами слабо углубленной. Линия процарапывалась не один раз, что особенно заметно в изображении ластов. Нерпа изображена в профиль. Она лежит в настороженной позе, головой к узкому концу гальки. На голове животного намечены усы и глаз. На теле нерпы и около рисунка имеются слабые врезные линии. Выгравированные линии имеют заглаженные края. Местами в них наблюдаются отложения известковой массы⁷. На основе техники исполнения можно предполагать одновременное изготовление как фаллической скульптурки, так и изображения нерпы.

Следует отметить, что боковые грани расширенной части гальки имеют сбитости; точный характер их позволяет предполагать, что галька исполь-

⁶ Исследования проводились Сибирским отрядом Неолитической экспедиции ЛО ИА АН СССР (начальник Л. П. Хлобыстин) и археологическим отрядом Иркутского гос. ун-та (начальник П. П. Хороших).

⁷ Трассеологический анализ был произведен доктором исторических наук С. А. Семеновым, которому автор выражает глубокую благодарность.

зовалась и в качестве какой-то колотушки для ударов по выпуклой твердой поверхности. Кроме того, на концах гальки есть несколько негативов от сколов. Установить, появились ли эти сбитости и сколы до или после оформления гальки в скульптурку, невозможно.

Мы не останавливаемся здесь на ряде вопросов, возникающих в связи с этой находкой и связанных с фаллическим культом, поскольку они нашли освещение в работах Л. Я. Штернберга⁸. Ограничимся здесь лишь теми из них, которые касаются сочетания фаллического изображения с изображением животного. Поделка, обнаруженная в Лударской бухте, не является единственной в своем роде находкой в Прибайкалье. Из Иркутской области происходят два изваяния медведя на так называемых «фаллических пестах»⁹. Подобные поделки встречены и в других районах Сибири. В частности, в пределах Минусинской котловины были найдены краснокаменные округлые стержни, оканчивающиеся головами животных: быка, барана, лошади, которые, по всей видимости, следует относить к фаллическим изображениям¹⁰.

Все изделия этого рода датируются первой половиной I тыс. до н. э., когда на смену материнскому роду почти повсеместно в Сибири приходит патриархат, и на первое место, в качестве символа плодородия, начинает выдвигаться фаллическое изображение. Интересно, что за теми редкими исключениями, когда имеются антропоморфные фаллические изображения (например, карасукские лапчатые подвески), большинство мужских символов являются или изображениями, отвлеченными от объекта, или сочетающимися с изображениями зверей. Вероятнее всего, в таких сочетаниях следует усматривать попытку воздействовать на плодovitость изображаемого существа, будь то домашний скот или зверь, служивший основным объектом охоты. Если животное являлось тотемом, то подобные изделия могли использоваться при обряде интичиума. В данном случае объектом воздействия являлась нерпа, которая, судя по обилию костных остатков, находимых при археологических раскопках, была одним из главных продуктов потребления байкальских племен почти на всем протяжении истории их развития¹¹.

Существует предположение, что фаллические скульптурки следует связывать с обрядами женской инициации¹². Применение этой гипотезы для объяснения фаллических изваяний, соединенных с изображениями животных, приводит к интересному выводу. Возможно, что существовали представления о необходимости обряда, в результате которого каждая подвергавшаяся ему женщина первоначально вступала в брак с тотемом (в данном случае с нерпой). Таким образом, происходило, с одной стороны, приобщение к родству с ним, а с другой — содействие его размножению. В этом мы можем увидеть элементы «священного брака», который был обычным для ряда народов и который стал впоследствии одной из основ сибирского шаманизма.

Таким образом, находка фаллической скульптурки с изображением нерпы проливает свет на идеологические представления, существовавшие у байкальских племен в I тыс. до н. э. Тотемистические воззрения оказались у них переплетенным с идеологией, характерной для отцовского рода, нерпа смогла стать тотемом некоторых родов или племен.

⁸ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.

⁹ А. П. Окладников. Каменные рыбы. СА, 1936, № 1, стр. 217.

¹⁰ В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 3, табл. XXII, 1. М., 1894; С. Р. Цыганков. Описание некоторых уникал археологической коллекции Минусинского музея. Ежегодник Гос. Музея им. Н. М. Мартянова, т. IV, вып. 1. Минусинск, 1926, стр. 84. Предметы находятся на экспозиции и в фондах Минусинского музея.

¹¹ Л. П. Хлобыстин. К истории нерпичьего промысла на Байкале. СА, 1963, № 1.

¹² Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. М., 1958, стр. 238—240.

И. Н. ХЛОПИН

ПСЕВДОУБЕЙДСКАЯ ОРНАМЕНТАЦИЯ КЕРАМИКИ
В ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

В 1957 г. на поселении Геоксюр был заложен большой стратиграфический шурф, прорезавший десять строительных горизонтов. Помимо уже известных орнаментальных мотивов ялангачского типа и узоров стиля Намазга II, в пятом строительном горизонте были найдены немногочисленные, но своеобразные узоры на керамике (рис. 9—7, 8, 10), сразу обратившие на себя внимание исследователей¹. Находки в материалах северной Месопотамии убейдского периода сходных узоров на керамике послужили поводом для появления точки зрения о том, что в середине периода Намазга II якобы наблюдается влияние убейдской культуры (Гавра XVII—XIX и синхронные памятники), принесшей в Геоксюрский оазис своеобразную орнаментацию вместе с круглыми постройками². Появление этих элементов культуры объяснялось либо опосредствованным влиянием, либо инфильтрацией групп носителей этой культуры, ассимилированных местным населением (отметим, что по прямой от Гавры до Геоксюра около 1500 км).

Раскопки поселений Ялангачского периода в Геоксюрском оазисе³ выявили около 30 фрагментов керамики, украшенных своеобразным геометрическим орнаментом (рис. 9, 1—6, 9, 11, 12). Анализ находок позволяет пересмотреть точку зрения о проникновении в Геоксюрский оазис североубейдских мотивов керамической росписи в Ялангачском периоде (раннее Намазга II). Однако прежде всего необходимо детально охарактеризовать эту своеобразную группу керамики и ее орнаментацию.

Тесто этой керамики не отличается от теста остальной местной посуды — оно имеет мелкую растительную примесь, в массе довольно рыхло и пористо, но обожжено насквозь. Сосуды, как правило, покрыты ангобом, который в процессе обжига приобретал разные оттенки: от зеленовато-белого и розового до интенсивно красного и светло-коричневого. Вся керамика

¹ В. И. Сариниди. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. СА, 1960, № 3, стр. 144; он же. Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, т. X. Ашхабад, 1961, стр. 273, 277.

² В. М. Массон. Восточные параллели убейдской культуры. КСИА, вып. 91, 1962, стр. 3—4 (тут же см. ссылки на северомесопотамские и другие памятники); он же. Древнейшее прошлое Средней Азии. Автореф. докт. дисс., ЛГУ, 1962, стр. 23; И. Н. Хлопин. Ялангач-депе — поселение эпохи энеолита. КСИА, вып. 93, 1963, стр. 78—79; Г. Н. Лисицина, В. М. Массон, В. И. Сариниди, И. Н. Хлопин. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геоксюрского оазиса (1956—1962 гг.) СА (в печати).

³ Раскопки Кара-кумского отряда ЛОИА АН СССР (В. М. Массон, В. И. Сариниди, И. Н. Хлопин. Указ. соч.,) в 1959—1961 гг.

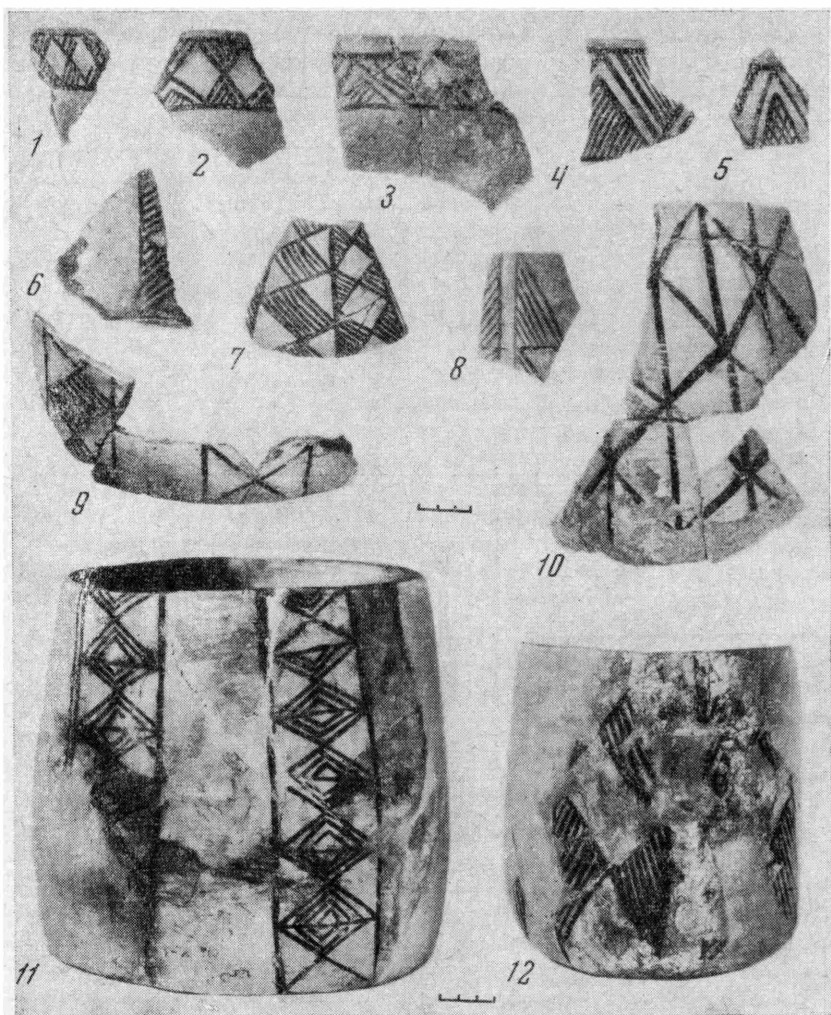

Рис. 9. Керамика с псевдубейдской орнаментацией (1—5— чаши, 6—12— банковидные сосуды):

1—5 — Айна-депе, II строительный горизонт; 6, 9, 11 — Геокюр 7, пом. № 1; 7, 8, 10 — Геокюр 1, V строительный горизонт; 12 — Геокюр 9

ка делится на три основные формы: чаши, цилиндрические банки и толсто-стенные коргачи, которые, по-видимому, имели подкос в придонной части. Каждой из этих форм, в особенности первым двум, присущи характерные узоры.

Чаши орнаментированы горизонтальными бордюрами вдоль венчика. В основе всех узоров лежат треугольные фигуры. Хотя общее количество сосудов небольшое (не более трех десятков), оказалось возможным, исходя из принципа построения их узоров, разделить эти узоры на ряд групп.

Группа I. Фриз разделен двумя взаимно пересекающимися зигзагами на ромбы и противостоящие треугольники, заполненные косыми (рис. 10, 10) или перекрещивающимися линиями, образующими сетку (рис. 10, 11), вписанными треугольниками с заштрихованными полями (рис. 10, 12) и вписанными углами (рис. 10, 13). Кроме того, следует отметить варианты.

Первый образован двумя взаимно пересекающимися зигзагами, но здесь заполнены косой штриховкой или сеткой ромбы, а не треугольники (рис. 10, 14). Подобная композиция была встречена на обломке коргачи.

Второй вариант состоит из рядов равнобедренных треугольников вершиной вверх. Их поле заполнено горизонтальными линиями, прямой или косой сеткой (рис. 10, 15).

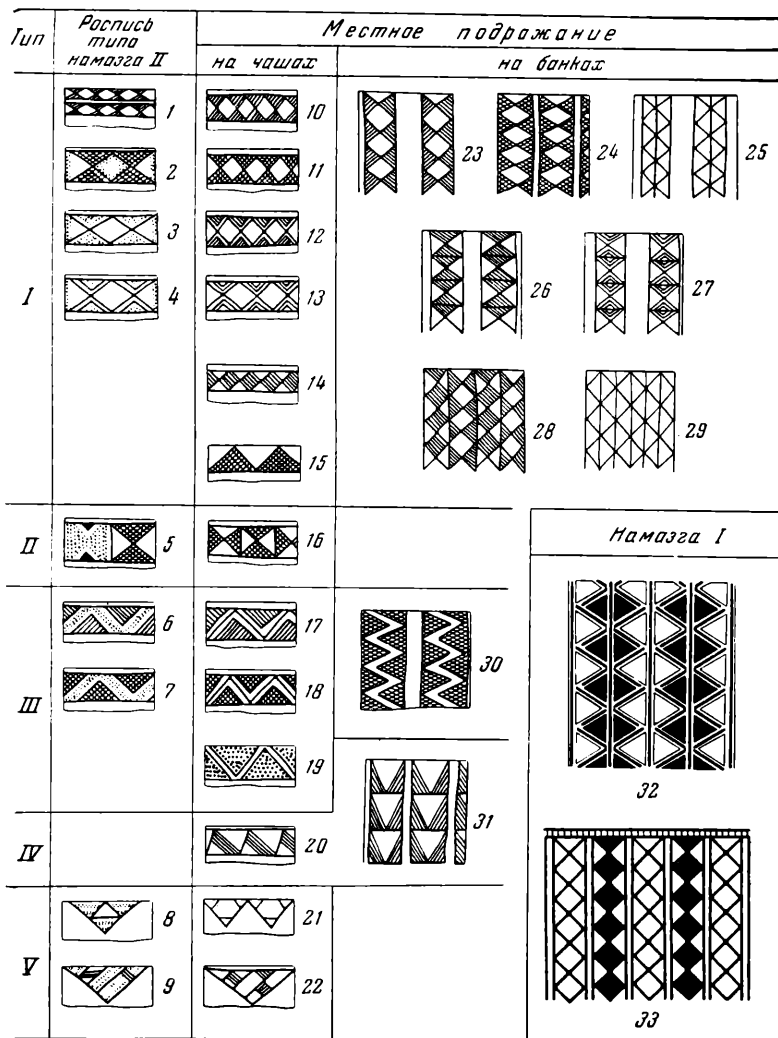

Рис. 10. Местное подражание росписи Намазга II:

1, 2, 6, 8, 9, 11, 15, 21, 22, 24, 25 — Акча-депе; 3, 4, 7, 10, 12, 17, 18 — Айна-депе; 5, 14, 20 — Ялангач-депе; 13, 16, 19 — Муллали-депе; 23, 26, 27 — Геоксюр 7; 28, 29, 31 — Геоксюр 1; 30 — Чонг-депе; 32 — настенная роспись I слоя из Яссы-депе; 33 — настенная роспись IV слоя из Яссы-депе

Группа II. Фриз состоит из треугольников, соединенных попарно вершинами и заполненных косой сеткой. Пары чередуются — одна горизонтальная (в виде «бабочки»), другая — вертикальная (в виде «песочных часов») (рис. 10, 16). Этот орнамент встречается также и на сферических сосудах с венчиком, где он расположен ниже горла.

Группа III. Фриз состоит из рядов треугольных фигур, расположенных попеременно вершинами вверх и вниз, т. е. в шахматном порядке; треугольники заполнены косыми линиями (рис. 10, 17), косой сеткой (рис. 10, 18) или точками (рис. 10, 19). В двух первых случаях по зигзаго-

образному просвету между треугольниками пропущена зигзагообразная же полоса.

Группа IV представлена лишь одним фрагментом чаши. Ее фриз разделен на треугольные поля, покрытые частично косыми линиями (рис. 10, 20).

Группу V нельзя назвать фризовой росписью. Это широкие шевроны, спускающиеся от самого края венчика. Иногда у шевронов отсечены углы так, что в середине его образуется шестиугольник (рис. 10, 21). В других случаях внутреннее поле шеврона рассечено на части более сложным сочетанием линий (рис. 10, 22).

Банковидные сосуды имеют форму неправильного цилиндра, у которого диаметр горла всегда несколько меньше диаметра дна. Высота их доходит до 30 см и всегда больше диаметра. Их орнаментация на первый взгляд резко отличается от всех орнаментальных систем времени энеолита южной Туркмении; именно она натолкнула исследователей на поиски генетических корней этих узоров за пределами подгорной полосы Копет-дага. Эта орнаментация состоит либо из широких вертикальных полос, нанесенных по всей высоте сосуда, либо покрывает сосуд целиком. Все варианты орнамента можно разделить на три группы.

Орнаментальные узоры группы I распадаются на три разновидности. Первая состоит из широких вертикальных полос, заполненных треугольными фигурами, которые сомкнуты вершинами так, что между ними образуется вертикальная цепочка ромбов. Треугольники покрыты либо косыми линиями (рис. 10, 23), либо кривой сеткой (рис. 10, 24). В одном случае проведены только линии, а внутреннее поле образовавшихся при этом фигур ничем не заполнено (рис. 10, 25).

Вторая разновидность состоит также из вертикальных полос, составленных из треугольных и ромбических фигур. Однако здесь ромбы, разделенные надвое по горизонтали, заполнены либо кривой штриховкой (рис. 10, 26), либо вписанными углами (рис. 10, 27).

Третья разновидность представлена сплошным орнаментальным покрытием сосуда. Орнамент состоит из вертикальных рядов парных треугольников и ромбов, заштрихованных попеременно (рис. 10, 28). Сюда же следует включить сплошное покрытие сосуда линиями, при котором образованные геометрические фигуры ничем не заполнены (рис. 10, 29).

Группа II, встречающаяся, правда, не на банковидном сосуде, а на корчаге, состоит из вертикальных полос, заполненных крупными треугольниками в шахматном порядке. Между ними оставлен зигзагообразный фоновый просвет (рис. 10, 30).

Группа III представлена одной разновидностью орнамента. Это широкие вертикальные полосы, разделенные горизонтальными линиями на прямоугольники; в каждом из них от середины основания к верхним углам проведены линии, расчленяющие прямоугольник на три треугольника, причем центральный не заполнен, а боковые заштрихованы косыми линиями (рис. 10, 31).

Как видно из описания, перечисленные группы орнамента действительно не имеют ничего общего с росписью ялангачского типа⁴.

Прежде чем перейти к анализу росписи чаш, необходимо напомнить, что на поселениях Геоксюрского оазиса Ялангачского периода, кроме многих сотен фрагментов посуды с местной орнаментацией ялангачского типа, постоянно встречаются фрагменты привозной керамики с поселений подгорной полосы Копет-дага⁵. Эта посуда, насчитывающая около 120 экземпляров,

⁴ Характеристику орнаментации ялангачского типа см.: И. Н. Хлопин. Ялангач-депе..., стр. 75.

⁵ И. Н. Хлопин. Ялангач-депе..., стр. 76; он же, Дашлыджи-депе... ТЮТАКЭ, т. X, табл. XVIII; В. М. Массон. Памятники развитого энеолита юго-западной Туркмении. САИ Б 3—8, ч. II, 1962, стр. 11.

выделяется характерным полихромным орнаментом. Она значительно совершеннее местной посуды и по выделке, и по обжигу, и по орнаментации; все это не могло не вызвать подражаний у гончаров геоксюрских поселений.

Действительно, если мы присмотримся к решению орнаментальной схемы на чашах I, II, III и V групп, то увидим поразительные соответствия в орнаментации керамики стиля Намазга II. Единственным различием этих мотивов является то, что в поселениях подгорной полосы употребляли две краски, а в Геоксюрском оазисе эти же узоры выполнялись при помощи одной краски. Примечательно, что все двухцветные соответствия местной керамики происходят не из поселений подгорной полосы, а из Геоксюрского оазиса; иными словами, это могли быть именно те сосуды, которые послужили образцами для местного изделия. Это наглядно показано на рис. 10, 1—9, там же указаны места их находок.

Более сложен вопрос об орнаментации, а также назначении баночных сосудов, найденных в незначительном количестве. Прежде всего следует указать на существенное различие чаш и этих сосудов. Чаша имеет поверхность, как бы предназначенную только для горизонтальной орнаментации по кругу, хотя и есть исключения на сосудах с полихромной орнаментацией стиля Намазга II⁶. Чаша более удобна для нанесения на нее узора в виде бордюра или фриза по верхней части. Форма же банкообразного сосуда располагает к нанесению вертикального орнамента; ведь в случае нанесения горизонтальных бордюров такой сосуд пришлось бы многократно поворачивать вокруг вертикальной оси — столько раз, сколько поясов нужно было бы нанести. Это совершенно отпадает при нанесении вертикальных узорчатых полос: сосуд поворачивали всего один раз. Кроме того, нанесение кругового фриза, в особенности если он состоит из ряда повторяющихся геометрических фигур, намного сложнее — здесь надо «подгонять» эти фигуры в месте их стыка. Несовпадение фигур в месте стыка встречается часто, но, когда это несовпадение налицо в одном поясе, оно не так заметно, как это было бы в нескольких поясах; если бы фигуры фриза не сошлись в трех-четыре поясах, это было бы заведомо бракованное изделие. Из этого легко сделать вывод, что наносить вертикальную роспись на стенки цилиндрического сосуда было несравненно экономичнее и проще во всех отношениях, чем украшать такой сосуд горизонтальными поясами. Следует указать, что наиболее ранние следы предварительной разметки поверхности сосуда отмечены на керамике Геоксюрского периода⁷, а раньше их нет.

Если цилиндрический сосуд положить на бок, становится совершенно ясно, что первая группа орнаментации баночных сосудов идентична первой группе орнаментации чаш. Правда, между ними есть незначительное отличие: если в первой разновидности группы I каждая вертикальная полоса представляет собой точное соответствие горизонтальному фризу (рис. 10, 10, 11), то во второй разновидности элементы того же фриза (рис. 10, 10, 13) расположены по вертикали, т. е. друг над другом. Третья разновидность является не чем иным, как соединением двух разновидностей в I группе орнаментации чаш (рис. 10, 10, 14).

Под этим углом зрения становится понятной орнаментация из пересекающихся линий. Вертикальные полосы (рис. 10, 25) и даже сплошное покрытие сосуда в виде сетки (рис. 10, 29), хотя это и представляет собой, по-видимому, законченный узор, можно относить к той же группе. Разни-

⁶ См., например, В. М. М а с с о н. Памятники развитого энеолита юго-западной Туркмении, САИ Б 3—8, ч. II, 1962, табл. IV, 15—17 (IV тип). Сосуды с вертикальной полихромной орнаментацией дошли до нас только во фрагментарном состоянии (венчики и придонные части), поэтому форма их пока не восстанавливается. Их орнаментальное покрытие никак не выходит за рамки стиля Намазга II. Особняком стоит сферический сосуд с венчиком, найденный на Муллалы-депе. Там широкий орнаментальный фриз имеет четкую вертикальную композицию (сосуд не издан).

⁷ В. И. С а р а н и д и. Энеолитическое поселение Геоксюр, стр. 239—240.

ца лишь в том, что здесь фигуры не выделены внутренним заполнением их поверхности.

Группа II состоит из вертикальных полос с сетчатыми треугольниками в шахматном порядке и фоновым зигзагообразным просветом между ними (рис. 10, 30). Этот узор, при повороте на 90° , полностью соответствует орнаменту чаш типа III (рис. 10, 18).

Более сложно обстоит дело с группой III (рис. 10, 31). Хотя это тоже вертикальные полосы, но заполнение их довольно своеобразно. Однако если мы применим тот же метод поворота сосуда на 90° , то определенные соответствия этому сосуду можно найти в бордюре на чаше IV типа (рис. 10, 20). Этот бордюр является как бы половиной вертикальной полосы, разрезанной вдоль. Надо оговориться, что этот мотив является наименее выясненным.

Таким образом, мы постарались показать, что своеобразная орнаментация керамики, найденной в незначительном количестве на поселениях Геоксюрского оазиса, имеет в своей основе полихромную орнаментацию стиля Намазга II. В связи с этим надо полагать, что она уже не может служить показателем проникновения влияний со стороны культуры северного Убейда.

На поселении Яссы-депе у Каахка были расчищены помещения с остатками настенной полихромной росписи геометрического характера времени позднего Намазга I (рис. 10, 32, 33)⁸. Если мы сравним орнаментацию баночных сосудов ялангачского периода и указанные настенные росписи в композиционном отношении, то обнаружим между ними определенное и неожиданное сходство. Это сходство выступает прежде всего в единой схеме их построения; особенно оно хорошо заметно по третьей разновидности группы I. Вертикальная плоскость определяла вертикальное построение орнамента в обоих случаях. Для построения подобного рода геометрической композиции сначала проводились вертикальные линии, которые пересекались в двух направлениях наклонными линиями под углом в 45° таким образом, что последние в точке пересечения с вертикалью образовывали между собой прямой угол. В результате этого получалась сетка по облику совершенно такая же, как на одном из банковидных сосудов (рис. 10, 29). Теперь оставалось только раскрасить образовавшиеся треугольники и ромбы в определенном ритме. Тут было довольно много вариантов, в том числе оба настенных панно с Яссы-депе (рис. 10, 32, 33) и роспись группы I (рис. 10, 28), которая в композиционном отношении представляет собой нечто среднее между обоими настенными панно.

Таким образом, с одной стороны, роспись на банковидных сосудах и в Геоксюрском оазисе появилась, как мы старались показать выше, под воздействием системы полихромной орнаментации стиля Намазга II подгорной полосы Копет-дага. С другой стороны, в композиционном отношении в общей схеме начертания роспись банковидных сосудов имеет прямые соответствия в настенной орнаментации Яссы-депе. Из этого следует, что настенная, а не только керамическая роспись времени позднего Намазга I также оказала определенное воздействие на формирование орнаментального стиля Намазга II.

⁸ Б. А. Куфтин. Полевой отчет..., ТЮТАКЭ, т. VII, стр. 274; И. Н. Хлопин. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. САИ Б 3—8, ч. 1, 1963, стр. 13, табл. II, XI.

М. Ф. КОСАРЕВ

О НЕКОТОРЫХ ОБСКИХ ОРНАМЕНТАХ

Керамика Нарымского Приобья, относящаяся к железному веку (от ранних его этапов до средневековья), отличается двумя специфическими признаками:

1. Характерностью неолитоидных или во всяком случае очень архаичных орнаментов — волны, псевдоплетенки, шагающей гребенки, отступающей гребенки и т. д. (рис. 11, 1—6).

2. Типичностью фигурных штампов в орнаменте — мелкоструйчатого, ромбического, крестового, треугольного, «уточки» и сложных двух- и трехчленных штапов (рис. 12, 1—16).

Прежде всего остановимся на вопросе о длительном переживании в керамике Нарымского Приобья архаичных орнаментов. Исключительная консервативность Нарымских культур, проявляющаяся, в частности, в архаичности орнаментов, объясняется многовековой замкнутостью Нарымского Приобья, лежавшего в стороне от путей, по которым осуществлялись этнокультурные движения и влияния культур. Собственно Обь (ее верхнее и среднее течение) никогда не была сколько-нибудь важной дорогой, по которой могли идти на север южные влияния и, наоборот, была основным путем, которым продвигались на юг лесные племена. Южные влияния шли на север по Тоболу, Ишиму и Иртышу и выходили на нижнюю Обь, минуя Нарымское Приобье. Поэтому не может казаться удивительным, что культуры Нижнего Приобья, лежащего гораздо севернее Нарыма, всегда носят заметные следы южных воздействий, чего нельзя отметить в Нарымском Приобье, исключая его южную окраину. В нарымской части Приобья на протяжении тысячелетий сохраняется автохтонная группа племен, которая в своей культуре продолжает вести генетическую линию развития, начатую древним урало-сибирским населением, которое известно нам по ранним памятникам свердловско-тагильского района (Свердловская область)¹, неолитическим стоянкам на Андреевском озере (Тюменская область)², Самусьскому могильнику (Томская область)³, неолитическим памятникам Красноярска, опубликованным А. П. Окладниковым⁴.

В I тыс. до н. э. таежные нарымские племена начинают распространяться в южном направлении и к рубежу нашей эры доходят до Верхнего При-

¹ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Труды ГИМ, вып. 29, 1956, рис. 1, 2, 3, 4, 5, 6, и т. д.

² В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 29, табл. XI.

³ В. И. Матюшенко. Вопросы датировки Томских неолитических памятников. Уч. зап. Томского гос. ун-та, т. 35, 1956, табл. I—III.

⁴ А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. СА, 1957, № 1, рис. 2, 3; 10, 22, 11, 25; 14, 1 и др.

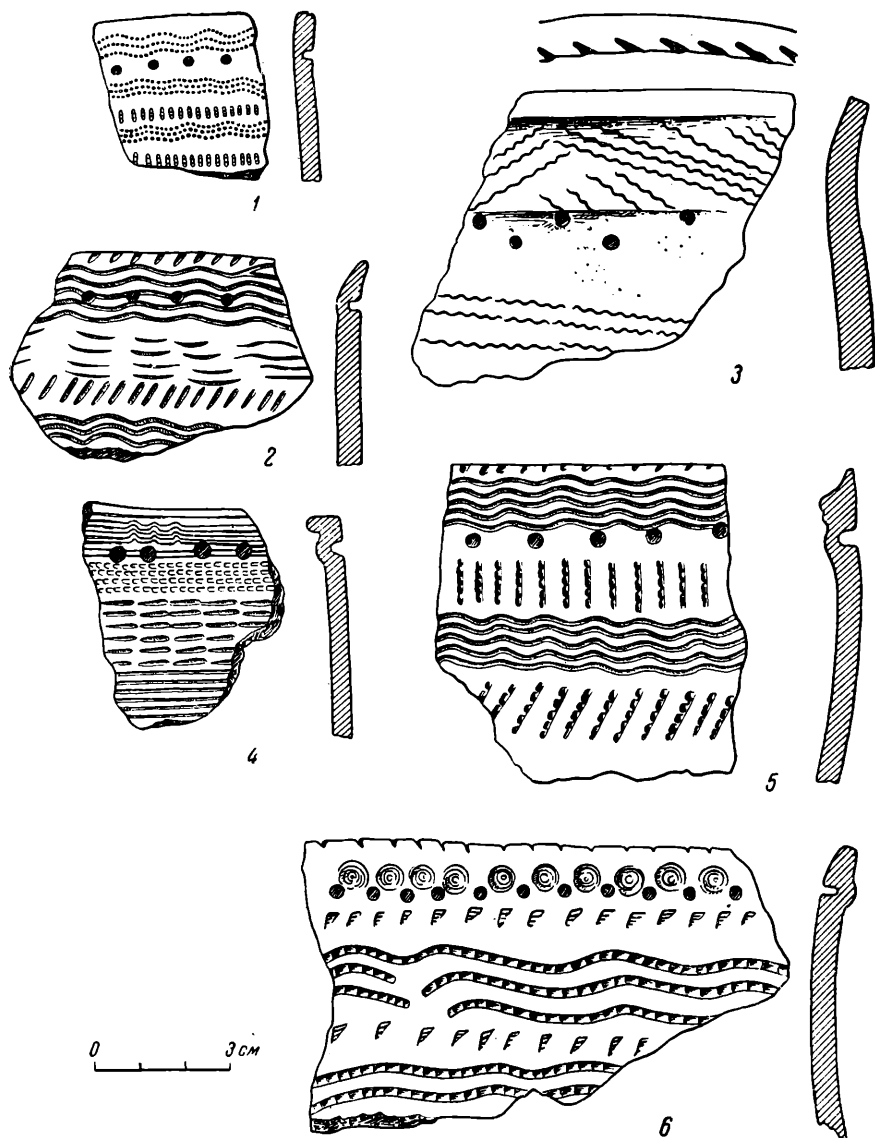

Рис. 11. Железный век Среднего и Нарымского Приобья. Образцы керамики:

1, 2 — Убинская стоянка; 3 — Чертова городище; 4, 5 — Смолокуровское городище;
6 — городище Шаманский Мыс

обья. Этот этнокультурный сдвиг был, по-видимому, обусловлен происшедшим в это время смещением ландшафтных границ — наступлением леса на степь. Керамика железного века с архаичным, неолитоидным орнаментом была встречена на Смолокуровском городище (Нижнее Причуйлымье, рис. 11, 4, 5), в культурном слое Чертова городища и Убинской стоянки (Новосибирская область, рис. 11, 1—3), в поселении Ближние Елбаны VII (Алтайская край)⁵ и других. Длительное переживание архаичных признаков наблюдается не только в керамике, но и в бронзовом литье

⁵ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1956, табл. XIX, 5.

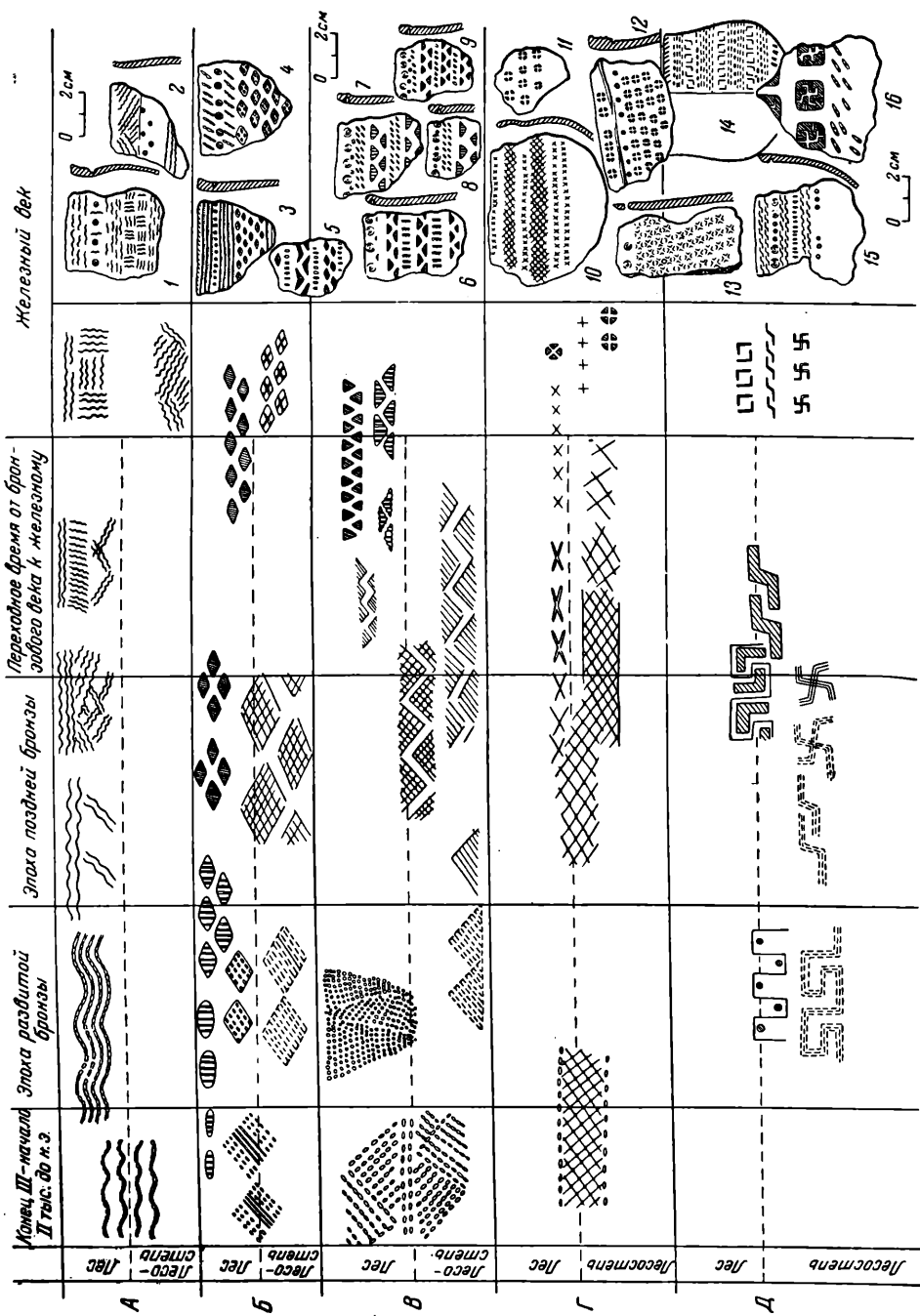

Рис. 12. Схема генетической преемственности некоторых обских орнаментов

1, 4, 11, 14 — Нижнее Приобье; 2, 5, 6, 8 — Чертово городище (Среднее Приобье, окрестности Новосибирска); 3 — городище Могильный Мыс, р. Гыи (Нарымское Приобье); 7, 9 — городище Шамашский Мыс, р. Тым (Нарымское Приобье); 10 — Томский могильник (Среднее Приобье); 12, 15 — Басандайское

Бронзовые антропоморфные изображения, найденные на горе Кулайке⁶ (р. Чая, Нарымское Приобье, рубеж н. э.), по всем основным признакам находят близкие аналогии в древних антропоморфных рисунках на керамике Самусьского поселения (низовья р. Томи, середина II тыс. до н. э.)⁷. Ажурность, городчатость на голове, скелетный мотив в изображении туловища, своеобразии позы (руки, опирающиеся на нижнюю часть туловища и слегка согнутые в коленях ноги) — все эти черты, из которых, собственно, и складывается кулайский антропоморфный стиль, в равной мере характерны для самусьских антропоморфных рисунков, хотя Кулайка моложе Самусьского поселения по крайней мере на тысячу лет.

Происхождение фигурных штампов следует искать в рисованном орнаменте — вернее, в свойственной для лесных культур тенденции к измельчанию орнаментального рисунка. Так, мелкоструйчатый штамп явился генетическим завершением развития древней волны (рис. 12, А). Не случайно, на многих из известных нам сосудах с мелкоструйчатым штампом последним выполнялась, по-существу та же самая орнаментальная композиция, которая в неолите выполнялась рисованной волной (рис. 12, 1, 2).

Ромбический штамп, судя по составленной нами типологической схеме (рис. 12, Б), имеет своего предшественника в древнем урало-сибирском ромбе⁸, который позднее трансформируется: в лесу — в силу тенденции к измельчанию рисованного орнамента — в ромбический штамп, в лесостепье в известные федоровские ромбические фигуры. Наиболее древними типами ромбического штампа являются рубчатый ромб и «ромбическая гребенка» (рис. 12, Б) — они появляются в конце эпохи развитой бронзы. Ромбический и мелкоструйчатый штампы встречаются уже на керамике Самусьского поселения (середина II тыс. до н. э.).

Происхождение крестового штампа следует искать в сетке (рис. 12, Г), которая была очень характерна уже в энеолитическое время для широкой территории от Андреевского озера до Екатерининской стоянки⁹. Для этой сетки в эпоху бронзы всегда была свойственна тенденция к распадению ее на отдельные элементы в виде косых рисованных крестов. В керамике предтаежной полосы эта тенденция привела к деградации и исчезновению сетки (в начале железного века), а в керамике лесных культур к появлению крестового штампа. Не случайно, крестовый штамп в керамике лесных культур конца бронзового века¹⁰ располагается в виде псевдосетчатых поясков, занимающих то же самое место в орнаментальной композиции, что и сетчатые пояски на посуде лесостепных культур Приобья в бронзовом веке¹¹. Наиболее ранним из известных нам крестовых штампов является «косой» крест. Все рассмотренные выше штампы (ромбический, мелкоструйчатый и крестовый) возникли в тайге и распространились в более южные районы Приобья в конце бронзового века в результате начавшегося в это время продвижения на юг северных лесных культур.

При ознакомлении с керамикой Десятовского поселения (Нижнее Причулымье, рубеж II и I тыс. до н. э.) мы наблюдали очень интересное явление. Хорошо прослеживалось, как под воздействием северных таежных орнаментальных традиций крупные резные треугольники постепенно мельчали и превращались в треугольные штампы¹² (рис. 12, В). Интересно

⁶ И. М. Мягков. Древности Нарымского края. Труды Томского краевого музея, т. II, 1929.

⁷ В. И. Матюшенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. СА, 1959, № 4, стр. 164, рис. 7, 1, 3, 4.

⁸ В. М. Раушенбах. Указ. соч., рис. 9—15; В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 39, табл. XIV; М. Н. Комарова. Неолит Верхнего приобья. КСИИМК, вып. 64, 1956, рис. 42.

⁹ В. Н. Чернецов. Указ. соч., стр. 22, табл. VII, 6, 16; стр. 32, табл. X, 3, 10

¹⁰ М. Ф. Косарев. Десятовское поселение. КСИА, вып. 97, 1964, рис. 29—1—3.

¹¹ Там же, рис. 27, 3, 9.

¹² Там же, рис. 28, 1—4, 6, 8.

отметить, что эти треугольные штампы располагаются такими же взаимно-проникающими рядами и занимают то же самое место в орнаментальной композиции, что и предшествующие им резные треугольники.

Штамп «уточка» (рис. 12, 15) и близкие ему двух- и трехчленные штампы появились позднее. Мы не встречаем их на посуде, которую можно было бы отнести к бронзовому веку или к переходному времени от бронзового века к железному. Их генетическим предшественником следует считать широко распространенные в керамике Среднего Обь-Иртышья в конце бронзового века резные заштрихованные уточки¹³, рисованные взаимно-проникающие Г-образные фигуры¹⁴ (рис. 12, Д). Указанные рисунки являются, по-видимому, поздним выражением меандра. Меандровая «сущность» этих фигур выражена, в частности, в подчеркивании их резными ступенчатыми линиями¹⁵. Поскольку керамика с резными уточками и рисованными Г-образными фигурами относится уже к концу бронзового века, время появления соответствующих штампов следует относить к железному веку — по-видимому, к ранним его этапам. То же самое можно сказать и о некоторых фигурных штампах (рис. 12, 13, 16).

Из всего изложенного следует три вывода.

1. Некоторые фигурные штампы оформились в лесной полосе на автохтонной урало-сибирской основе — в силу свойственной для лесных культур тенденции к измельчанию орнаментального рисунка (мелкоструйчатый и ромбический штампы); другие возникли на основе геометрического резного орнамента в условиях давления северных таежных культур на северную периферию лесостепного историко-культурного массива (треугольный штамп, «уточка», двух- и трехчленные штампы).

2. Не все фигурные штампы возникли одновременно. Мелкоструйчатый и ромбический штампы появились в конце эпохи развитой бронзы, крестовый — в эпоху поздней бронзы, треугольный на рубеже бронзового и железного века, «уточка», взаимнопроникающий Г-образный штамп и близкие им двух- и трехчленные штампы — в железном веке.

3. По-видимому, кулайская культура¹⁶ (железный век) начинает формироваться в результате теснейших взаимодействий автохтонных лесных племен Нарымского Приобья и населения лесостепных культур Среднего Приобья.

¹³ М. Ф. Косарев. Десятовское поселение. КСИА, вып. 97, 1964, рис. 28, 9.

¹⁴ Там же, рис. 28, 10.

¹⁵ Там же, рис. 28, 7, 10.

¹⁶ И. М. Мьяков. Указ. соч.: он же. Находки на горе Кулайке. Труды Томского краевого музея, т. I, 1927; Р. А. Ураев. Кривошеинский клад. Труды Томского областного краеведческого музея, т. V, 1956, табл. I—III.

Е. Е. КУЗЬМИНА

ТОПОРИК ИЗ ПУЛЬ-И-ХАТУН
И ВОПРОС О СВЯЗЯХ ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ С ИРАНОМ
В III ТЫС. ДО Н. Э.

В Отделе Истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа хранится очень интересный металлический топорик, поступивший в 1925 г. из коллекции Н. Ф. Романченко с указанием, что он происходит из местности Пуль-и-Хатун (Туркмения)¹. Топор узкий, с прямым, свисающим на конце, не заточенным лезвием, далеко выступающим вислым обушком, треугольно подрезанном внизу (рис. 13). Проуш вытянуто-овальный, желобок от него проходит по всей обушковой части. На втулке с обеих сторон пробито два круглых сквозных отверстия для скрепления с рукоятью. Проуш расположен таким образом, что рукоять не была перпендикулярна лезвию, а располагалась под острым углом. У проуша на обушковой и лезвийной части сделано две выемки. Длина топора 14 см, лезвия — 8,7 см, размеры проуша 2 × 1,1 см, ширина у проуша — 1,7 см, длина обушка 7,7 см, ширина — 4,4 см. Сохранность топора прекрасная, снаружи он покрыт темно-зеленой патиной, следов сработанности не заметно.

Каково происхождение этого предмета?

Серия аналогичных топориков-молотов была обнаружена на территории древнего Ирана. Здесь, в окрестностях Нихавенда, у Тепе-Гияна, найдено три подобных топора, опубликованных Э. Герцфельдом². Несколько находок сделано в Сузах³. Последние сходны с пуль-хатунским предметом не только по форме, но и по размерам: длина одного 14 см, другого — 12 см, размеры отверстия — 2,2 × 1 и 2 × 0,8 см, остальные имеют примерно ту же величину. Для всей рассматриваемой серии характерно несколько приподнятое, не перпендикулярное рукояти прямое или слегка изогнутое лезвие, резко опущенный вниз фигурный обушок, выемки около проуша, сквозные отверстия для скрепления с рукоятью. Все эти топоры плоские, лезвия ни у одного из них не заточены, а, наоборот, утолщены и массивны, что и дало основание исследователям рассматривать иранские изделия как топоры-молоты. Единственное отличие среднеазиатского экземпляра — не прямоугольная, а эллиптическая форма проуша, впрочем, и этот вариант представлен в иранской группе.

¹ Инв. № 86.

² E. Herzfeld. *Iran in the Ancient East*. London—New-York, 1941, p. 131-132, f. 248, pl. XXVII, 1.

³ R. de Mecquenem, *Fouilles de Suse 1929—33*, Mémoires de la Mission archéologique en Perse, t. XXV, Paris 1934, p. 215, f. 58; J. Deshayes. *Marteau de bronze iraniens, Syria*, t. XXXV, № 3—4. Paris, 1958, p. 284—286, f. 1, 2.

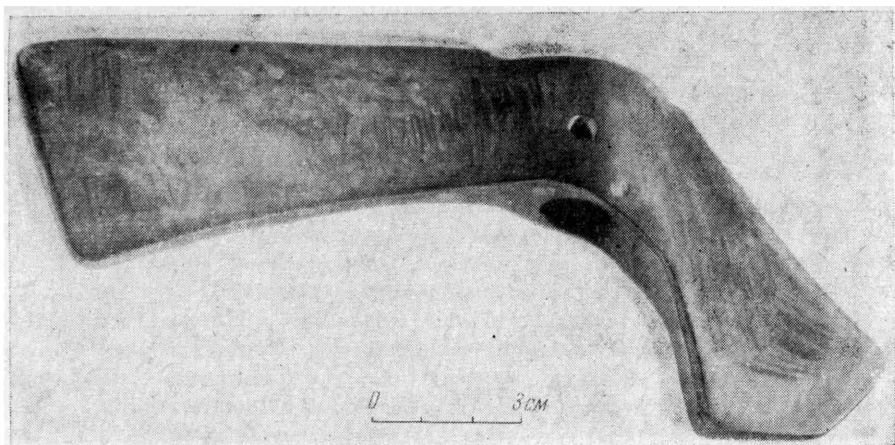

Рис. 13. Медный топорик из Пуль-и-хатун

Для установления хронологии этого типа решающее значение имеет находка топора в одном из саркофагов в Царском Городе в Сузах⁴. По профилю топор тождествен вышеописанному, но опущенный обушок его, оформленный у других экземпляров только фигурными вырезами, здесь трактован в виде перьев птицы, а выступы по краям втулки украшены птичьими головками. Клинописная надпись с именем царя Шульги, как и условия находки, позволили Р. де Меккенему точно определить время этого предмета эпохой III династии Ура (XXII—XXI в. до н. э.)⁵.

При типологическом анализе всей серии создается впечатление, что развитие этого типа происходит от простых наиболее ранних форм (к которым принадлежит анализируемый предмет из Туркмении) — к изделиям орнаментированным, представленным топориком с надписью из Суз; причем нижняя граница времени появления этого типа несколько предшествует времени сузианского топора. На относительно более раннее время появления этого типа указывают находки топоров и сходных с ними по форме наконечников в Сузах, в слоях, которые по стратиграфическим данным могут быть датированы третьей четвертью III тыс. до н. э.⁶ Тенденция к декоративному оформлению обушковой части топориков намечается уже у глянских изделий, у одного из которых обушок украшен тремя вырезами. Дальнейший генезис приводит к появлению сложно профилированных топоров, украшенных протомами и фигурами животных. Этот вариант вычурных топоров-молотов бытует в Иране на протяжении длительного времени и получает особое развитие в конце эпохи бронзы. К данному периоду относится группа великолепных изделий из Луристана⁷, а также топор из Суз, обнаруженный в составе клада в храме Шилхака Иншушинака (1165—1151 гг. до н. э.). Последняя находка дает твердые основания датировать всю позднюю группу луристанских топоров-молотов.

Столь длительное бытование этой формы, по-видимому, объясняется особым функциональным назначением анализируемых предметов. У всех иранских топоров конец рабочей части утолщен в виде молоточка, у топориков

⁴ J. de Morgan. L'Humanité préhistorique. Paris, 1924, p. III, ch. 2, f. 161, 1.

⁵ R. de Mecquenem. Kêtes de la cannes susiennes en metal. Revue d'assuriologie et d'archéologie orientale, t. XLVII, № 2. Paris, 1953, p. 80—82, f. 2—4.

⁶ R. de Mecquenem. Fouilles de Suse, p. 209, 215, f. 53, 58; H. Eliot. Excavations in Mesopotamia and western Iran Sites of 4000—500. Massachusetts, 1950, pl. 32.

⁷ E. Herzfeld. Указ. соч., p. 131, б. 248; A. Godard. Les bronzes du Louristan. Paris, 1931, № 70; J. Deshayes. Указ. соч., p. 289—291.

ка из Пуль-и-Хатун лезвие не заточено, ни на одном нет следов сработанности. Это дало основание Жану де Моргану считать их предметами ритуального назначения. Однако скорее в них можно видеть наступательное парадное оружие, принадлежавшее привилегированным членам общества, с чем и связаны богатое украшение топоров, обнаружение их в составе погребального инвентаря и в кладе в Сузах и длительное сохранение этой традиционной формы. Последнее предположение — о парадном характере этого оружия — подтверждается находками в Сузах и в коллекции Граева втульчатых наконечников, по форме имитирующих иранские топоры, иногда украшенных птичьими головками⁸.

Картографирование наиболее ранних топоров с опущенным вниз обушком указывает на то, что основной центр их распространения во второй половине III тыс. до н. э. локализовался в районе юго-западного Ирана — в Сузах и Гиане. Как же проник на территорию Средней Азии один из этих топоров?

Местность, где он был обнаружен, расположена на границе с Ираном, на самом юге Туркмении, при слиянии р. Теджен (Герируд) с Кешефрудом. По сведениям, сообщаемым Д. Н. Логофетом, Пуль-и-Хатун (по его написанию, Пуль и Хатум) находился при выходе реки на равнину с гор Аккар-Чашме, входящих в систему Туркмено-Хорасанских гор, отделяющих Среднюю Азию от Ирана⁹. По своему географическому положению эта местность с глубокой древности должна была служить узловым пунктом, через который шла дорога в Иран¹⁰.

В рассматриваемую эпоху южная Туркмения была заселена племенами — носителями культуры Намазга IV¹¹. В начале III тыс. до н. э. — в пору Намазга III¹² связи древнего населения подгорной равнины с племенами Ирана продолжали развиваться и во второй половине III тыс., до н. э. Особенно отчетливо контакты с юго-западными районами прослеживаются в материалах племен восточного варианта культуры Анау, заселявших низовье р. Теджен. В это время население забрасывает поселки в Геоксюрловском оазисе и переходит в более южные участки долины реки, в частности на Хапуз-депе, где хорошо представлены слои стадии Намазга IV¹³. Культура племен достигает высокого уровня развития: вокруг поселков воздвигаются оборонительные стены, керамика изготавливается на гончарном круге быстрого вращения, формы ее вычурны и разнообразны. Целый ряд черт в облике материальной культуры указывает на тесные контакты с носителями культур Гиссар II В, Шах-Тепе II В в северо-восточном Иране, а также и с племенами, обитавшими далее на юго-западе: Сиалк IV и Гиан IV. Именно в результате этих связей проник на территорию южной Туркмении описываемый топорик из Пуль-и-Хатун. Обнаружение его в верховьях р. Теджен указывает путь, по которому осуществлялись связи восточной группы анаусских племен с Ираном.

Находка из Пуль-и-Хатун позволяет подойти к важному вопросу — вопросу о появлении металла в культуре Анау. В результате работ совет-

⁸ R. de Mesquien. Têtes de la cannes..., p. 82; J. Deshayes. Marteau de bronze..., p. 288.

⁹ Д. Н. Логофет. На границах Средней Азии, кн. 1, гл. XV. СПб., 1909, стр. 224—227, карта.

¹⁰ По преданию, в Пуль-и-Хатун еще в эпоху Александра Македонского был построен мост (там же, стр. 266).

¹¹ Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ. Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 279, 283; В. М. Массон. Расписная керамика южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Труды ЮТАКЭ, т. VII, стр. 302—306, 314—327.

¹² В. М. Массон. Энеолит южных областей Средней Азии. САИ, вып. Б 3—8. М.—Л., 1962, стр. 11, табл. I; И. Н. Хлопин. Раскопки энеолитических поселений в бассейне Теджена. Изв. АН ТССР, 1958, № 5, стр. 100—106.

¹³ К. А. Адыков, В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья. Изв. АН Туркм.ССР, 1960, № 2, стр. 62.

ских археологов установлено, что южная Туркмения входила в ареал древнейшего распространения металла в старом свете. Металлические изделия были обнаружены здесь в слоях стадии Анау I и А и Б — Намазга I, датирующихся концом V—IV тыс. до н. э. В III тыс. до н. э. каменные орудия почти полностью исчезают из обихода анаусцев, количество и ассортимент металлических изделий увеличиваются. Типы металлических орудий труда и украшений культуры Анау находят полные аналогии в материалах синхронных памятников Ирана. Это сходство позволяет сделать вывод, что на первом этапе применения металла в Средней Азии — вплоть до конца III тыс. до н. э. — область распространения культуры Анау принадлежала к иранской металлургической провинции. Предполагать наличие в пределах иранской металлургической провинции собственно анауского очага (или очагов) металлообработки пока нет достаточных оснований, поскольку на территории подгорной полосы и в низовьях Теджена источники сырья пока не известны. Ни на одном анауском поселении до сих пор не засвидетельствованы и следы металлообработки, хотя остатки других производств, в первую очередь гончарного, очень многочисленны. Это позволяет признать, что в эпоху энеолита и вплоть до конца III тыс. до н. э. основные источники металла племен Анау находились на юго-западе — на территории древнего Ирана, с которым население южной Туркмении поддерживало постоянные и тесные связи.

П. М. КОЖИН

О ТЕХНИКЕ
ВЫДЕЛКИ ФАТЬЯНОВСКОЙ КЕРАМИКИ

О технологии изготовления фатьяновской керамики в литературе встречаются лишь краткие разрозненные замечания¹. Однако даже суммарная сводка данных по технике лепки и формовки фатьяновской посуды², основанная исключительно на визуальных наблюдениях, позволяет уточнить типологию керамики и соотношение локальных групп фатьяновской культуры.

На сосудах с высоким туловом и низкой шейкой³ (рис. 14, 1), характерных для Балановского могильника и верхневолжских памятников, можно выявить целый комплекс специфических приемов изготовления. Судя по прослеженным на них спаям отдельных частей, сосуды лепились в три (реже в четыре) приема. Основные части: шейка, тулово (иногда тулово распадается на две части — цилиндрическая средняя часть и плечики), дно в виде миски. По характеру и плотности спаев, а также другим признакам можно проследить последовательность выделки. Сперва изготовляли среднюю часть тулова. Иногда сверху в виде узкой ленты прилепливали плечики. Сделанная таким образом заготовка была, видимо, грубой и массивной. После того как глина несколько подсыхала, сосуд часто уже в таком виде подвергали тщательной специальной формовке. Этой формовкой стенки сосуда значительно утончались и уплотнялись. При этом тулово растягивалось во всех направлениях, сильно увеличиваясь в размерах пока, наконец, не приобретало форму, которую имеют готовые изделия. Затем изнутри под край плечиков подводили ленту, образующую шейку (рис. 14, 1а). Иногда формовку производили уже после этой операции, что легко определяется по отсутствию на переходе от шейки

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник. Труды ГИМ, т. VIII, 1938, стр. 60—61; она же. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 27; Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Труды ГИМ, т. XII, 1941, стр. 129—132; О. Н. Бадер. Фатьяновские могильники Северного Подмосковья, МИА, № 13, 1950, стр. 83.

² В работе учтены данные по следующим могильникам: Фатьяновский, Вауловский, Мытищинский, Горкинский, Великосельский, Быстринский, Кузьминский, Протасовский, Давыдовский, Бужаровский, Ивановогорский, Сущевский, Буньковский, Михеевский, Детчинский, Верейский, Николо-Перевозский, Атли-Касинский, Балановский. Кроме того, специально с целью выяснения технологии просмотрены серии сосудов из раскопок Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР на могильниках Олочинском, Миославском, Тимофеевском, Скомоуховском, Кривцовском и Волосовско-Баглаевском. Приношу глубокую благодарность Д. А. Крайнову за возможность ознакомиться с последними материалами.

³ Типы сосудов определены в статье: П. М. Кожин. Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников. СА, 1963, № 3.

к плечикам острого рубца от спая лент, обращенного выступающим краем книзу (рис. 14, 16). При формовке на этой стадии вся верхняя часть сосуда приобретает плавные сглаженные очертания.

Формовка, следующая за лепкой, играла очень значительную роль в изготовлении этого типа сосудов. На внешней поверхности тулова можно видеть отчетливые небольшие уплощения (1,5—3 см в поперечнике)

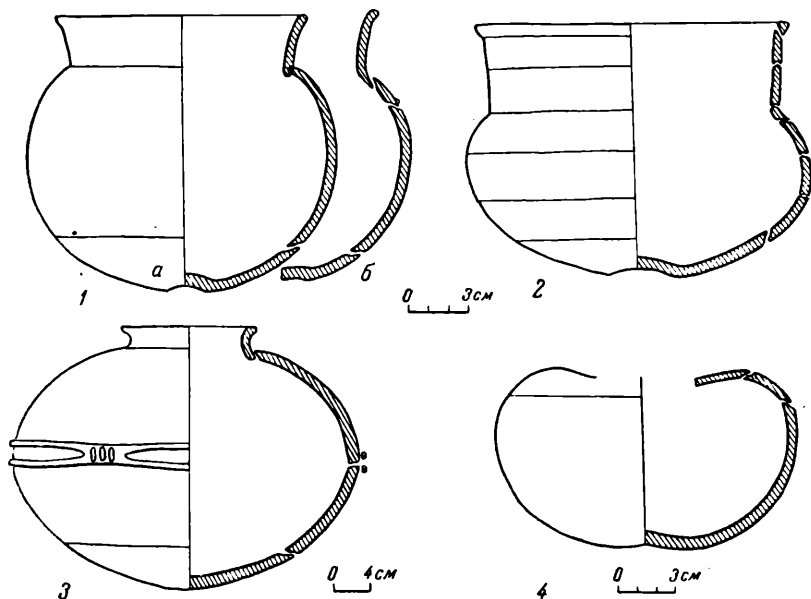

Рис. 14. Основные типы сосудов (спай лент и частей обозначаются разрывами профилей)

(рис. 15, 1). Иногда они идут горизонтальными рядами вокруг всего тулова, но чаще прослеживаются лишь местами, так как сосуды при окончательной обработке ложились. Лощение округляло, выравнивало поверхность стенок, уничтожая следы предшествующих стадий формовки. На внутренней поверхности стенок прослеживаются слабые вмятины, располагающиеся в том же порядке и в тех же местах, что и уплощения на наружной поверхности. Фиксация их сильно затруднена из-за того, что внутреннюю поверхность сосуда при окончательной обработке покрывали плотным ангобом, который к тому же либо ложили, либо грубо заглаживали каким-то орудием, оставлявшим широкие кольцевые полосы. Уплощения и вмятины — основные диагностические признаки формовки так называемой техникой «наковальни и лопатки»⁴. Этот прием формовки до сих пор широко распространен и фиксируется по этнографическим данным⁵. Инструментами служат лопатка — плоская дощечка с короткой

⁴ Это название, буквально соответствующее общепринятому термину «paddle-and-anvil technique», более точно отражает сущность метода, чем применяемые порою названия техника «битья», «выдавливания» и «выколачивания». Об основных признаках см. А. И. Августиник. К вопросу о методике исследования древней керамики КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 152; А. О. Shepard. Ceramics for the Archaeologist, Carnegie Institution of Washington, publ. 609, 1956, p. 394.

⁵ Наиболее подробные сведения о распространении и особенностях этой техники в работе E. W. Gifford. Pottery Making in the South-West, University of California. Publication of American Archeology and Ethnology, v. 23, pt. 8, Berkeley—Los Angeles, 1928, p. 353—373). О частных примерах и особенностях техники: В. И. Подгорубунский. Заметки по изучению гончарства у якутов. Сибирская живая старина. т. VII. Иркутск, 1928, стр. 132; Л. П. Потапов. Глиняная посуда якутов. Сборник МАЭ, т. XVI. М.—Л., 1955; Очерки по истории Шории. М., 1936, стр. 98; Н. Ф. Рыткова, Е. М. Пещерова. Гончарное производство Средней Азии. Труды института

ручкой или деревянный молоток, часто с рубчатой рабочей поверхностью и каменная или керамическая «наковальня» грибовидной формы. Часто, впрочем, роль наковальни выполняет округлая галька. Лопаткой наносят удары по внешней поверхности стенок, подставляя изнутри в точке удара наковальню. Этим приемом достигается минимальная толщина стенок и большая плотность теста. Такой формовке подвергаются как заготовки, лепленные от руки, так и изготовленные на гончарном круге. Форма и размеры сосуда после обработки резко меняются⁶. Для более полной проработки всей поверхности формовку производят до прикрепления дна (способы формовки дна при этой технике особенно разнообразны). Этот прием распространен почти повсеместно.

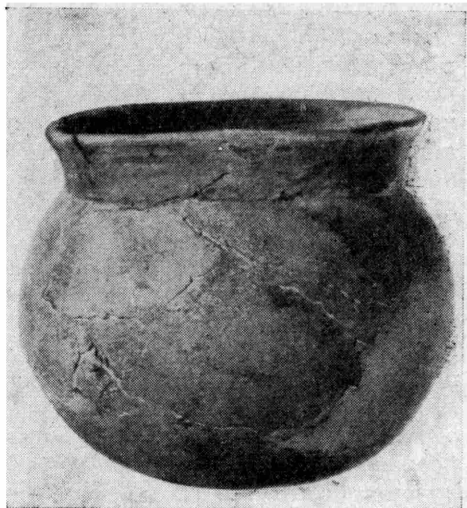

Рис. 15. Сосуд со следами от лопатки на поверхности тулова

Кроме следов от наковальни и лопатки⁷, к основным определяющим признакам этой техники формовки следует отнести встречающиеся на внешней поверхности сосудов округлые выпуклости. На внутренней поверхности им соответствуют такие же вдавлины, образующиеся при чрезмерно сильном нажатии наковальней на стенку сосуда. Чем выше техника формовки, чем привычнее она для гончаров, тем реже встречаются такого рода погрешности. На керамике Балановского могильника эти выпуклости редки и малозаметны.

Косвенными признаками формовки могут быть также очень тонкие стенки (на фатьяновской керамике до 4 мм) и очень хорошее качество теста, в котором непластичные примеси встречаются преимущественно в сильно измельченном виде. Крупные непластичные примеси при обработке часто прорывают стенки сосуда, поэтому их старательно удаляют. Оставшиеся зерна шамота проступают в виде выпуклостей на ангобе. Ленты малочисленны либо отсутствуют⁸. Причем края лент сильно вытянуты и имеют волнистую поверхность. На разбитых сосудах внутри отдельных частей не прослеживаются горизонтальные швы. К числу определяющих признаков можно отнести и крайне хрупкий донный шов-спай. Последний образуется потому, что дно прилепливали лишь когда

этнографии, т. XVII, 1959, стр. 142—151; L. Dumont. A Remarkable Feature of South Indian Pot Making. „Man“. London, 1952, v. LII, art. 121, p. 81—83; R. Raven-Hart. The Beater-and-Anvil Technique in Pottery Making, „Man“, 1962, v. LXII, art. 141. p. 82—83.

⁶ Удачный пример приводит L. Dumont (указ. соч., fig. I). (способы формовки дна при этой технике особенно разнообразны).

⁷ Е. М. Пещерова (указ. соч., стр. 143, 146—151) выделяет лишь рубчатую лопатку. Видимо, ей не удалось проследить указанную технику формовки на керамике культуры Анау, где широко применялась гладкая лопатка. Приношу глубокую благодарность В. И. Сариниди за предоставленную мне возможность исследовать большую серию керамики из Геоксюрского оазиса, на которой представлен этот прием формовки.

⁸ Отсутствие лент прослежено на больших сериях черепков, так как этот признак требует очень тщательной проверки. Ленты можно порою не заметить из-за последующей обработки (H. W. M. Hodges. Thin Sections of Prehistoric Pottery: An Empirical Study. Bulletin of the Institute of Archaeology. London, 1962, № 3, p. 60). Только на очень грубой керамике можно проследивать все кольцевые налеты (W. Coblenz. Beispiele für das Ringwulst ver fahren bei der Keramikherstellung. Arbeits und Forschungs berichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege. Leipzig, 1962, S. 69—78).

сосуд успевал значительно подсохнуть. Вполне возможно, что донная часть лепилась и формовалась отдельно в виде миски, какие часто встречаются в фатьяновских комплексах. Край миски всегда скошен внутрь.

У большинства сосудов с высоким туловом на дне прослеживается небольшая, но отчетливая ямка; иногда на дне прилеплено кольцо из глиняного жгута. Делалась ли ямка для того, чтобы придать большую прочность дну или просто для устойчивости сосуда, или получалась при закреплении сосуда на каком-нибудь специальном поворотном устройстве — сказать пока трудно. Ясно только, что этот конструктивный и технологический прием нуждается в специальном исследовании⁹.

Миски, судя по разбитым экземплярам, обыкновенно лепили из четырех или пяти кусков глины, соединенных вертикальными спаями¹⁰. На материалах культуры шаровидных амфор установлено¹¹, что миски применялись в качестве подставок для вращения сосуда во время формовки. Возможно, что и ямки на днищах появились в связи с применением поворотных мисок для окончательной обработки. Они могли получаться при вращении сосуда, поставленного вверх дном в поворотную миску. Такой прием применяется при завершающей обработке керамики на кругу гончарами сельских поселений Барбадоса¹².

На сосудах типа шаровидных амфор представлена техника лепки из отдельных составных частей¹³ (рис. 14, 3). Шов спая верхней и нижней частей обычно проходит у них на половине высоты (рис. 16; рис. 14, 3). Следы ленточной техники на разбитых экземплярах из Балановского могильника отсутствуют. Вероятнее всего, верхняя и нижняя части отформовывались из очень толстых глиняных заготовок техникой наковальни и лопатки. Вполне возможно при этом, что более тяжелая верхняя часть по окончании обработки обвязывалась по линии наибольшего диаметра мягкой лентой или шнуром. Такой прием до сих пор применяется при изготовлении кувшинов с бомбовидным туловом женщинами гончарами на Кипре¹⁴. Очевидно, что при соединении обеих частей такая лента поддерживала еще не вполне затвердевшие стенки, не давая сосуду деформироваться, однако на сосудах, у которых наибольший диаметр помещен очень высоко, шейка все же западала вместе с верхней частью плечиков. Шейка лепилась из очень толстого жгута, который подводился под плечики изнутри. Готовый, но не вполне просохший сосуд ставили, очевидно, вверх дном, отчего шейка еще больше западала. Когда сосуд подсыхал, его опоясывали по наибольшему диаметру валиками с проделанными в них ручками¹⁵.

У сосудов этого типа из ярославской группы фатьяновской культуры верхняя часть сформована наковальней и лопаткой, а нижняя изготовлена

⁹ Следует отметить удивительное сходство некоторых орнаментальных мотивов на подкладных дисках и досках, применяемых среднеазиатскими гончарами (Е. М. Пещерева. Указ. соч., рис. 44, 48, 53), с орнаментами, окружающими ямку на фатьяновской керамике.

¹⁰ Исключение составляет очень крупная миска из могилы № 1 Истринского могильника, формованная наковальней и лопаткой из одного куска глины.

¹¹ P. Fashauer. Beiträge zum Herstellungsverfahren urgeschichtlicher Keramik. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Marthin—Luther universität». Halle/Wittemberg, Jg. 5, Heft 3, S. 329—344.

¹² Сосуды ставятся на круг вверх дном. При вращении на плоском дне в месте упора пальцев появляется ямка (J. Handler. Pottery Making in Rural Barbados. «Southwestern Journal of Anthropology». Albuquerque, 1963, v. 19, № 3, p. 314—334).

¹³ Е. М. Пещерева. Указ. соч., стр. 152, 178 и др.

¹⁴ Изготовление сосудов из отдельных частей зафиксировано на материалах из Мингечаура (Г. М. Асланов. Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур. Баку, 1959, 142—143); R. Hampe, A. Winter. Bei Töpfern und Töpferinnen in Kreta. Messenian und Zypern. Mainz, 1962, S. 58 u. a.

¹⁵ Хронологическое значение конструкции из валиков и ручек и подробное ее описание см. П. М. Кожин. Указ. соч.

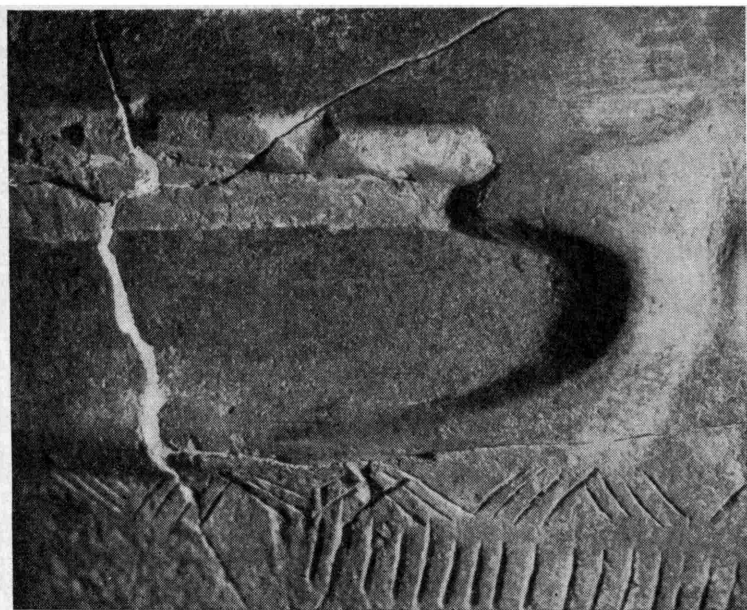

Рис. 16. Деталь конструкции из валиков и ручек на амфоре из Балановского могильника. Под отколовшимся нижним валиком видно место спаев верхней и нижней частей сосуда

из кольцевых лент. Впрочем, нижняя часть при окончательной отделке формовалась тем же приемом, хотя и менее тщательно.

У амфоры из Кузьминского могильника нижняя часть состоит из двух лент и миски. Следы формовки на нижней части отсутствуют, на верхней они видны отчетливо, причем резко заметна разница в толщине стенок верхней и нижней частей.

Мелкие сосуды, напоминающие шаровидные амфоры (рис. 14, 4), изготовлялись несколько иначе. Основной у них являлась нижняя часть в виде глубокой миски, формованной наковальной и лопаткой, на которую налепливали одну или две ленты (плечики). На этих лентах видны следы формовки пальцами, ибо вкладывать наковальню в столь узкое горло было явно невозможно. Иногда на этом изготовлении сосуда заканчивалось, но чаще таким же приемом, как и у крупных амфор, прилепливалась шейка.

Если в основной части комплексов Балановского могильника ленточная техника лепки совсем не применялась, а в памятниках ярославского варианта она встречается лишь эпизодически, то совершенно иную картину дают комплексы второго типа Балановского могильника. Основной тип представленной в них керамики — сосуды с низким туловом и высокой шейкой (рис. 14, 2). Просмотр всех сосудов из кургана у д. Атли-Касы и фрагментов от них показывает, что они сделаны из очень низких (до 2,5—3 см) кольцевых лент. Шейка порой состоит из двух лент. Верхний край нижней ленты скруглен и верхняя лента охватывает ее с внешней и внутренней сторон, так что спаи в поперечном сечении имеют овальные очертания. Сосуды покрывали плотным толстым ангобом. Однако даже на целых экземплярах из аналогичных комплексов Баланова можно видеть следы спаев лент. Крайне характерной особенностью этой керамики, отмеченной П. Д. Степановым¹⁶, является окаймление верхней части шейки

¹⁶ П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения на средней Суре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 65.

тонким валиком треугольного сечения. Он придает венчику совершенно специфическую профилировку. Донная часть этих сосудов имеет край, скошенный наружу, т. е. дно вставлялось изнутри сосуда. На некоторых сосудах видны следы обработки наковальней и лопаткой. Однако здесь эта техника определенно непривычная, ибо обработка очень слабая, ленты почти не деформированы, часты выпуклины от наковальни, в керамическом тесте содержится довольно большое количество крупного шамота. Можно полагать, что широкое применение шамота в качестве отощителя теста связано с меньшей подвижностью населения, с какими-то постоянными местами поселений, где всегда можно было найти достаточное количество битой посуды для приготовления шамота. Судя по крупным обломкам, шамот приготавливался из фатьяновской же керамики.

Сосуды из большинства могильников московской группы также леплены кольцевой ленточной техникой, однако выделка их обычно более грубая. Кроме того, у них отсутствует верхний валик, окаймляющий шейку, хотя профилировка венчика такая же, как и на сосудах типа Атли-Касы. Ленты на сосудах московской группы обычно скошены нижним краем внутрь сосуда¹⁷.

Мелкие керамические изделия: ложки, топорики и модели колес, характерные для атли-касинских комплексов Баланова, не имеют разработанных приемов изготовления. Их лепили обычно из одного куска глины. Лишь длинные ручки ложек лепили отдельно. Для того чтобы они не сгибались, их насаживали на тонкую палочку.

Итак, керамика фатьяновских памятников по технике изготовления делится на две основных больших группы. В одной (балановско-ярославской) характерна техника лепки из отдельных частей и тщательная формовка сосудов наковальней и лопаткой. В другой (атли-касинско-московской) широко распространен кольцевой ленточный налеп. Формовка имеет лишь подсобное значение.

В ранние исторические периоды, как и у некоторых современных народов, разницы в технологических приемах¹⁸, а также и в материальной культуре в целом, погребальных обрядах, религиозных представлениях, является показателем этнических различий.

Принципиальные различия в технике выделки глиняной посуды свидетельствуют об этнической неоднородности двух основных групп фатьяновского населения — атли-касинско-московской и балановско-ярославской. Основными показателями этой неоднородности являются прежде всего различия в формах и орнаментации керамики, в погребальных сооружениях, обряде и могильном инвентаре.

¹⁷ Технику изготовления сосудов со шнуровой орнаментацией их могильников московской группы необходимо рассматривать особо в связи с техникой выделки среднеднепровской керамики.

¹⁸ O. Gifford, E. W. Указ. соч., p. 253; K. Dannenberg. Die Töpferei der Naturvölker Südamerikas. Archiv für Anthropologie. Braunschweig, 1925, N. F., Bd. XX, Nft. 2—4. S. 164—183; O. T. Mason. Aboriginal American Basketry. Annual Report of Americal. Museum of Natural History of 1902. Washington, 1904.

С. В. ЗОТОВА

О СИБИРСКИХ КЕЛЬТАХ
СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОГО ТИПА

В июле 1963 г. в Кемеровский областной краеведческий музей поступил бронзовый кельт, найденный в песчаном карьере близ деревни Тарься Промышленовского района Кемеровской области. Количество находок подобных кельтов незначительно. Это 21-я находка кельта сейминско-турбинского типа на территории Сибири. Каждый новый экземпляр имеет большое значение для уточнения культурной принадлежности, хронологии и ареала распространения этого типа орудий.

Вновь найденный кельт изготовлен из желто-красной бронзы в двусторонней, по-видимому, каменной литейной форме. Отливка производилась со втулки, где сохранились следы литников в виде четырех тщательно заполированных наплывов, расположенных вокруг втулки на равных расстояниях. Половины литейной формы пригнаны очень точно, на стыке узких граней орнамент полностью совмещается. Орнамент образован выпуклыми линиями, врезанными на литейной форме. Длина кельта — 15 см. Ширина лезвия — 8,5 см. Втулка — овальная (5,5×4 см), длина ее — 4,3 см. Корпус орудия постепенно расширяется книзу, сечение его — шестигранное, широкие грани отделены от узких массивными продольными ребрами, длиной около 8 см. Полулунное лезвие кельта сильно расковано при окончательной отделке орудия. Ассиметричность лезвия в продольном сечении связана с очень сильной его сработанностью.

По сочетанию овального сечения втулки с шестигранным сечением корпуса и отсутствию ушек этот кельт относится к числу ранних¹. С ранними экземплярами его сближает и сходная композиция орнамента, включающая, кроме пояса и горизонтального яруса треугольников на втулке, еще и вертикальный ряд ромбов, проходящий вдоль середины передней грани корпуса². Однако элементы орнаментации и их соотношение заметно отличаются от общих для ранней группы. Пояс на втулке здесь почти вдвое шире обычного и заполнение у него иное — не «лесенкой», а вписанными друг в друга углами (рис. 17, 1). Каждой группе углов симметрично соответствуют фигуры нижележащего ряда орнаментации. Заполненный таким образом пояс теряет значение самостоятельного орнаментального элемента, что не находит аналогий в ранней группе. Вертикальная цепь ромбов на лицевой грани кельта сближает композицию с ранней сейминской схемой,

¹ Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, № 90, 1960, стр. 38—39.

² М. Ф. Косарев. Среднеобской центр турбинско-сейминской бронзовой металлургии. СА, 1963, № 4, рис. 2, фиг. 3.

которая в отличие от более поздних включает лишь один ряд ромбических фигур. Сохраняется и такая типичная для ранней группы особенность, как попеременная штриховка ромбов. (Соседние ромбы заштрихованы не одинаково: один слева — вверх — направо, другой справа — вверх — налево.) Специфической особенностью, не свойственной обычно ранней группе, является то, что на данном кельте многочисленные ромбические фигуры (три ромба и один треугольник) занимают лишь половину всей поверхности лицевой грани, а каждый ромб значительно ниже, чем соответствующие треугольники нижнего горизонтального яруса³.

Итак, по форме и наличию в орнаменте лишь одной цепочки вертикальных ромбов данный кельт может быть отнесен к подгруппе А первой группы сейминских кельтов (по Б. Г. Тихонову). Стилистические особенности кемеровского экземпляра соответствуют принципам орнаментации кельтов бассейна Енисея⁴. Очевидно, что на восточной периферии ареала сейминских кельтов, так же как и на западной⁵, местное производство возникло еще в период бытования безушковых кельтов. Однако это не снимает вопроса об общем прототипе для этого рода изделий. Большинство исследователей⁶ считает, что создание кельтов этого типа является достижением андроновских металлургов. К настоящему времени это находит ряд подтверждений. Во-первых, в андроновских могилах найдены копья сейминского типа; во-вторых, весь комплекс орнаментации кельтов соответствует орнаментации андроновской керамики с уступчатым плечом, которая по наиболее западным находкам названа алакульской (рис. 17, 2—5). Картографированием и типологическим анализом этой керамики в Центральном Казахстане устанавливается зона первичного и древнейшего распространения могильников, содержащих керамику с «уступчатым плечом». Специфической особенностью древнейшей алакульской керамики является наличие на середине шейки горизонтального ребра, рельефно отделяющего первую зону от второй. Точнее можно назвать этот древнейший тип — керамикой с «ребристым профилем». Богатые меднорудные месторождения Центрального Казахстана, разрабатывавшиеся с глубокой древности, входили в состав «казахстанского очага бронзовой культуры». Керамика с «ребристым профилем» тяготеет к району каркаралинских месторождений меди (рис. 18).

Керамика с «ребристым профилем» характеризуется немногочисленностью элементов орнамента и устойчивостью композиций. Все элементы орнаментации кельтов ранней группы находят соответствие в узорах центральноказахстанской керамики с «ребристым профилем». Лесенка, заполняющая пояс, применяется на этой керамике для дополнительного разделения основных орнаментов разных орнаментальных зон. Треугольники, часто скомпонованные в сложные фигуры, являются наиболее распространенным элементом орнамента этой керамики. Типичен и мотив ромба. В орнаментальных композициях на керамике ромб занимает одно и то же место

³ Изображение из уменьшенных ромбов мы видим лишь на экземпляре из омского клада. У остальных кельтов высота каждого ромба приблизительно равна высоте треугольников горизонтального яруса.

⁴ В. В. Радлов. Сибирские древности. МАР, № 29, 1886, Табл. VI, рис. 5 и 5а.

⁵ О. Н. Бадер. Древняя металлургия Приуралья. М., 1964, стр. 166.

⁶ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. «Казак», сб. II, Л., 1927; он же. Древняя бронза Минусинских степей. Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. I, Л., 1941; С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, Л., 1927. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 78; он же. Неолит и бронзовый век Китая. СА, 1960, № 4, стр. 264; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 52; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, стр. 80—81; А. А. Формозов. Археологические памятники в районе Орска, КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 120, рис. 32; Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. Труды Гос. Исторического музея, вып. 37, 1960, стр. 58, рис. 2, фиг. 1.

на венчике сосуда в составе первой или второй орнаментальной зоны. Фигура ромба встречается не только на керамике. В форме ромбов изготавливались специфические украшения из бронзы, сопровождавшие «алакульские» захоронения⁷. Совершенно очевидно, что ромбу, как и другим фигурам

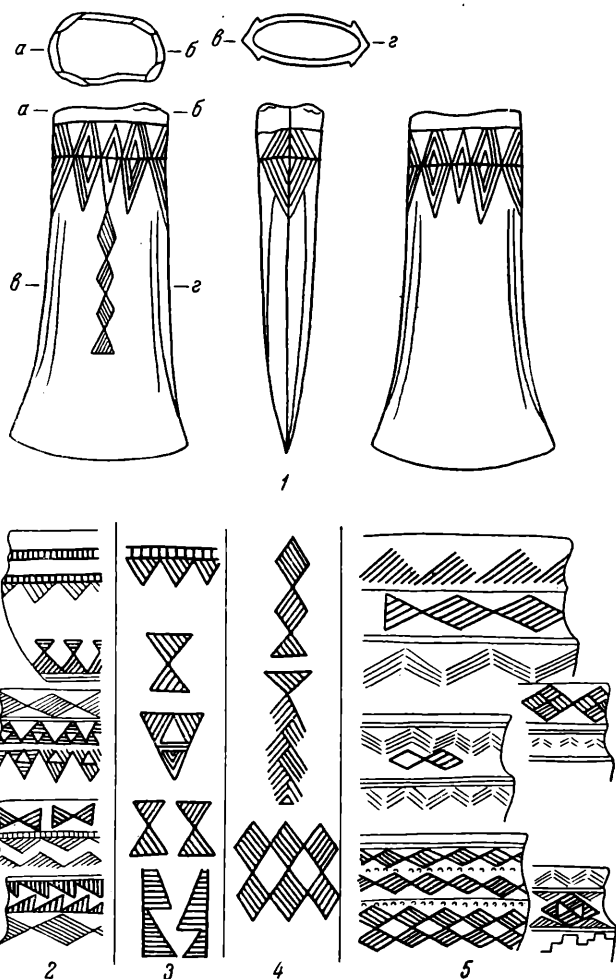

Рис. 17. Кельт из Кемеровского музея (1)

2—5 — аналогии в орнаменте на андроновской керамике и 3—4 — в орнаменте кельтов сейминско-турбинского типа

андроновской орнаментации, которые применялись как обособленные знаки (свастика, крест, колесовидные фигуры и др.) придавалось особое смысловое значение. Этим может объясняться обособление ромбических фигур на кельтах и помещение их только на одной лицевой стороне изделия.

В зоне распространения ребристой керамики и керамики с уступчатым плечом, а также в прилежащих к ней областях кельты сохраняют орнамен-

⁷ Агапова. Раскопки А. И. Рассадович. Отчет в архиве ИА; В. С. Соколкин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане, табл. XII, 16, 17; О. А. Крицова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, рис. 35, фиг. 2, рис. 42; Могильник Талды I, огр. 20, мог. 1. Колл. карагандинского обл. краеведческого музея. Наиболее восточной находкой такого рода украшений является ромбическая нашивная пластина из мог. 3 Малого Койтаса (М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи..., рис. 25, фиг. 2).

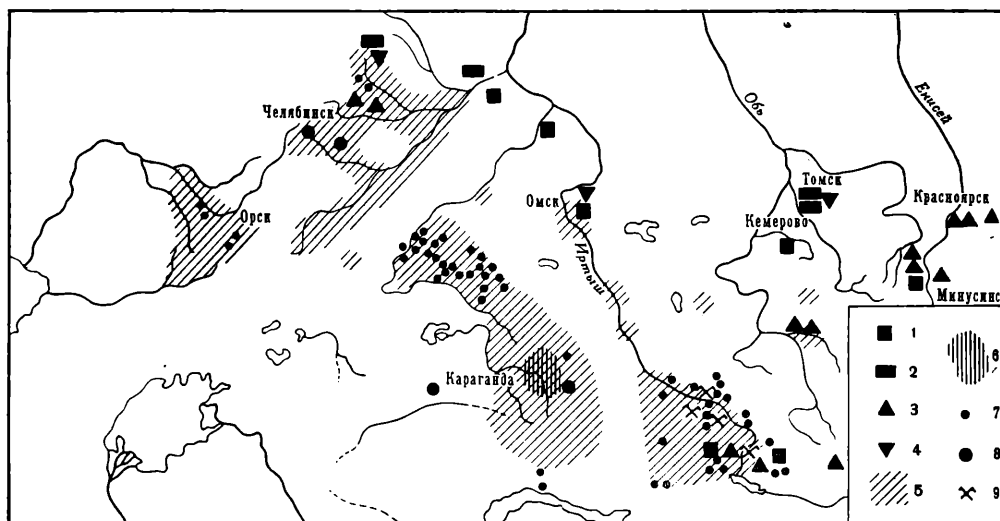

Рис. 18. Схема распространения кельтов, керамики и рудных месторождений

1 — безшюковые кельты; 2 — литейные формы безшюковых кельтов; 3 — кельты с ушками; 4 — литейные формы кельтов с ушками; 5 — территория распространения керамики алакульского типа; 6 — территория распространения ребристой керамики; 7 — древние медные рудники; 8 — скопления древних медных рудников; 9 — древние оловянные рудники

тацию, аналогичную керамической. При этом в западных областях распространения алакульской керамики, где ромбические фигуры могут воспроизводиться на одном сосуде многократно (многоярусно), то же явление наблюдается и на кельтах.

Особенно наглядно вывleяется стилистическое единство западной (бассейн верхнего и среднего течения Иртыша) группы кельтов, связанных с керамикой с ребристым и уступчатым профилем при сравнении ее с восточной группой (бассейны верхней Оби и Енисея), где керамика указанных форм отсутствует.

В восточной группе — 10 экземпляров кельтов. К ним прибавляются литейные формы трех разновидностей кельтов (Самусь IV). В западной — 11 экземпляров и пять литейных форм из пяти пунктов. Процент безшюковых кельтов приблизительно одинаков для обоих районов. (5 — из 16 — для западной группы и 4 — из 13 — для восточной). Однако, если большая часть кельтов западных районов имеет пояс, заштрихованный лесенкой, у трети из них в наличии вертикальная цепочка ромбов и на большей половине применена упомянутая выше «попеременная» штриховка, то в восточной группе мы видим резкое ослабление всех этих характерных особенностей. Вертикальный ярус ромбов имеется лишь у двух разновидностей кельтов, пояс с вертикальной штриховкой — у трех. На двух экземплярах встречены совершенно необычные элементы. Речь идет о широкой вертикальной полосе, состоящей из нескольких параллельных непрерывных выпуклых линий. Этот мотив, судя по расположению на лицевой грани, заменяет здесь типичную композицию из ромбов. Видоизменяется трактовка вертикального пояса треугольников, боковые грани вовсе лишаются орнаментации треугольниками (единственным исключением является публикуемый кельт, у которого опоясывающий ряд треугольников идет сплошь, включая и боковые грани), меняются общий вид и штриховка каждого отдельного треугольника.

Однако особенно показательны существенные отличия кельтов Минусинской котловины в пропорциях, размерах и форме сечения от основного

характерного типа «сейминского» кельта. Орудия уменьшаются в размерах, корпус становится шире и короче, шестигранность выражается все менее отчетливо, сечение корпуса приближается к прямоугольному, втулки — к подквадратному.

Итак, строгое сохранение традиционной формы а, также набора основных элементов орнаментации, не претерпевающего никаких существенных изменений даже на поздних формах, отмечается лишь для западной прииртышской зоны. Стилистическим единством западной группы кельтов, связанных своей орнаментацией с керамикой с уступом и «ребристым профилем», подтверждается их происхождение с территории, занятой населением, изготовлявшим керамику указанного типа⁸, тем более, что ребристая керамика непосредственно связана с казахстанским очагом бронзовой культуры. Прямая связь между орнаментацией кельтов и алакульской керамикой («ребристой» и с «уступчатым плечом») и одинаковое развитие орнаментации на обеих категориях предметов позволяют говорить об определенных хронологических соответствиях между ними. Если кельты турбинского могильника датируются XVI—XV вв. до н. э.⁹, то кельты «казахстанского очага», так же как и связанная с ними «ребристая керамика», должны восходить к несколько более раннему времени.

Древнейшие формы кельтов сейминско-турбинского типа нам пока еще неизвестны. Все наличные экземпляры представляют собой изделия очень совершенных форм и наряду с другими металлическими предметами андроновской культуры свидетельствуют о чрезвычайно высокой стадии развития металлургии. Применение этих орудий могло быть крайне многообразно, тем более, что их поперечная насадка одинаково удобна для применения их в качестве тесел и мотыг. Последнее употребление подтверждается следами лезвий на стенках андроновских могильных ям.

⁸ Отсутствие орудий в андроновских могилах обусловлено спецификой погребального обряда, исключавшей помещение в могиле бытовых орудий.

⁹ О. Н. Б а д е р. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 166.

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. В. ГРИГОРЬЕВА

НОВАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА КОКОРЕВО VI НА Р. ЕНИСЕЙ

Стоянка Кокорево VI, открытая в 1961 г.¹, исследовалась в течение 1961 и 1962 гг. Она расположена на левом берегу р. Енисей, против совхоза «Овцевод», в 1 км ниже Киперного Лога (Кокорево IV). На галечной отмели на расстоянии 600—700 м вдоль берега были рассеяны многочисленные находки расщепленного кремня. На высоте 3—4 м над уровнем Енисея с помощью шурфов-зачисток в суглинке коричневато-серого и коричневого цвета был обнаружен культурный слой, простиравшийся по берегу на протяжении 56 м. Толщина культурного слоя во всех зачистках достигала 0,8—0,9 м. В зачистке № 2 прослеживалась следующая стратиграфия: 1) дерновый покров и почвенный слой — 0—0,10—0,35 м; 2) коричневатосерый суглинок, коричневатые прослойки залегали линзами, с культурным слоем стоянки — 0,10—0,35—1—1,55 м; 3) коричневый, более темный суглинок с красноватым оттенком вклинивался языками в вышележащий слой — 1—1,55—1,20—1,80 м; в нем продолжался культурный слой; 4) бурый суглинок (тонкая прослойка, переходящая в западины) — 1,20—1,80—1,55—2,20 м; 5) светло-серый суглинок — 1,55—2,20—1,60—2,35 м; 6) красновато-серый суглинок — 1,60—2,35—1,70—2,50 м; 7) красноватый суглинок, переходящий в глину, — 1,70—2,50—1,90—2,75 м; 8) прослойки суглинка, чередовавшиеся с прослойками глины. При этом наблюдалась сильная волнистость и изорванность слоев.

В 1961 г. геологи С. М. Цейтлин и Э. Р. Равский провели предварительное обследование памятника. Их зачистки были заложены по течению Енисея несколько ниже наших. В результате исследований геологи пришли к следующему заключению: «Над культурным слоем залегают погребенная почва; нарушенная солифлюкцией. Мерзлотными нарушениями захвачен и культурный слой. Поверхность террасы сформирована современными пойменными осадками и покрыта луговой почвой. Следует полагать, что здесь имеет место наложение пойменных осадков на аллювиальные накопления погрузившейся II надпойменной террасы р. Енисей. Вероятно, предопределенное тектоникой опускание аллювия II надпойменной террасы характерно для большей части Новоселовского «амфитеатра», а сходство строения Кокорево IV с разрезом стоянки Киперный Лог (Кокорево IV) позволило им считать эти памятники близкими по возрасту². При наших исследова-

¹ Стоянка Кокорево VI открыта членами палеолитического отряда Красноярской экспедиции С. М. Цейтлиным (Институт геологии АН СССР) и студентом В. В. Антоновым (училище им. Мухомовой).

² Заключение С. М. Цейтлина и Э. И. Равского, данное после обследования стоянки Кокорево VI.

ниях нам не удалось обнаружить отложений I надпойменной террасы, ибо делювиальные и аллювиальные наслоения составляли толщу в 2 м. Произвести дальнейшее углубление было невозможно из-за выступавшей воды. Таким образом, вопрос о залегании Кокорево VI требует дополнительного исследования.

В связи с большой мощностью культурного слоя и невозможностью оставления находок на местах разборка его производилась по штыкам. Разборка культурного слоя в зачистке № 1 показала:

1-й штык (глубина 1—1,40 м). Культурный слой представлял собой остатки костей и углей, рассеянных по всей площади; изредка попадались мелкие чешуйки кремня. В юго-восточной части шурфа встречены крупные обгорелые кости, угли, обломки лопаток и ребер.

2-й штык (глубина 1,40—1,60 м). В северной части зачистки наблюдались небольшие скопления костей; в центре вместе с кремнями найдена челюсть северного оленя.

3-й штык (глубина 1,60—1,75 м). В северо-восточной, южной и юго-западной частях шурфа прослежены полосы скопления костей и кремней. Именно в этом штыке найдено наибольшее количество кремней.

4-й штык (глубина 1,70—2 м). На юго-западном участке встречено небольшое скопление угольков, отдельные обгорелые кости, кремни почти отсутствовали. Аналогичный по составу культурный слой, но значительно беднее насыщенный находками, дала зачистка № 3. Во всех шурфах-зачистках четкой границы культурного слоя не прослеживалось.

Фауна, по определению Н. М. Ермоловой, представлена на стоянке северным оленем, лошадью и зубром.

Многочисленный и разнообразный кремневый инвентарь составляет выразительные серии орудий. В общей сложности находки из культурного слоя и подъемный материал дали 5000 кремней. Инвентарь зачистки № 1 состоит из 96 кремней, среди которых четыре скребла (овальное и три из отщепов с рабочим краем по длинной стороне), пластинка с противоположной ретушью, пять пластинок, 85 отщепов и осколков без вторичной обработки. Инвентарь зачистки № 3 насчитывает 30 кремней, из них две пластинки, три отщепа с ретушью и 25 отщепов и осколков.

Большой подъемный материал состоит из 3067 отщепов и осколков, 219 пластинок, из них 100 пластинок правильной призматической формы от 1 до 10 см длиной. Разнообразными типами представлены нуклеусы (145 экз.) (рис. 19, 7, 8, 11, 13). Среди них выделяются дисковидные (8 экз.), призматические (199 экз.), разновидностью которых являются «кубовидные» нуклеусы, конусовидные (4 экз.) и микролитические, так называемые нуклеусы-скребки «сибирского типа» (34 экз.), односторонние нуклеусы и с негативами сколов по узким краям, характерные для неолитических памятников Сибири. Все формы нуклеусов находят соответствующие формы заготовок в виде галек (30 экз.), имеющих от двух до пяти сколов. Отдельные заготовки служили отбойниками, а плоские гальки использовались как наковальни, на что указывают следы от работы — выбоины.

Самую многочисленную группу орудий составляют скребла (314 экз.) (рис. 19 3, 5, 6, 9, 10, 12, 14), частью изготовленные из отщепов и осколков галек, сохранивших галечную поверхность, а частью из пластинок. Есть и орудия с подтеской на нижней поверхности. Однако скребла следует различать не только по формам заготовок, но и по форме рабочего края. Среди них наибольшую серию составляют овальные скребла (210 экз.), затем с прямыми (25 экз.) и вогнутыми (15 экз.) рабочими краями, двойные скребла имеют одну выпуклую, другую вогнутую стороны или одну выпуклую, другую прямую (20 экз.). Кроме того, много обломков орудий. К числу скребущих орудий следует причислить отщепы и осколки с ретушью по краям (70 экз.). Разновидностью скребел являются и орудия удлиненной листовидной формы. Из тонких отщепов и пластинок изготов-

лены комбинированные орудия (11 экз.), края которых оформлены тонкой приостряющей ретушью. Различные по форме, они могли использоваться в качестве скребел и ножей, о чем свидетельствует тонкое и тщательно отретушированное лезвие (рис. 20, 11).

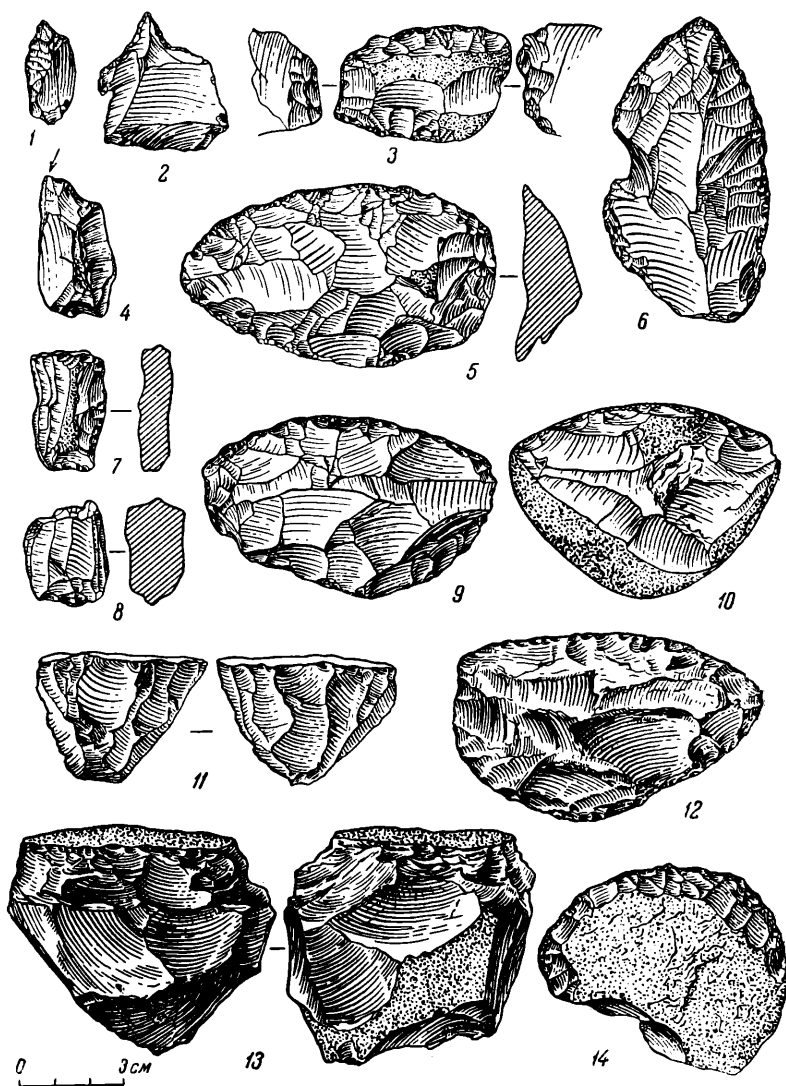

Рис. 19. Кремневые орудия. Кокорево VI:

1, 2 — проколки; 3, 5, 6, 9, 10, 12, 14 — скребла; 4 — резец; 7, 8, 11, 13 — нуклеусы

Значительную группу орудий составляют скребки (75 экз.) (рис. 20, 5—7, 8), причем крупные изготовлены на отщепов и осколков, а микро-скребки, двойные концевые и округлые по форме — из мелких отщепов, реже из пластинок.

Орудия с подтеской представлены 33 экземплярами, среди них необходимо различать с двухсторонней подтеской по обоим концам и сторонам, с односторонней подтеской обоих концов и с подтеской одного конца (рис. 20, 9, 10). Наряду с другими орудиями обнаружено восемь проколов с четко выделенными рабочими краями (жальцами) (рис. 19, 1, 2). Резцов имеется только четыре, из них один срединный и три боковых (рис. 19, 4). Все

они изготовлены из отщепов. Среди боковых резцов один атипичный и маловыразительный.

Необходимо отметить также серию чопперовидных орудий (48 экз.) в различных стадиях изготовления: от заготовок с двумя-тремя сколами, как

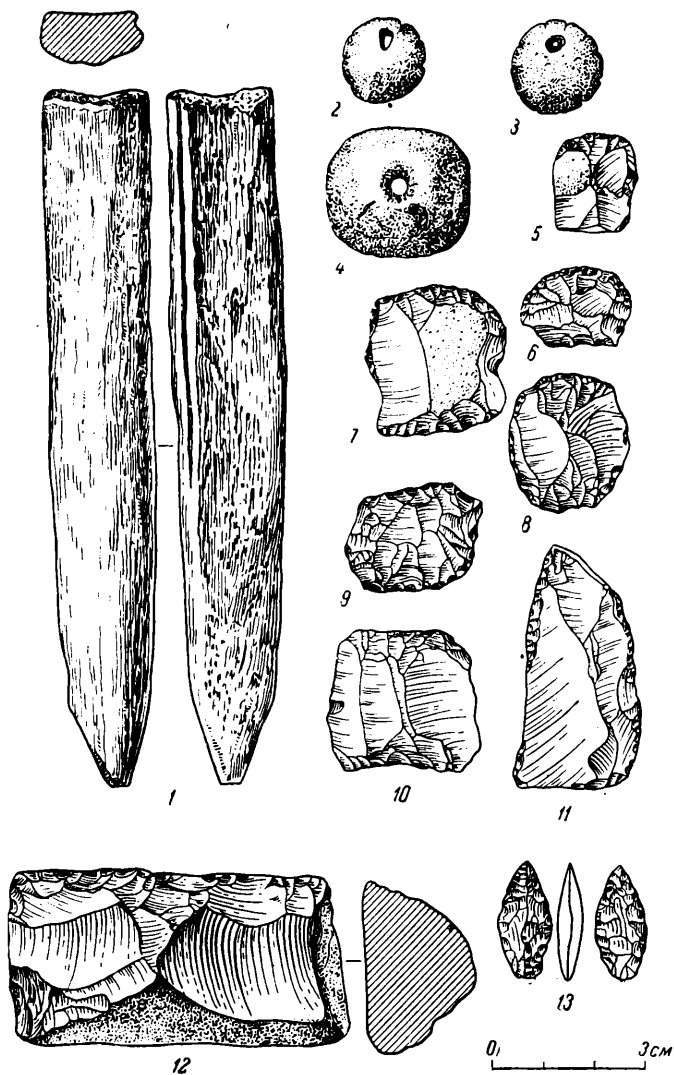

Рис. 20. Находки со стоянки Кокорево VI:

1 — наконечник; 2—4 — подвески; 5—8 — скребки; 9, 10 — орудия с подвеской концов;
11 — нож; 12, 13 — неолитический комплекс — скребло и стрелка

правило, на конце до орудий с ретушированным рабочим краем. Расположение лезвий по отношению к нижней поверхности различно, в одних случаях они образуют прямой угол, в других — острый. У ряда галек сколы имеются на обоих концах.

Вместе с описанными типами орудий на стоянке Кокорево VI встречены отдельные экземпляры, отличные не только по форме, но и по технике изготовления. К ним относятся, в частности, наконечник стрелы листовидной формы с двусторонней ретушью, с едва заметным, но уже выделенным черешком (рис. 20, 13). Подобные экземпляры известны в неолитических слоях Бирусинской стоянки. Кроме наконечника, выделяются два

массивных скребла подтреугольной листовидной формы, нуклеусы со сколами по узким краям и скребла с двухсторонней обработкой (рис. 19, 12). Все эти орудия по форме и технике обработки характерны для сибирских неолитических памятников. Выделение вышеуказанных находок из всего кремневого инвентаря позволяет поставить вопрос о наличии на стоянке Кокорево VI двух комплексов: палеолитического и неолитического, но неолитический слой шурфами-зачистками не обнаружен. Очевидно, он размыт.

Костяные изделия представлены на стоянке тремя заготовками наконечников (рис. 20, 1). Из украшений следует отметить три подвески: две из уплощенных галек розового цвета с отверстиями и орнаментом в виде нарезок по краю и массивная подвеска биконической формы с отверстием по середине (рис. 20, 2—4).

Ближайшей аналогией материалу Кокорево VI является инвентарь из Афонтовой Горы (нижний слой), кроме того, основные типы орудий имеются и в других кокоревских стоянках. Геологический возраст стоянки был определен второй половиной зырянского оледенения, но моложе каргинского межледниковья. Сопоставляя материалы стоянок верхнего палеолита р. Енисей как с более ранними, так и с более поздними, можно с уверенностью сказать, что здесь была единая культурная область с однородной по своему составу каменной индустрией, которая постепенно совершенствовалась с развитием техники, но типы и формы орудий изменялись очень медленно.

Э. А. АБРАМОВА

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ДРУЖИНИХА
НА ЕНИСЕЕ

Палеолит Енисея имеет продолжительную, 80-летнюю историю исследования, но изучение его происходило спорадически как во времени, так и в пространстве.

Наиболее исследованными оказались ближайшие окрестности г. Красноярска и отрезок долины Енисея в 200—250 км южнее Красноярска. Поэтому особый интерес вызывает новая, самая северная из всех известных в настоящее время в Красноярском крае, стоянка Дружиниха, расположенная в 100 км ниже известнейшего палеолитического поселения на Енисее Афонтова Гора.

Стоянка Дружиниха была открыта в 1959 г. геологом В. А. Зубаковым, произведшим на ней небольшие раскопки¹. Добытый в процессе раскопок археологический материал был любезно передан В. А. Зубаковым автору настоящего сообщения. На стоянке затем работали геологи С. А. Архипов и А. И. Лаврентьев, также передавшие свои сборы в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. И, наконец, во время работ на Енисее в 1961 и 1962 гг. автору удалось посетить стоянку, сделать дополнительные наблюдения, сборы и произвести зачистку обнажения с целью установления глубины залегания, толщины и протяженности культурного слоя.

Стоянка находится на левом берегу Енисея, недалеко от дер. Береговая Таскина, в месте, где речка Дружиниха, прорезая высокую террасу, выходит в пойму Енисея. Культурный слой прослеживается с двух сторон узкого мыса-останца III надпойменной («березовской», по В. А. Зубакову) террасы Енисея: с одной стороны, в естественном высоком обнажении левого берега Дружинихи, а с другой стороны, в борту дороги, ведущей из дер. Юксеево в дер. Береговая Таскина.

Обрез дороги находится в 60—80 м от оконечности мыса; таким образом, можно считать, что стоянка занимала очень большую площадь, примерно 400—500 кв. м.

Полный разрез террасы дан в статье В. А. Зубакова. Приведем наиболее интересный для нас разрез только верхней части естественного обнаже-

¹ В. А. Зубаков. Новая палеолитическая стоянка в долине р. Енисей. Информационный сборник ВСЕГЕИ, № 52. Материалы по четвертичной геологии и геоморфологии. Л., 1962, стр. 113—120.

ния на речке Дружиниха, дополненный наблюдениями С. А. Архипова и нашими:

1. Чернозем с растительным слоем 0,3—0,4 м
2. Супесь лессовидная, буровато-коричневая, светлеющая в нижних горизонтах слоя 0,65—0,70 м
3. В этой супеси на глубине 15—20 см от нижней границы чернозема начинают встречаться культурные остатки в виде отдельных костей животных и многочисленных каменных отбросов производства с небольшим процентом орудий. Наиболее насыщена культурными остатками средняя часть супеси, в нижней ее части отщепы и обломки костей встречаются редко. Культурный слой по цвету и структуре не отличается от слоя супеси, в котором залегают; можно лишь отметить разницу в уровнях самых верхних и самых нижних находок 0,20—0,25 м
4. Переслаивание тонких слоев суглинка и песка: суглинки серовато-бурого цвета, толщиной 10—15 см, пески желтовато-бурые с углистыми примазками толщиной 4—5 см. В нижней части горизонтальная слоистость нарушается, иногда слои падают под большим углом 4—4,5 м
Общая мощность свиты 4—4,5 м

Ниже залегают пески и галечники до материка.

Фауна, собранная в культурном слое В. А. Зубаковым, была определена Э. А. Вангенгейм: северный олень, дикая лошадь, мамонт. Сборы 1961—1962 гг. определены Н. М. Ермоловой: большое количество костей северного оленя, отдельные кости мамонта и лошади.

Наблюдавший культурный слой на довольно значительной площади В. А. Зубаков отмечает, что содержание культурных остатков неравномерное, видимо, они залежали линзами. Им были встречены в слое крупные валуны зеленоватого кремнистого сланца со следами сколов, валуны кварцитовидного песчаника со следами огня, а также остатки очагов в виде золистых линз.

Мы располагаем в настоящее время значительным количеством каменного инвентаря: как нашими находками, происходящими из культурного слоя, так и материалом из сбросов В. А. Зубакова и С. А. Архипова, происхождение которого нельзя точно установить. Однако однородный облик всего материала и наличие только одного культурного слоя в обнажении позволяют с уверенностью сказать, что вся коллекция может рассматриваться как единый комплекс. Сырьем для изготовления орудий служили гальки различных пород, главным образом кремнистого сланца. Наряду с массой отбросов производства — отщепов и осколков — собраны нуклеусы и их обломки, удлиненные пластины, часто без вторичной обработки, но со следами работы и, наконец, единичные орудия, изготовленные преимущественно из пластин. Пластины и пластинчатые отщепы являются самым характерным элементом инвентаря. Здесь различаются мелкие призматические, но не совсем правильной огранки пластинки и их сечения (рис. 21, 1, 2), сечения более крупных пластин, трехгранные, и трапециевидные в поперечном сечении и, наконец, длинные, чаще всего узкие пластины, обычно правильной огранки, характерным образом которых служит пластина из культурного слоя, изображенная на рис. 21, 11.

Нуклеусы могут быть подразделены на три различных типа: дисковидные, призматические и клиновидные. Примером дисковидных нуклеусов может служить нуклеус, представленный на рис. 21, 14. Он изготовлен из гальки кремнистого сланца зеленовато-серого цвета и имеет форму почти правильного диска с линзовидным сечением. На одной стороне сколы производились по окружности к центру, на другой — сколы также сначала производились по краю, а затем один из краев, более прямой, был превращен в ударную площадку, и сколы стали производиться в одном направлении, как на призматическом нуклеусе. Имеется также несколько нуклеусов, по форме переходных от дисковидных к призматическим.

Призматические нуклеусы представлены во всех стадиях обработки, начиная от продолговатых галек, расколотых пополам, со следами одного или

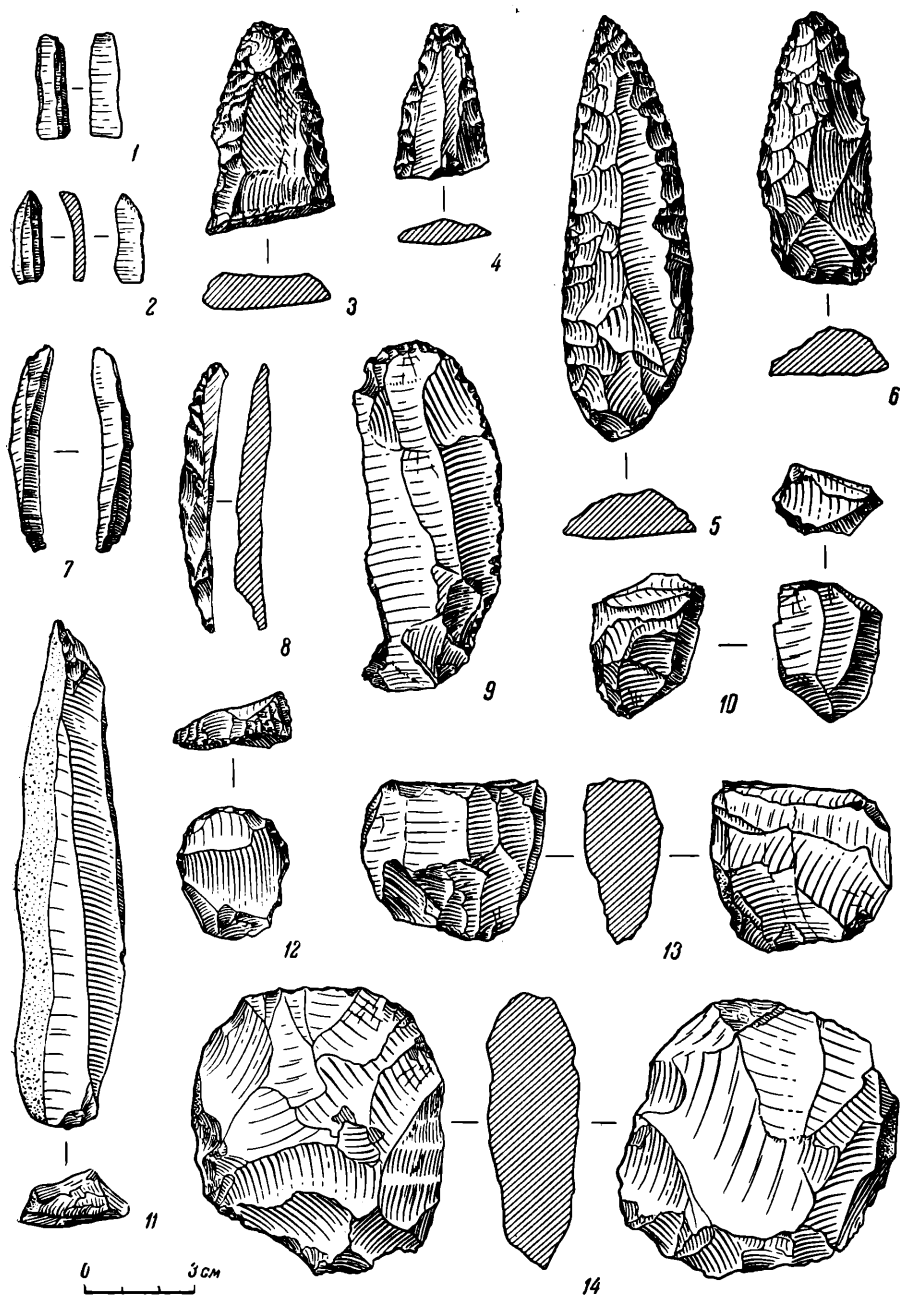

Рис. 21. Каменный инвентарь из стоянки Дружиниха:

- 1, 2 — пластинки; 3, 4 — обломки остроконечников; 5, 6 — остроконечники; 7 — краевой отщепок реза; 8 — обломок рабочего края орудия; 9 — нож-скребок; 10, 13, 14 — нуклеусы; 11 — крупная пластина; 12 — скребок

нескольких продольных сколов, кончая мелкими сработанными нуклеусами с хорошо подправленной ударной площадкой (рис. 21, 10).

Некоторые нуклеусы могут быть отнесены к клиновидным, хотя на стоянке не встречено ни одного так называемого нуклеуса-скребка. Характерным в этой серии является нуклеус, изображенный на рис. 21, 13. Он изготовлен из зеленого лидита, уплощен, имеет прямую, едва скошенную ударную площадку и следы сколов на одной стороне довольно широких и коротких призматических пластинок. Противоположная сторона имеет следы сколов, расположенных в поперечном направлении.

Орудий относительно небольшое число и они не богаты количеством форм. В серии представлены остроконечники, заслуживающие более подробного описания. Целый остроконечник, происходящий из культурного слоя, изготовлен из удлиненной пластины зеленого кремнистого сланца, треугольной в сечении. Пластина асимметрична, ударная площадка ее скошена, острие и продольные края обработаны тщательной ретушью. Плоскость откола оставлена без обработки (рис. 21, 5). К тому же типу относятся два обломка остроконечников, но со сработанными остриями. Один из них изготовлен из тонкой трехгранной в сечении пластинки (рис. 21, 4), другой из значительно более толстой, трапециевидной в сечении, с тщательной крутой ретушью по краям. Любопытно наличие на одном из краев резцового скола (рис. 21, 3). Попутно следует заметить, что на стоянке имеются краевые отщепки резцов довольно больших размеров (рис. 21, 7).

Из культурного слоя происходит еще один остроконечник, асимметричной формы из темно-серого кварцита. В центре сечение его трехгранное, а основание скошено и уплощено. Это орудие обработано также и с внутренней поверхности — широкими поперечными сколами. Один край его закруглен и образует скребловидное лезвие. Таким образом, это орудие, по форме напоминающее наконечник, могло выполнять функции скребла (рис. 21, 6).

Удлиненная пластина с ретушью по одному из длинных краев и на закругленном конце, противоположном ударной площадке, могла применяться в качестве скребла или ножа, о чем свидетельствует ее длина и уплощенность (рис. 21, 9). Обломанный рабочий край мог принадлежать подобному орудью (рис. 21, 8).

Найдено несколько скребков, округлых по форме, довольно толстых, обработанных крутой ретушью. Таков, например, скребок, изготовленный из сколотой с нуклеуса ударной площадки (рис. 21, 12).

Небольшое число орудий, так же как и отсутствие костяных изделий, не допускает точного сопоставления этого материала с инвентарем других палеолитических стоянок Енисея. Однако по общему облику инвентаря можно утверждать, что стоянка Дружиниха может быть включена в круг памятников типа нижнего горизонта Афонтовой Горы II и, возможно, она несколько древнее их. О последнем говорит не только отсутствие мелких форм орудий — округлых миниатюрных скребков, проколов из тонких отщепов, пластинок с ретушью и прочих, что может быть случайным, но и общая грубость инвентаря и определенная архаичность пластин, леваллуаских по технике, а также то обстоятельство, что именно пластины были основным видом заготовок. Характерно полное отсутствие крупных скребел из массивных галек с полулунным рабочим краем, столь обычных для сибирского палеолита более поздней ступени. Инвентарь Дружинихи, с другой стороны, находит определенные соответствия с каменным инвентарем Усть-Канской пещеры², несомненно включающим не один комплекс. Мало выработанная форма клиновидных нуклеусов, напоминающих подобные изделия из наиболее ранних ангарских стоянок Мальты и Бурети, как и пол-

² С. И. Руденко. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка. МИА, № 79, 1960, стр. 104—125.

ное отсутствие миниатюрных призматических пластинок, также могут свидетельствовать о том, что стоянка Дружиниха может считаться одной из самых ранних на Енисее.

В то же время состав инвентаря стоянки показывает ее принадлежность к енисейской палеолитической культуре, сохраняющей своеобразие и в более позднее время.

Вопрос о предшествующей верхнему палеолиту мустьерской культуре на Енисее, как и во всей Восточной Сибири, остается открытым. Единственное упоминание В. И. Громова мустьерских находок в Ланковом логу у дер. Кубеково³ не подтвердилось последними исследованиями. В 1961—1962 гг. мы вместе с Э. А. Вангенгейм и Н. М. Ермоловой детально осматривали Ланков лог. В русле лога собраны кости различных животных без каких-либо следов человеческой деятельности, а в суглинке левого борта лога у его устья под дерновым слоем было найдено несколько отщепов позднепалеолитического облика. Видимо, существовавшая здесь когда-то стоянка, в составе инвентаря которой, как это свойственно верхнему палеолиту Енисея, находились и так называемые изделия мустьерского облика, в том числе и «мустьерский остроконечник», о котором пишет В. И. Громов, была размыта. Из этой стоянки происходит, по всей вероятности, и типичный для палеолита Енисея роговой наконечник с пазом, хранящийся в Красноярском музее.

Что касается геологической датировки стоянки Дружиниха, то, по мнению В. А. Зубакова, она может быть отнесена ко времени последнего зырянского оледенения Сибири. С. А. Архипов уточняет эту датировку началом зырянского оледенения. Э. И. Равский и С. М. Цейтлин, напротив, помещают Дружиниху в самые верхи сартанского оледенения. Это разнообразие геологических датировок свидетельствует о том, что выработка археологической периодизации палеолита Енисея — первостепенная задача, стоящая перед исследователями.

³ В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Млекопитающие, палеолит. Труды Ин-та геологических наук, вып. 64, 1948, стр. 361.

Н. Д. ПРАСЛОВ

РАБОТЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ПРИАЗОВЬЕ
И НА КУБАНИ в 1963 г.

Летом 1963 г. под руководством автора археологическая группа¹ провела работы по изучению палеолитических памятников на территории северо-восточного Приазовья и Прикубанья. Сосредоточение работ в указанных районах обусловлено особым интересом, который приобретает эта территория в связи с проблемой первоначального заселения Восточной Европы и последующих связей Кавказа с Русской равниной. Работы велись западнее г. Таганрога на побережье Миусского лимана в Приазовье, у станции Ильской и в районе г. Хадыженска на Кубани.

Новые палеолитические материалы получены в Приазовье.

Небольшие раскопочные работы проведены на Герасимовском мустьерском местонахождении², откуда отдельные находки были известны с 1959 г. Оно расположено на левом берегу Миусского лимана у с. Герасимовка, примерно в 12 км северо-западнее г. Таганрога. Двумя зачистками, сделанными вдоль берегового обрыва невысокой оползневой террасы, подмываемой лиманом, установлено, что культурные остатки мустьерского времени приурочены к погребенному почвенному горизонту, сильно смятому в настоящее время какими-то древними оползневыми процессами. Этими оползневыми процессами, наблюдающимися на довольно значительных участках побережья Миусского лимана и Таганрогского залива, сформированы неширокие терраски, полностью закрывающие аллювий высоких древних террас, в частности IV надпойменной (или бакинско-чаудинской), обнажающейся у с. Герасимовка.

Фаунистические остатки и отдельные обработанные кремни в Герасимовке встречены в погребенной почве и, по-видимому, *in situ*, так как погребенная почва и заключающие ее суглинки сброшены оползнями в виде крупных прислоненных друг к другу монолитов. В будущем вполне возможно увязать культурный слой с коренными отложениями четвертичной террасы.

Несколько северо-восточнее Герасимовского местонахождения, у с. Дорогановка, обнаружено новое мустьерское местонахождение, давшее левалуазский кремневый нуклеус и несколько архаичных отщепов. Это местонахождение интересно тем, что здесь в обнажении встречен вулканический пе-

¹ В состав группы входили А. К. Филиппов, В. Е. Щелинский, Ю. С. Колесников, Л. В. Поповская, Е. А. Проценко, Г. Д. Богданова и временно Р. В. Шатова.

² П. И. Борисковский и Н. Д. Праслов. Палеолитические памятники бассейна Днепра и Приазовья. САИ, А 1—5, 1964, см. № 7.

пел и в суглинке ниже пепла найден кремневый отщеп с подправленной ударной площадкой, указывающий на то, что мустьерские находки этого местонахождения никак не моложе вулканического пепла, а это очень важно для стратиграфии палеолита, так как вулканический пепел широко распространен на Русской равнине³.

Отдельные пункты находок мустьерского времени зафиксированы еще выше по течению лимана у сел. Греческие Роты и Вечность.

Из новых мустьерских находок в северо-восточном Приазовье следует еще отметить двуплощадочный леваллуазский нуклеус, найденный *in situ* Н. А. Лебедевой на поверхности погребенного почвенного горизонта у хут. Боково на левом берегу устья р. Сухой Еланчик. Эта находка важна в геологическом отношении, так как погребенная почва, откуда извлечен нуклеус, перекрыта суглинками с вулканическим пеплом.

Позднепалеолитические памятники залегают стратиграфически значительно выше. В этом отношении интересна Мураловская позднепалеолитическая стоянка, открытая в этом году на правом берегу Миусского лимана у хут. Мураловка близ большого с. Носово.

Культурный слой Мураловской стоянки, представленный осколками костей лошади, зубра, оленя, отдельными угольками и расщепленным и обработанным кремнем, залегают четким горизонтом в светло-бурых позднечетвертичных суглинках на глубине до 1,8 м от современной поверхности. Из каменных изделий наиболее характерны миниатюрные кремневые вкладыши, аналогичные найденным на Амвросиевской стоянке⁴. Возможно, Мураловская стоянка, расположенная в одном бассейне с Амвросиевской стоянкой, и относится к этой же позднепалеолитической культуре.

Не менее значительные результаты получены при работах на Кубани и, в частности, при раскопках Ильской стоянки.

В одной из статей⁵ В. А. Городцов указывал на то, что Ильская стоянка представлена не одним культурным слоем, и выделил три культурных горизонта, связанных с разными геологическими слоями. Наиболее древний, солотрейский, по В. А. Городцову, приурочен к погребенной почве рисс-вюрмского времени. Два более поздних слоя залегают в вышележащих вюрмских желто-бурых и светло-серых суглинках. Большинство советских археологов не согласилось с датировками В. А. Городцовым Ильской стоянки и заодно не приняли во внимание указания на ее многослойность. В результате, материалы из разных слоев рассматривались как единый комплекс. Так, мне кажется, возникла новая точка зрения о позднемустьерском возрасте Ильской стоянки, ставшая господствующей, несмотря на решительные возражения С. Н. Замятнина, всегда отстаивавшего более древний ее возраст⁶.

Наш раскоп 1963 г. площадью около 35 кв. м, заложенной между II траншеей В. А. Городцова 1937 г. и основным раскопом С. Н. Замятнина, позволил установить, что Ильская стоянка действительно не представляет единого комплекса. Возникает вопрос: почему С. Н. Замятнин писал лишь об одном культурном слое? По-видимому, дело в том, что культурные остатки верхнего слоя распространены не по всей площади стоянки. Они сосредоточены у тыльной части террасы, где копал в 1937 г. В. А. Городцов. Раскопы же С. Н. Замятнина расположены значительно ниже по склону террасы к р. Иль, где верхняя часть отложений, слагающих террасу,

³ М. Н. Грищенко. Материалы к характеристике условий залегания и возраста вулканических пеплов четвертичной толщи юга Русской платформы. Труды Воронежского гос. ун-та, т. XXII, 1951.

⁴ П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, стр. 360.

⁵ В. А. Городцов. Ильская палеолитическая стоянка по раскопкам 1937 г. Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 6—7, 1941.

⁶ С. Н. Замятнин. Сталинградская палеолитическая стоянка. КСИА, вып. 82. 1961, стр. 17.

уничтожена последующими эрозионными процессами и поэтому С. Н. Замятин писал о том, что культурный слой (основной культурный слой, как мы его называем) вместе с погребенной почвой, в которой он лежит, выходит почти на дневную поверхность⁷. В раскопе 1963 г. зафиксировано почти горизонтальное положение погребенной почвы (падение ее в сторону реки не превышает 1—2°), что дает возможность представить разрезы, полученные С. Н. Замятиным.

На вскрытом нами участке верхний культурный слой залегает на глубине от 2 до 3 м от современной поверхности в серо-зеленоватой плотной мозаичной глине. В разрезе культурный слой совершенно не выделяется; он зафиксирован многочисленными находками обработанного камня и редкими костями ископаемых животных. Наиболее насыщен находками слой толщиной около 40 см; нижняя граница его проходит на глубине около 3 м от поверхности. Среди обработанных и расщепленных первобытным человеком пород камня резко преобладает кремнистый доломит чокракского яруса. Естественные выходы его расположены рядом. Значительно меньше встречено изделий из кремня, яшмы, лидита и других горных пород.

Основная часть собранной коллекции представлена заготовками и отбросами производства: отщепами, пластинами, нуклеусами и т. д. Техника расщепления камня характеризуется леваллуазскими чертами, наиболее заметными на заготовках и нуклеусах.

Орудий со вторичной обработкой мало. По облику они имеют аналогии в таких леваллуазских памятниках, как Ахштырская пещера, и других аналогичных ей памятниках Кавказа. Из сказанного очевидно, что вопрос о позднепалеолитическом возрасте Ильской стоянки (описанный слой у В. А. Городцова датирован мадленом!) отпадает.

Нижний культурный слой, связанный с погребенной почвой, залегал на глубине около 4 м и вскрыт на значительно меньшей площади. Он дал большое количество фаунистических остатков и сравнительно мало обработанного камня, приближающегося по своему облику к коллекции из основного слоя раскопок С. Н. Замятина и В. А. Городцова.

Значительный интерес представляет и установление второй новой палеолитической стоянки открытого типа на Северном Кавказе. Эта стоянка обнаружена близ г. Хадыженска, по имени которого она и названа «хадыженской». Как местонахождение отдельных обработанных камней этот пункт был открыт студентом Ростовского университета В. Е. Щелинским в феврале 1963 г. Однако собранный тогда материал не позволил сделать каких-либо определенных выводов. В августе 1963 г. во время работ на Ильской мы вместе с В. Е. Щелинским посетили окрестности Хадыженска и собрали здесь весьма выразительную коллекцию обработанного камня, насчитывающую около 250 предметов. Находки были сосредоточены на сравнительно ограниченном участке у тыльной части II надпойменной (?) террасы (12—15-метровой), в 0,5 км выше устья на правом берегу р. Мутнянки, впадающей в р. Хадажку у г. Хадыженска. Находки не имеют следов окатанности и, как мне кажется, попали на поверхность благодаря прокладке нефтепровода и закладке в 30-е годы нескольких геологических шурфов. По технике расщепления и вторичной обработке материалы Хадыженской стоянки отличаются от материалов Ильской стоянки. Раскопки этого памятника могут представить огромный интерес, тем более, что культурный слой, по-видимому, хорошо увязывается с историей речной долины.

⁷ S. N. Z a m i a t n i n e. Station moustérienne à Ilskaia, prov. Kouban (Caucase du Nord), Revue anthrop., 1929, p. 282—295.

И. И. КОРОБКОВ

НОВАЯ НАХОДКА РУЧНОГО РУБИЛА НА ЯШТУХЕ

В процессе обследования Яштухского палеолитического местонахождения, расположенного близ г. Сухуми, в 1963 г. обнаружено ручное рубило, являющееся одним из самых совершенных орудий такого типа, известных в этом районе. Оно было найдено в сел. Свобода (Тависуплеба) на поверхности табачного поля, расположенного ниже дороги, ведущей от шоссе по направлению к селениям Верхний и Нижний Яштух. Как известно, Яштухское местонахождение, открытое в 1934 г. С. Н. Замятниным, явилось первым в Советском Союзе древнепалеолитическим памятником. Оно и сейчас, при наличии целого ряда стратиграфически четких стоянок первобытного человека, не потеряло своего значения, несмотря на то, что содержит исключительно подъемный материал. Яштух занимает наиболее значительное место в группе памятников Черноморского побережья Кавказа, представляющих собой культурную общность своеобразной технической традиции, несколько иной, чем у индустрий Центрального Кавказа и Закавказья. Своеобразие ее заключается, в частности, в том, что здесь очень редки ручные рубила. Со времени открытия Яштуха и по настоящий момент из всех пунктов находок на Черноморском побережье Кавказа известно только около двух десятков орудий, являющихся ручными рубилами в собственном смысле этого слова. Функционально их заменяют здесь грубые рубящие орудия из расколотых валунов и кусков кремня, не имеющие законченной формы. Нехарактерность ручных рубил для данного района особенно бросается в глаза, если вспомнить, что только на одном Сатани-Даре в Армении найдено 300 рубил, а общее их количество со всех местонахождений Центрального Кавказа и Закавказья приближается к 400. Указанное различие было замечено исследователями уже давно, но объяснялось ими по-разному. С. Н. Замятнин и М. Э. Паничкина считали его показателем различий в хозяйстве племен, населявших эти районы, а А. А. Формозов видел в этом отражение генетически различных производственных традиций, исторически сложившихся у населения прибрежных и центральных районов Кавказа¹. Весьма возможно, что и та и другая точки зрения справедливы, а лежащие в их основе явления — взаимосвязаны. Это подтверждает и еще одна особенность прибрежной группы памятников: отсутствие повторяемости приемов в изготовлении бифасов. Напротив, серийность форм орудий, указывающая на стабильность и упорядоченность хозяйства у людей, их изготовлявших, чрезвычайно характерна для местонахождений

¹ А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.—Л., 1959, стр. 26—30.

центральных районов Кавказа, где серии ручных рубил насчитывают десятки экземпляров. Отсутствие серийности, которое указывает на невыработанный, менее сложившийся тип хозяйства, сближает прибрежные районы с Северным Кавказом (зона левых притоков реки Кубани²) и характеризует этот круг памятников со стороны экономики их населения. Однако отсутствие повторяющихся, типологически четко выраженных форм ручных рубил затрудняет характеристику техники в отдельных памятниках и иногда приводит к сближению разнородных в техническом отношении групп их, нивелирует разницу между крупными регионами.

В связи с этим особенно интересно рассмотреть технические особенности найденного в 1963 г. орудия. Оно имеет клиновидную форму, сильно сужающееся к концу, уплощенное в сечении лезвие (угол острия в фас — 45°, в профиль — 20°). Верхняя половина орудия в отличие от нижней гораздо более тонка. Максимальные размеры рубила 18,5 × 11 см. Материалом для изготовления его послужил расколотый желвак серо-коричневого яштухского кремня. В продольном сечении орудие имеет контуры ладьи; наиболее утяжеленную, приподнятую «кормовую» часть этой «ладьи» составляет пятка. Сходство с ладьей придает орудию разницу в оформлении плоскостей. Более выпуклая плоскость (сторона Б) оформлена параллельными пластинчатыми сколами, направленными от сходящихся краев рубила несколько наискось к его осевой линии. В результате такой системы обработки наиболее крупные негативы сколов располагаются у пятки; по направлению к острию рубила они симметрично по обоим краям орудия уменьшаются в размерах. Сходящиеся у осевой линии края негативов образуют как бы «киль» ладьи. Один из краев пяточной части, по-видимому, сильно выступавший, обит вертикальными сколами; это придает пятке закругленные очертания и еще большее сходство с кормой ладьи. Другая плоскость рубила (сторона А) оформлена менее правильными неглубокими как бы выглаживающими сколами. Эта сторона получилась плоской и ровной; она напоминает повышающуюся к корме палубу судна с несколько выгнутыми бортами. С этой стороны на пятке имеется очень интересная деталь: удлиненный выступ размерами 4 × 1,5 см с корочным покрытием, специально оставленный для упора и захвата пальцем. Вокруг него валунная корка намеренно сбита таким образом, чтобы выступ несколько возвышался над остальной плоскостью рубила и последняя не мешала бы более прочному захвату пятки рукой. Подобная деталь впервые отмечается у такого рода орудий. Края рубила обработаны мелкими сколами, выравнивающими лезвие и выпрямляющими его край. Один из краев, более прямой, обработан по всей длине, второй имеет подправку в верхней части; при этом обработка краев велась с противоположных сторон. Эта интересная техническая деталь указывает на применение принципа противоположащей ретуши также и в отношении ручных рубил.

Общий облик рубила и результаты измерения его (рис. 22) позволяют сделать ряд вполне определенных выводов относительно датировки орудия и принадлежности его к тому или иному типу индустрии. По характеру рабочей части и, по-видимому, функционально это орудие полностью совпадает с ланцетовидными рубилами. Полным аналогом его является рубило из Бют де ля Жюстис³, которое датируется верхним ашемом. Много общего у нашего орудия, особенно в концевой части, и с рубилами типа Микок Франции⁴, главным образом — с верхнеашельскими. Правда, ни один из французских экземпляров не обладает такой массивной пяткой, как яштухское рубило. По-видимому, массивное основание с корочным покрытием

² А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.—Л., 1963, стр. 29.

³ F. Bordes. Typologie du paleolithique ancien et moyen. Publication de l'Institut de Prehistoire de l'Université de Bordeaux. Mem. 1, Bordeaux, 1961, pl. 50, 1.

⁴ Там же, табл. 50—52.

надо считать чисто местной яштухской особенностью. Она характерна для ряда рубящих орудий и нуклеусов как Яштуха, так и других прибрежных памятников Кавказа. По массивности основания к нему близки рубила из Яштуха⁵, Гварда⁶ и Ачигвар⁷. Орудия этого типа встречаются на всем

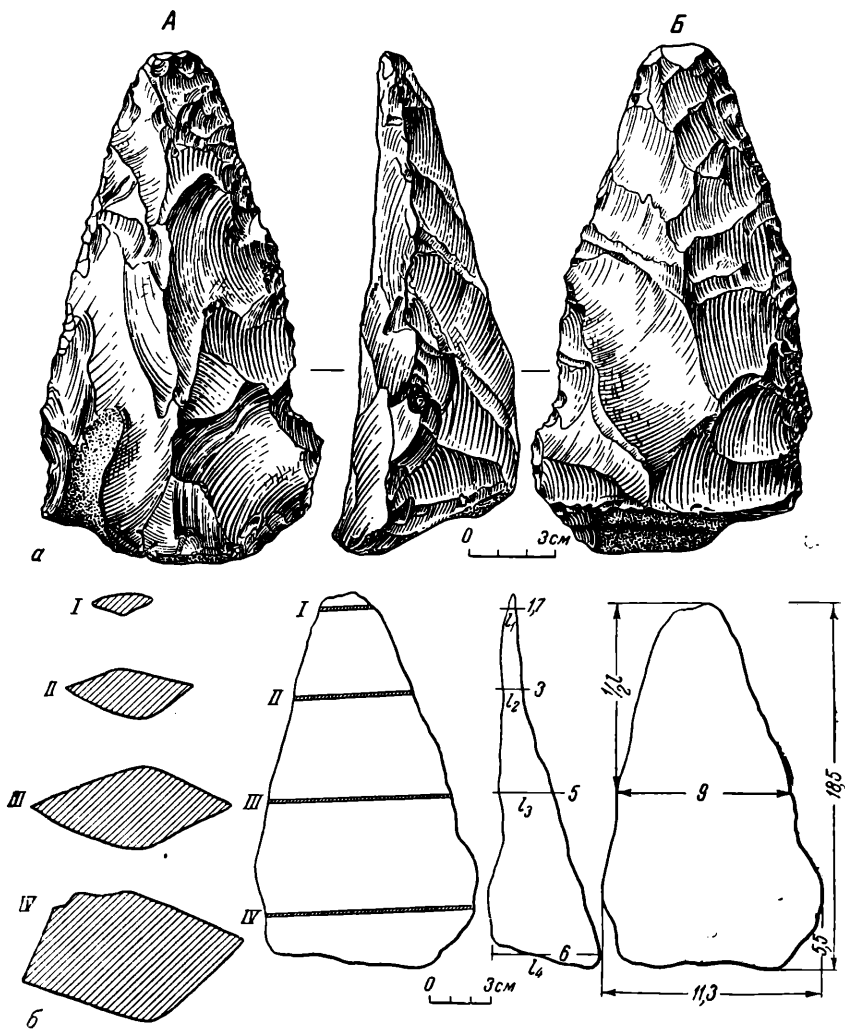

Рис. 22. Общий вид рубила (а) и результаты измерения (б)

Ближнем Востоке в едином комплексе с рубилами, подобным нашему, и датируются исследователями верхним ашелем⁸. Видимо, такого же типа и рубило с Яштуха, хранящееся в Музее Грузии и датируемое Н. Э. Бердзенишвили эпохой шелля. По характеру обработки лезвия наш экземпляр сходен с Яштухским № 5359—19⁹, рубилом из Гали¹⁰, а также, по-видимому,

⁵ С. Н. З а м я т н и н. Очерки по палеолиту. М.—Л., 1961, табл. 10.

⁶ Там же, табл. XXVIII.

⁷ Там же, табл. XXXIX, 1.

⁸ G. Caton-Thompson. Kharga Oasis in Prehistory. London, 1952, pl. 49. 47, сравнить с табл. 45.

⁹ С. Н. З а м я т н и н. Указ. соч., табл. XIV—XV.

¹⁰ Там же, табл. XXXIX, 2.

с рубилом типа Микок, найденным экспедицией Музея Грузии в 1959 г.¹¹ Все же вышеперечисленные экземпляры не имеют с нашим рубилом единой типологической формы, хотя в хронологическом отношении все группируются вокруг него. В техническом же отношении они принадлежат леваллуазской фации ашеля. Рубила этой фации представлены на всем Ближнем Востоке и, в частности, в оазисе Харга, с материалом которого у Яштуха большое сходство. О позднеашельском возрасте нашего рубила свидетельствует и сильная дифференциация углов заострения лезвия в верхней и нижней частях предмета (45—70°). Рубила раннего возраста гораздо стабильнее в этих цифрах.

Несколько слов надо сказать и о стратиграфическом значении находки 1963 г. Дорога и поле, на котором было найдено рубило, расположены на краю пятой (80—100 м) яштухской террасы, там, где она довольно круто спускается к руслу ручья, образующего восточный приток р. Западной Сухумки. Орудие было обнаружено лишь при повторном осмотре поля после прошедших бурных дождей, следовательно, оно было вымыто из почвы недавно. Большая патинизация верхней части, несколько поврежденные конец и левый край его говорят о непотревоженном залегании в почве в вертикально-наклонном положении в течение долгого времени. Это позволяет предположить возможность залегания материала в аллювии данной террасы *in situ* или по крайней мере в условиях лишь небольшого переотложения, что уже отмечалось геологами¹². На том же поле собрана значительная коллекция в целом одновременного материала, имеющего прекрасную сохранность. Коллекция включает такие превосходные в типологическом отношении вещи, как массивные пластинчатые отщепы, леваллуазские пластины с параллельными краями и подправленными иногда изогнутыми площадками, леваллуазские нуклеусы (в том числе начальный треугольный нуклеус). Все эти предметы не только не противоречат, но и несомненно поддерживают общую датировку находок верхнеашельским возрастом. Все вышесказанное позволяет основной комплекс находок на пятой террасе Яштуха датировать верхнеашельским временем.

¹¹ П. У. Аутлев. Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. Майкоп, 1963, стр. 43.

¹² В. И. Громов. Итоги изучения геологических условий нахождения палеолита на Кавказе и его значение для четвертичной стратиграфии. БКИЧП, № 6—7, 1940, стр. 93—97.

Л. В. КОЛЬЦОВ

БУТОВСКАЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА

В 1961 г. автором была вторично обследована открытая в 1956 г. на левом берегу Волги стоянка у дер. Бутово Калининского района Калининской области.

Волга здесь неширока. Левый берег сформирован хорошо выраженными уступами террас, правый террасирован слабее. Ширина долины — около 2 км. Пойма реки (4—6 м над уровнем воды) сложена из коричневатобурых суглинков, перекрытых местами тонкими прослойками серых супесей. Выше прослеживается первая надпойменная терраса, слогающаяся в основном из песков, имеющая высоту 10—12 м над уровнем Волги. Эта терраса местами размыта, и поэтому уступ следующей второй надпойменной террасы (высотой 18—22 м) непосредственно спускается к пойме. Эта вторая терраса сверху также несет песчаные отложения, подстилаемые суглинками, с валунами (вероятно, моренного характера).

В 400 м к северо-востоку от дер. Бутово параллельно берегу Волги на первой надпойменной террасе располагаются три невысокие (до 1,5 м высотой) с плоскими вершинами дюны. Все три дюны имеют до 250—300 м в длину и около 40 м в ширину. Дюна, наиболее удаленная от Волги, совершенно развееяна и поэтому буквально усеяна кремнем, среди которого много предметов, подвергавшихся обработке. Две другие дюны сохранились довольно хорошо и почти целиком задернованы. Коллекция, собранная здесь, в значительной мере происходит с разрушенной дюны.

В 1956—1961 гг. нами на Бутовской стоянке был собран подъемный материал и определена стратиграфия памятника (по зачистке южной части средней дюны).

1. Современный почвенный песчаный слой пепельно-серого цвета	до 0,05 м
2. Песок легкий, светло-серый	» 0,43 »
3. Песок светло-желтый, очень рыхлый	» 0,82 »
4. Песок темно-серый, местами почти черный	» 0,92 »
5. Песок розовато-серый	» 1,10 »
6. Посок желтый, сильно ожелезненный	» 1,50 »

В современной почве и верхней части слоя 2 попадались отдельные фрагменты славянской круговой керамики. Культурные остатки каменного века залежали в нижней части темно-серого песка (слой 4) и в верхней части розовато-серого песка (слой 5). Аналогичная стратиграфия была прослежена и по другим зачисткам.

Коллекция эпохи мезолита, собранная с дюн у дер. Бутово, состоит из 602 кремневых предметов. Материалом для изготовления орудий служил

меловой лиловато-розоватый кремнь, который при патинизации становится голубоватым, и валунный пестрый кремнь. Месторождения мелового кремня находятся в 35 км от памятника, в районе г. Старицы.

В числе находок — 65 орудий: наконечник стрелы на ножевидной пластинке и два обломка таких же наконечников, 16 резцов, 22 скребла, три скобеля, три острия, 18 ретушированных ножевидных пластин. Кроме того, около 30 ножевидных пластинок, не несущих вторичной обработки, имеют следы работы в виде заполированности и выщербин. На ножевидных пластинках изготовлено 63,6% всех орудий; это свидетельствует о том, что основной заготовкой для орудий служили именно ножевидные пластины.

Наконечник стрелы на пластинке изготовлен из мелового кремня. Спинка пластинки обработана крутой ретушью на острие наконечника, что придает ему несколько асимметричную форму. Черешковая часть наконечника обработана с брюшка плоской ретушью (рис. 23, 12).

Два других наконечника представлены обломками черешков, которые также оформлены плоской отжимной ретушью. Спинка пластинки у обоих обломков оставлена без обработки.

Резцы, собранные на стоянке, можно подразделить на два типа: боковые (9 экз.) и на углу сломанной пластинки (7 экз.). Большинство резцов изготовлено на ножевидных пластинках. Преобладают в коллекции боковые резцы. Они архаичного облика, обычно с подработкой ретушью края пластины или отщепе у резцового скола.

Один из боковых резцов изготовлен на отщепе из лиловато-розоватого кремня. Отщеп сильно патинизирован. Он имеет узкий длинный резцовый скол с левой стороны. У верхней части этого скола со спинки мелкой крутой притупляющей ретушью образована правильная дугообразная выемка (рис. 23, 13).

Второй резец такого же типа — на массивной длинной пластине из коричневого валунного кремня. На спинке пластины сохранились следы от нескольких грубых больших сколов. Резцовый скол нанесен с правой стороны пластины, на одном из ее углов. Конец пластины у резцового скола обработан крутой ретушью. По краям пластины имеются мелкие зазубрины и легкая залощенность. Может быть, ее использовали не только в качестве резца (рис. 23, 16).

Третий резец этого типа изготовлен на обломке массивной пластины коричневого кремня. Орудие двойное. С одного из концов пластины со стороны брюшка нанесен длинный резцовый скол. Этот же конец со спинки обработан крутой ретушью, которая образует выемку. Вторым сколом нанесен с другого (сломанного) конца пластины (по диагонали от первого). Противоположный от этого скола край пластины обработан со спинки крутой ретушью (рис. 23, 15). Остальные боковые резцы аналогичны.

Все резцы на углу сломанной пластинки однотипны. Они изготавливались на ножевидных пластинках различных размеров (рис. 23, 5, 14). Среди них имеются двойные орудия, а один резец имеет даже три резцовых скола. Одно из этих орудий скорее относится к категории микрорезцов: миниатюрный скол также нанесен на углу пластинки (рис. 23, 14).

Очень интересно орудие, изготовленное на обломке ножевидной пластинки мелового кремня. По функции своей оно тоже, очевидно, относится к группе резцов. Однако оно изготовлено другой техникой. Место резцового скола обработано у этой пластинки крутой ретушью с брюшка, образующей небольшую выемку. Края пластинки со спинки обработаны мелкой затупливающей ретушью. Аналогичные орудия встречены нами в нижнем (мезолитическом) слое стоянки Коприно¹ (рис. 23, 4).

¹ Л. В. Кольцов. Стоянка Коприно на Верхней Волге. Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, стр. 14—15.

Скребки Бутовской стоянки изготовлены на ножевидных пластинках, их обломках, на отщепках и осколках. Для всех них характерен прямой или округлый рабочий край, обработанный крутой скребковой ретушью.

Эту группу орудий можно подразделить на три типа: концевые скребки (6 экз.), мелкие округлые скребочки (12 экз.) и скребки высокой формы (4 экз.). Концевые скребки (рис. 23, 6, 8) все изготовлены на ножевидных

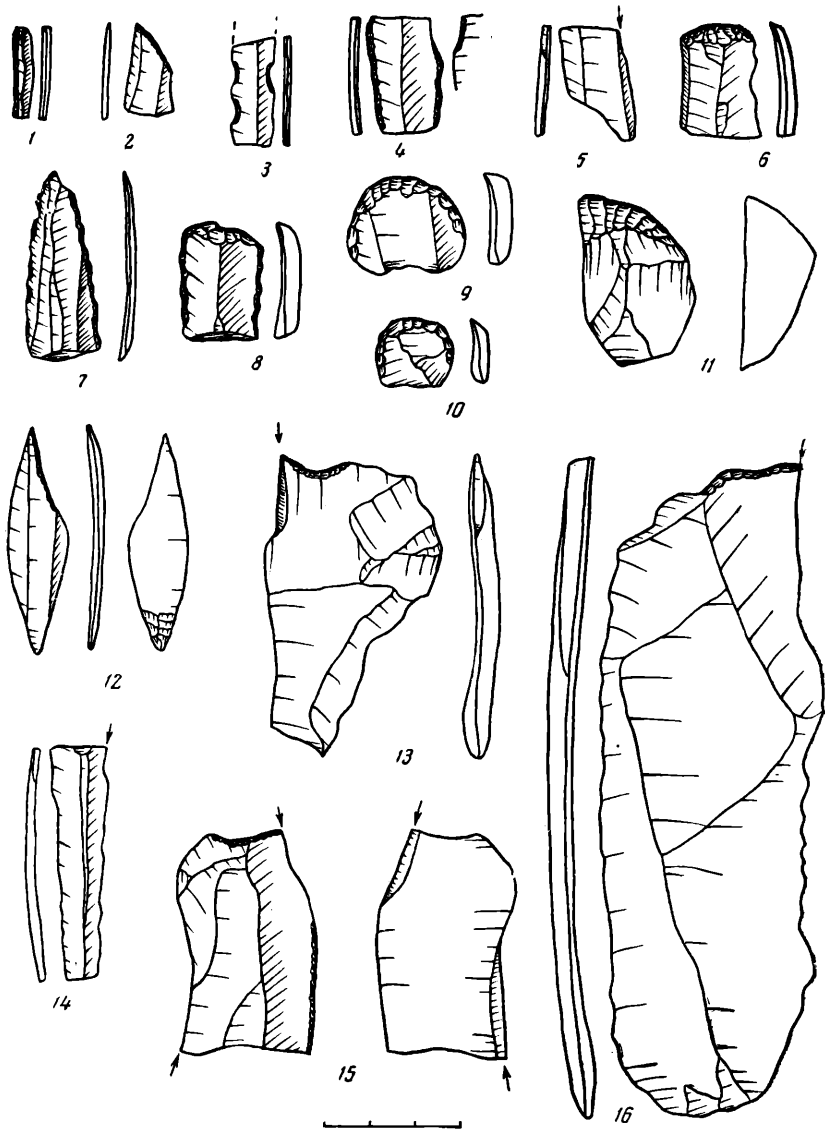

Рис. 23. Кремневый инвентарь с Бутовской стоянки:

1 — ножевидная пластинка с затупленным краем; 2, 7 — остря; 3 — скобель; 4 — пластинка с выемкой; 5, 13—16 — резацы; 6, 8—11 — скребки; 12 — наконечник стрелы

пластинках или их обломках. Рабочий край обработан крутой ретушью, иногда с очень длинными фасетками. Края пластин обычно оставлены без обработки, но одно орудие несет крутую ретушь на краях пластины, так что конец пластины, противоположный рабочему краю, заострен. Такая форма орудия роднит его с верхнепалеолитическими скребками. Округлые скре-

бочки на небольших отщепях обработаны крутой мелкой ретушью (рис. 23, 9, 10). Эта ретушь распространяется на значительную часть окружности отщепа, порой охватывая его почти целиком. Скребки высокой формы (очень архаичный тип орудия) изготовлены на кремневых осколках. Их рабочий край образован крутой длиннофасеточной ретушью (рис. 23, 11).

На Бутовских дюнах найдено еще несколько обломков ножевидных пластинок, один из концов которых закруглен, а на некоторых экземплярах на нем есть несколько фасеток скребковой ретуши. По-видимому, эта серия находок представляет собой заготовки для скребков.

Кроме перечисленных групп орудий, было найдено три острия. Два из них симметричные, одно из которых изготовлено на ножевидной пластинке из мелового кремня. При изготовлении орудия воспользовались тем, что пластинка была несколько сужена к одному концу, и заострили его крутой ретушью. Такой же ретушью обработаны и оба края пластинки вдоль всего орудия (рис. 23, 7). Третье острие представляет собой пластинку со скошенным ретушью концом. Ретушь крутая, мелкая. Аналогичные формы встречены во многих верхнепалеолитических стоянках (рис. 23, 2).

Характерной формой орудий является пластинка с выемками (рис. 23, 3). Эта категория каменных изделий использовалась, по всей вероятности, в качестве скобелей. Выемки обычно оформлялись довольно плоской ретушью. Аналогичные формы орудий встречены в стоянке Гремячее на Оке².

В большом количестве в комплексе Бутовских дюн представлены ножевидные пластинки различных размеров с ретушью. Большинство из них имеет один затупленный край, при этом необработанный край несет обычно следы работы в виде выщербин и заполированности (рис. 23, 1). Есть пластинки, у которых один край затуплен крутой ретушью, а другой, чаще всего с брющка, обработан плоской, заостряющей край пластинки ретушью. Все эти поделки служили, видимо, вкладышами.

Таков кремневый комплекс Бутовских дюн. Ряд черт роднит его с инвентарем многих мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья. Наконечники стрел Бутовской стоянки имеют аналогии в таких хорошо датированных мезолитических стоянках Верхнего Поволжья, как нижний слой Копринской стоянки и стоянки у ручья Богоявление, открытой Д. А. Крайновым. Бокорезы и скребки высокой формы говорят о раннемезолитической дате памятника. Наконец, в инвентаре есть орудия, имеющие аналогии в стоянке Гремячее на Оке. Характерно также наличие ряда орудий, сделанных на отщепях и даже на осколках. Подобное явление мы наблюдаем в самом раннем мезолитическом комплексе Волго-Окского междуречья — нижнем слое стоянки Елин Бор³.

Тем не менее в инвентаре Бутовской стоянки есть признаки, не позволяющие синхронизировать ее с нижним слоем стоянки Елин Бор. Здесь уже появляются мелкие скребочки на отщепях, развивается вкладышевая техника, представлена микрорезцовая техника. Те же признаки характеризуют комплексы нижнего слоя Копринской стоянки, стоянки у р. Богоявление и других аналогичных им памятников. По-видимому, Бутовская стоянка и аналогичные ей памятники представляют второй этап в развитии мезолитической культуры Волго-Окского междуречья. Интересно также отметить, что в Верхнем Поволжье стоянка у дер. Бутово является самым западным мезолитическим памятником, что значительно расширяет наше представление о расселении человека мезолитической эпохи.

В радиусе 2 км от Бутовской стоянки найдено еще несколько местонахождений каменного века. На южной окраине дер. Жихарево, на первой

² М. В. Воеводский. Стоянка Гремячее. МИА, № 2, 1941, стр. 146—147.

³ Л. В. Кольцов. Новые раскопки стоянки Елин Бор. Проблемы мезолита СССР (в печати).

надпойменной террасе Волги, обнаружено местонахождение, относящееся к мезолитической эпохе. Техника обработки кремня, стратиграфия и геологическое положение памятника абсолютно аналогичны Бутовской стоянке. Два других местонахождения у с. Нестерова и дер. Якшино расположены на пойме Волги и отличаются от Бутовской стоянки техникой обработки кремня. В Нестеровском местонахождении найдено несколько малохарактерных обломков керамики. Эти два местонахождения относятся к неолитической эпохе.

На примере этого микрорайона видно, что памятники различного времени размещаются на разных по высоте террасах Волги. Памятники мезолитического возраста лежат на высокой (первой надпойменной) террасе высотой 10—12 м, неолитические стоянки — на пойме или высокой пойме. Аналогичное положение характерно и для других районов верхнего течения Волги. Поэтому нам представляется возможным датировать стоянки в верхнем течении Волги даже при небольшом количестве находок исходя из их залегания на той или иной террасе.

Г. Н. МАТЮШИН

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЯНГЕЛЬКА
НА ОЗЕРЕ ЧЕБАРКУЛЬ

На Южном Урале и в Зауралье при исследовании археологических памятников часто встречаются микролитические находки. Еще в дореволюционные годы в Семипалатинской области в нескольких пунктах были обнаружены изделия из ножевидных пластин¹. В последующие годы число таких пунктов увеличилось.

Мнения по поводу датировки микролитических материалов резко расходятся. Некоторые исследователи относят их к эпохе бронзы, другие — к неолиту, третьи считают их принадлежностью особой этнокультурной общности и т. д. Разногласия в большинстве случаев вызваны тем, что идентичные находки встречались либо в сочетании с неолитическими находками², либо вместе с материалами эпохи бронзы³.

В 1959—1962 гг. в Предуралье и в горных областях Южного Урала был выявлен ряд памятников с чистым микролитическим инвентарем⁴. Геологически эти памятники датированы периодом древнего голоцена эпохой мезолита⁵.

Однако на восточном склоне Южного Урала и в Зауралье, где находилась основная масса памятников со смешанным инвентарем, таких стоянок долгое время не удавалось обнаружить.

В 1961 г. впервые в Башкирском Зауралье удалось выявить большую группу памятников с кремневым инвентарем на озерах Суртанды, Чебаркуль, Банное, Сабакты, Карабылыкты, Улянды и других в Абзелиловском (ныне Баймакском) районе БАССР⁶. В июне 1962 г. были начаты раскоп-

¹ В. И. Каменский. Отчет о работе экспедиции, организованной В. В. Радловым на средства Русского комитета в Семипалатинской области. Музей антропологии и этнографии АН СССР в г. Ленинграде, инв. № 1726.

² Н. П. Кипарисова. Чебаркульская стоянка. КСИИМК, вып. 59, 1956.

³ К. В. Сальников. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья. КСИА, вып. 85, 1961; он же. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. Археология и этнография Башкирии, т. 1, Уфа, 1962.

⁴ Г. Н. Матюшин. Памятники каменного века на территории БАССР. Уфа, 1959; он же. Археологические исследования в окрестностях г. Уфы. Вопросы археологии Урала, вып. 2. Свердловск, 1962; он же. Стоянки с микролитическим инвентарем в Горной Башкирии. КСИА, вып. 97, 1964.

⁵ Г. Н. Матюшин. Следы мезолитических слоев на неолитических стоянках Южного Урала и Зауралья. Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, стр. 18—30.

⁶ Г. Н. Матюшин. Отчет о работе Зауральского отряда археологической экспедиции БГУ в 1961 г. Архив Института археологии АН СССР; он же. Новые неолитические памятники в Башкирии. КСИА, вып. 92; он же. К изучению мезолита и неолита в Башкирии. III Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Уфа, 1962, стр. 21—22.

ки некоторых из этих памятников и продолжена разведка на озерах Малые Учалы, Большие Учалы, Карагайлы и других в Учалинском (ныне Белорецком) районе БАССР, где были также выявлены стоянки мезолитического и неолитического облика⁷. Разведка 1963 г. на озерах Узун-куль, Чебачье, Карагайское, Калкан, раскопки и более углубленная разведка на озерах Суртанды, Чебаркуль, Карабалыкты и других позволила выявить новые памятники на всех этих озерах и уточнить характер выявленных здесь в 1961 г. стоянок.

Так, в результате раскопок 1963 г. впервые в Зауралье была исследована стоянка с чисто микролитическим инвентарем⁸. Стоянка находится на северном берегу оз. Чебаркуль⁹ в Баймакском районе БАССР. Расположена она на далеко выдающемся в озеро скалистом мысу правого коренного берега р. Янгельки, именем которой и названа. Высота мыса над уровнем озера 20 м.

Стоянка занимает небольшую ложбинку (площадью всего в 500—600 кв. м) между скалистым обрывом мыса и склоном возвышенности, окаймляющей стоянку с севера и северо-запада. Находки концентрируются в суглинке, лежащем под гумусом (толщина гумуса 15—20 см) до глубины 40—50 см, ниже суглинка находится скальное основание террасы (материк). В гумусе встречено девять очень мелких фрагментов керамики неолитического облика, несколько отщепов и три обломка двусторонне обработанных орудий (верхний культурный слой).

Инвентарь нижнего культурного слоя содержит 1471 предмет из камня¹⁰, среди которых 344 ножевидных пластины и изделия из них, 66 нуклеусов и их обломков, 147 в большинстве мелких отщепов и 742 чешуйки. Ножевидные пластины и нуклеусы составляют около 30% всего инвентаря и 73% от общей суммы отщепов и ножевидных пластин. Керамики и орудий с двусторонней обработкой в нижнем слое не было обнаружено.

Значительную часть микролитического инвентаря составляют (около 21%) орудия, пластины с ретушью или со следами использования.

Наиболее примечательными изделиями из ножевидных пластин являются трапеции (3 экз.). Все они имеют асимметричную форму и ретушь по боковым сторонам. Наиболее длинная сторона одной из них отретуширована по всей длине со стороны спинки крутой притупляющей ретушью. Другая сторона имеет аналогичную ретушь также по всей длине скошенного края, и кроме того, здесь со стороны спинки заметны следы незначительных сколов, как бы утончающих и выравнивающих центр пластинки (рис. 24, 1). Вторая трапеция имеет более высокую форму и несколько меньшие размеры. Она также асимметрична по форме и аналогична по характеру обработки первой (рис. 24, 2). Обе трапеции изготовлены из черного кремня. Трапеции асимметричных форм с аналогичной подработкой грани встречаются в остатках мезолитического слоя стоянки Чебаркуль I на оз. Еловом в Челябинской области¹¹, на стоянке Мурат¹² и других мезолитических памятниках Зауралья.

⁷ Памятники, исследуемые нами с 1961 г., в августе 1962 г. посетила Л. Я. Крижевская, которая, возможно, по недоразумению отнесла их к открытым ею в 1962 г. стоянкам (см. Л. Я. Крижевская. Новые данные по неолиту Южного Урала. КСИА, вып. 97, 1964, стр. (80—81).

⁸ Работы Башкирского (Учалинского) неолитического отряда Института археологии АН СССР в 1963 г. В составе отряда были И. И. Стефанова, М. И. Попов, Б. Д. Мишин и др.

⁹ Следует отличать от одноименного озера в Чебаркульском районе Челябинской области.

¹⁰ Исследование памятника не закончено.

¹¹ Г. Н. М а т ю ш и н. Следы мезолитических слоев на неолитических стоянках Южного Урала и Зауралья. Памятники Евразии, стр. 18—30.

¹² Раскопки 1963 г. Материал не опубликован. Хранится в Институте археологии АН СССР.

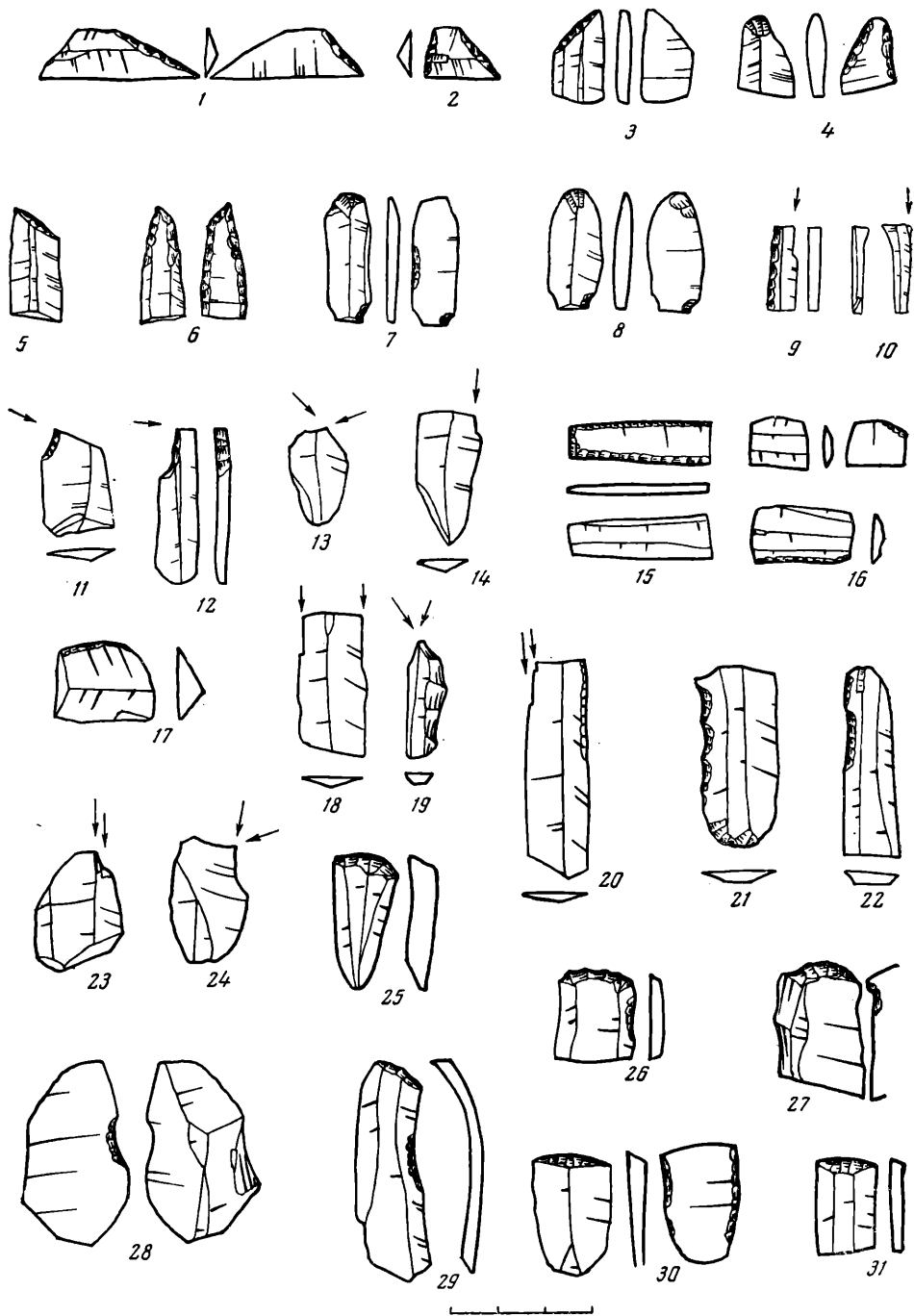

Рис. 24. Кремневый инвентарь стоянки Янгелька:

1—2 — трапеции; 3—5 — пластины со скошенным краем; 6—8 — остря; 9—14, 18—20, 23—24 — резцы; 21, 22, 28, 29 — пластины с выемками; 25, 31 — скребки; 15—17 — вкладыши

Другим весьма типичным для мезолитических памятников Южного Урала изделием являются пластины со скошенным краем (3 экз.). Две из них (черного и темно-серого кремня) по сути представляют собой также трапеции с ретушью только на одной из боковых сторон. Ретушь на скошенном крае очень крутая, типично мезолитическая — притупляющая (рис. 24, 3, 5). Такие пластины со скошенным краем (или трапеции с односторонней ретушью) весьма характерны для мезолитических памятников Южного Урала и Предуралья (Ильмурзино, Романовка II, Романовка III, Черкасово, Азонкинская, Акбута и др.) и Зауралья (Мурат, Чебаркуль I). Несколько видоизменяясь по характеру обработки, эти пластины доживают до неолита и встречаются иногда в инвентаре памятников раннего этапа неолита и кельтеминарской культуры¹³. Третья пластинка, помимо ретуши по скошенному краю, имеет еще и ретушированную выемку на прилегающей стороне (рис. 24, 4).

В инвентаре стоянки Янгелька представлены три острия из поделенных пластин. Одно из них обработано с обеих сторон: притупляющей ретушью с брюшка и приостряющей со спинки к концу пластинки (рис. 24, 6). Два других изготовлены из небольших ножевидных пластинок темно-серого и зеленовато-серого кремня. На сломанном конце обе пластины имеют небольшую крутую ретушь, нанесенную с одной стороны со спинки, с другой — с брюшка. С противоположного конца пластины заметны следы небольшой подработки, снимающей часть ударного бугорка и несколько утончающей конец пластинки (рис. 24, 7, 8).

Одной из наиболее многочисленных групп микролитических изделий являются резцы. Всего их 33 экземпляра. Из них пять микрорезцов с рабочей частью, образованной в центре сломанного конца пластинки с помощью ретушированной выемки. Выемки коротки и в большинстве своем неглубоки. Три микрорезца изготовлены из черного, один из темно-серого и один из серого кремня. Аналогичные микрорезцы имеются в инвентаре Азопкинской стоянки¹⁴ (рис. 24, 11, 12).

Большую часть резцов составляют орудия, изготовленные при помощи резцового скола с угла поделенной пластинки (22 экз.) (рис. 24, 9, 10, 13, 14, 18—20, 23—24). Основная масса их имеет небольшие размеры. Три резца изготовлены из пластин большего размера. Некоторые резцы имеют миниатюрные размеры. Один из них, помимо резцового скола, имеет еще с противоположной стороны крутую затупляющую ретушь (рис. 24, 9). У другого более крупного резца с противоположной от резцового скола стороны такая же ретушь идет до половины длины пластинки (рис. 24, 20). Основная масса резцов имеет сколы с одного угла пластинки и только один с двух (рис. 24, 10, 14, 18, 23).

Один из резцов выполнен на небольшой ребристой пластинке (рис. 24, 19). Резцов на отщепях и ребристых пластинах — шесть. Все они изготовлены на небольших отщепях, и большая часть на краевых сколах с нуклеусов (рис. 24, 13, 24).

Некоторую часть инвентаря стоянки Янгелька составляют пластины с выемками (13 экз.). Выемки неглубокие, нанесенные, как правило, с одной стороны пластинки по одной выемке. Только на одной пластинке число выемок доходит до трех, но и здесь они сосредоточены на одной стороне пластины (рис. 24, 21, 22, 28, 29). Десять пластинок из темно-серого и черного кремня, два из зеленовато-красной яшмы и одна из красной яшмы.

¹³ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, 1957, № 1; А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, 1949; он же. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

¹⁴ Г. Н. Матюшин. Стоянки с микролитическим инвентарем в горной Башкирии. КСИА, вып. 97.

Значительную часть инвентаря памятника составляют скребки (25 экз.). Все они концевые, 13 из них на ножевидных пластинках, восемь на продольных сколах с нуклеусов, два на ребристых пластинках и два на отщепках.

Первые изготовлены на коротких нешироких пластинках темно-зеленой яшмы, черного и темно-серого кремня. Рабочая часть скребков оформлена крутой ретушью на одном из концов пластинки. У некоторых экземпляров край скошен. В большинстве случаев его секущая перпендикулярна плоскости пластины. Шесть концевых скребков, помимо ретушированной рабочей части, имеют еще на боковых сторонах по одной небольшой выемке, что характерно для мезолитических стоянок Урала и нижних слоев пещеры Джебел¹⁵. Три скребка, кроме ретушированного рабочего края, имеют еще ретушь и по боковым сторонам. У одного скребка она нанесена со стороны брюшка с обеих сторон, у двух по одному краю частично. Большинство скребков имеет подпрямоугольную форму и только один удлиненно-заостренную (рис. 24, 25—31, рис. 25, 1—2, 4, 5, 6).

Вторая часть скребков изготовлена на массивных продольных сколах с нуклеусов. Все они ретушированы по рабочему краю. Один, кроме того, имеет еще на боковых сторонах ретушированные выемки. Кремнь преобладает черный и темно-серый (рис. 25, 5, 8, 9). Аналогичны и скребки на ребристых пластинках (рис. 25, 7).

Два скребка изготовлено из отщепов серого кремня. Один из них ретуширован вокруг всего скребка, второй с трех сторон. Оба они найдены на поверхности памятника и, возможно, не связаны с микролитическим инвентарем (рис. 25, 3, 10).

Преобладающую часть микролитического инвентаря стоянки составляют вкладыши и пластинки без ретуши. Всего их 327. Из них 14 с ретушью или зазубринами по краю. Три из них ретушированы по одному из концов пластинки и по лезвиям (рис. 24, 15). Аналогичные пластинчатые вкладыши с ретушью встречаются в инвентаре как предуральских, так и зауральских мезолитических памятников. Типичны они и для горных районов Южного Урала.

Остальные вкладыши представлены прямоугольными преднамеренно поделенными пластинками. Большинство их из черного кремня. Небольшая часть пластинок имеет ретушь по одному из лезвий, большинство же ретуши не имеет. Такое преобладание ножевидных пластинок в инвентаре мезолитических памятников весьма характерно. Впервые на него обратил внимание исследователей мезолитических памятников О. Н. Бадер¹⁶.

Среди инвентаря стоянки Янгелька имеется несколько изделий из отщепов (3 экз.): два пластинчатых отщепка с грубо обитым краем типа *pie`ces ecailliees* и одно массивное с ретушью типа *blok-scrapers*¹⁷. Первые более характерны для палеолитических памятников, последние — для инвентаря стоянки Голый Камень на Урале¹⁸ (рис. 25, 11).

Нуклеусов, обломков и сколов с них всего 66. Из них целых экземпляров 21. Все они имеют негативы от скалывания тонких, узких микролитических пластинок. Форма их разнообразна: часть имеют призматическую форму, другая часть — конусовидную, имеются предельно сработанные карандашевидные нуклеусы (рис. 25, 12). Встречаются и плоские односторонние нуклеусы. Все они почти идентичны нуклеусам мезолитических стоянок Южного Урала и Предуралья.

¹⁵ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. ЮТАКЭ, т. VII, 1956.

¹⁶ О. Н. Бадер. Стоянки Нижнеадишевская и Боровое озеро I, МИА, № 22, 1961.

¹⁷ С. А. Алтхен. The chronology of the Stone Age Settlement of Scania. Sweden, Lund, 1959.

¹⁸ В. М. Раушенбах. Мастерская каменных орудий на Голем Камне под Н. Тагиллом. СА, 1961, № 2.

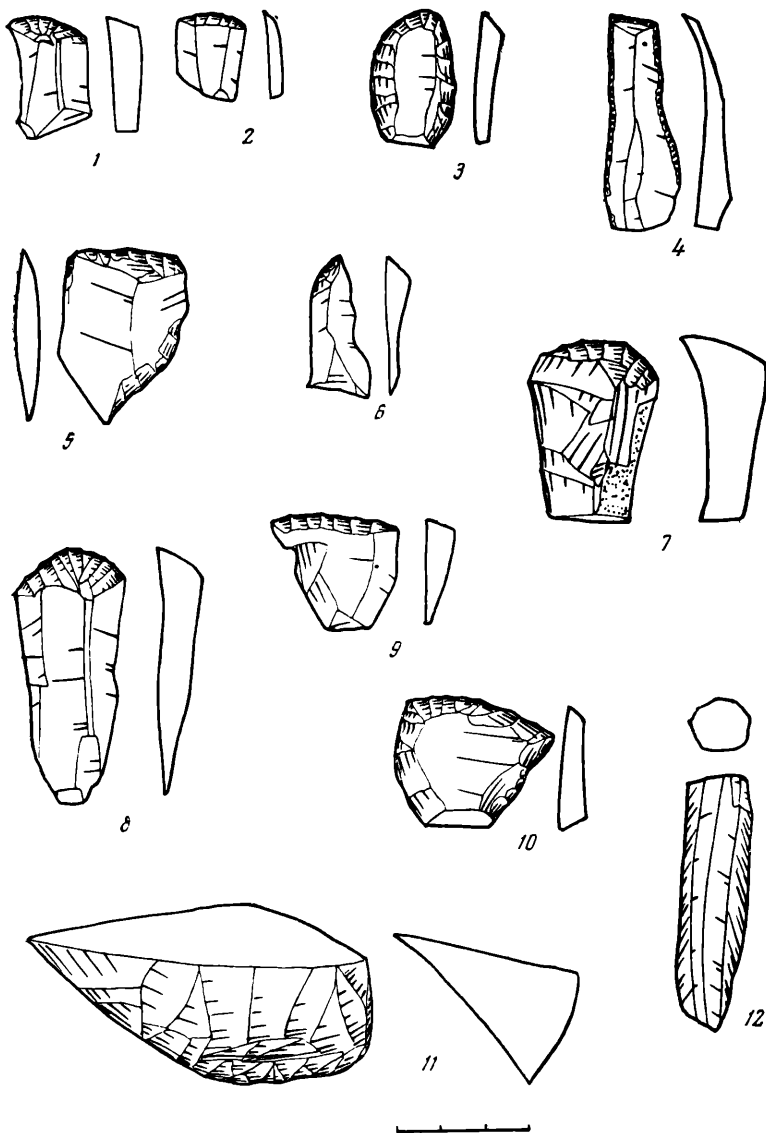

Рис. 25. Стоянка Янгелька:
Скребковидные орудия (1—11), ядро — (12)

В инвентаре стоянки Янгелька обращает на себя внимание резкое преобладание ножевидных пластин и изделий из них, составляющих 73% общей суммы отщепов и ножевидных пластин (исключая мельчайшие отщепы и чешуйки). Крупные отщепы вообще отсутствуют в инвентаре памятника. И их всего только семь экземпляров. Основная масса отщепов (882 из 889) представлена мелкими и мельчайшими отщепами и чешуйками. Резкое преобладание ножевидных пластин над отщепами, абсолютное господство мелких и мельчайших отщепов и чешуек характерно для инвентаря всех мезолитических памятников Урала (Ильмурзино, Романовка II, Романовка III, Акбута, Азопкино, Мурат, Чебаркуль I и др.), Прикамья¹⁹ и Средней Азии²⁰.

¹⁹ О. Н. Бадер. Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала. МИА, № 79, 1960.

²⁰ А. П. Окладников. Указ. соч.

Преобладание ножевидных пластин легко объяснимо характером микролитической техники — большинство орудий здесь изготовлялось с помощью ножевидных пластин — господствовала вкладышевая техника. Однако устойчивое преобладание мелких отщепов и чешуек никогда не подвергалось анализу. Между тем этнографические параллели говорят о том, что отщепы не только служили отбросами, но и сами по себе употреблялись без дополнительной обработки для изготовления орудий. Так, в Австралии до недавнего времени сохранялись орудия двух типов, нож-пила дабба (или таап) и «копье смерти». Оба они состояли из тонких необработанных неправильных форм острых осколков камня (позднее — стекла), прикрепленных посредством смолы к древку подобно зубьям пилы... В необработанных неправильных форм острых осколках легко можно усмотреть мелкие отщепы и чешуйки. «В один или два продольных паза на древке «копья смерти» вставлялись острые, но неретушированные осколки камня (кварца, кремня, а на западе Виктории — вулканического стекла) около 1 см длиной, которые затем укреплялись посредством смолы»²¹.

На основании этого можно предположить, что и мезолитическое население Урала могло использовать в качестве вкладышей не только ножевидные пластины, но и мельчайшие отщепы и чешуйки. Такое предположение объясняет их обязательное наличие в большом количестве в инвентаре всех мезолитических стоянок Урала.

Для инвентаря стоянки Янгелька также характерно наличие асимметричных трапеций, пластин со скошенным краем, микрорезцов на углу ножевидных пластин, пластин с короткими неширокими выемками, концевых скребков с выемкой, пластинчатых вкладышей и других микролитических изделий. В коллекции представлены орудия типа *pieces ecaillies* палеолитического облика.

В комплексе находок стоянки Янгелька значительную долю занимают орудия с резцовыми сколами. Они составляют около 40% всех орудий и пластин с ретушью. Такое преобладание весьма характерно для всех мезолитических памятников Урала и Приуралья. В большом количестве эти изделия встречаются в инвентаре стоянок Ильмурзино, Романовка II, Романовка III, Черкасово, Азопкино, Акбута, Чебаркуль I и Мурат. И наоборот, резцы, как правило, отсутствуют в инвентаре неолитических памятников Южного Урала²².

Характерно и наличие микрорезцов тарденуазского типа. Особенно четко они выражены в инвентаре стоянки Азопкино²³. Причем на Европейской части СССР изделия подобного типа пока не обнаружены. Нет их и к востоку от Урала. Единственные аналогии пока можно найти в памятниках мезолита Средней Азии, где подобные изделия встречаются²⁴.

Пластинки с выемками, найденные на стоянке Янгелька, имеют много общего с пластинками мезолитических памятников Урала и Приуралья (Ильмурзино, Романовка II, Азопкино и др.). Легко заметить отличие этих изделий от пластин с выемками, характерными для кельтеминарской культуры, и раннеолитических памятников Урала, где появляются более широкие выемки, расположенные, как правило, уже по обеим их сторонам в асимметричном порядке. Пластины с выемками стоянки Янгелька и всех мезолитических памятников Урала имеют очень короткие и неглубокие выемки, расположенные, как правило, по одной стороне.

²¹ В. Р. Кабо. Каменные орудия австралийцев. Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов. М.—Л., 1962, стр. 18—19

²² Г. Н. Матюшин. Памятники каменного века на территории БАССР, Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.

²³ Г. Н. Матюшин. Стоянки с микролитическим инвентарем...

²⁴ А. П. Окладников. Пещера Джебел; он же. Исследование памятников каменного века в Таджикистане. МИА, № 66, 1958, рис. 21, 8.

Типичны для мезолитических памятников Южного Урала и Предуралья и пластинчатые вкладыши, остря, скребки и т. п. Интересны скребки с выемками на боковых сторонах. Подобные орудия характерны только для VII—VIII слоев пещеры Джебел и памятников мезолита Урала.

Однако наряду с преобладанием черт, роднящих памятники мезолита Южного Урала и Предуралья, комплекс находок стоянки Янгелька имеет некоторые особенности, характерные только для зауральских мезолитических стоянок. Среди них следует отметить прежде всего асимметричные трапеции, встречающиеся только в Зауралье (Янгелька, Мурат, Чебаркуль I) и отсутствующие в горных и предуральских памятниках. Подобных трапеций нет ни к востоку, ни к западу от Урала; они встречаются лишь в нижних слоях пещеры Джебел и в более южных памятниках. Отличие наблюдается и в составе камня. Для Зауралья характерно господство черного кремня и цветных яшм, для Предуралья — светлого, известкового кремня.

Таким образом, стоянка Янгелька может быть отнесена к мезолитическим памятникам Зауралья. Подтверждением мезолитического возраста стоянки может служить геоморфологическое положение стоянки. Она занимает необычно высокое место, в то время как большинство выявленных здесь (около ста) неолитических поселений занимают террасы на высоте не более 5—6 м от уровня озера. Причем уровень озер, на которых расположены эти памятники, весьма устойчив, так как большая их часть соединена р. Янгелькой (озера Банное, Чебаркуль, Сабакты и др.). Следует обратить внимание, что стоянка Янгелька расположена на 20-метровом очень удаленном от современного русла реки берегу. В настоящее время р. Янгелька протекает в 1,5 км от правого коренного берега. Примерно на таком же расстоянии находится площадка памятника и от современного берега озера. Стоянки же неолитического времени, расположенные на озерах Зауралья, как правило, лежат у самой воды. Все это подводит к выводу о более раннем, в сравнении с неолитическими памятниками, возрасте стоянки Янгелька. Косвенно подтверждают это и относительно малые размеры площадки, на которой расположена стоянка.

Г. И. АНДРЕЕВ, Ю. М. ФОМИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ ПО СРЕДНЕМУ ТЕЧЕНИЮ Р. ПОДКАМЕННАЯ ТУНГУСКА

В начале 1963 г. в Отдел полевых исследований Института археологии АН СССР поступила большая и очень интересная коллекция каменных орудий с р. Подкаменная Тунгуска¹. Летом того же года мы совершили небольшую разведку по среднему течению Подкаменной Тунгуски (рис. 26), во время которой осмотрели поселения, известные по сборам прошлых лет (Байкит, Усть-Камо), проверили сообщение о наличии предметов древности в пос. Куюмба и произвели сборы на поселении Турама, до этого не известном.

В поселке Байкит и его окрестностях находки прослежены на протяжении более 3 км, причем не в виде равномерно разбросанных предметов, а скоплениями, или «гнездами», и чаще всего около ложков (овражков), по которым и до сих пор текут небольшие ручьи. Таких скоплений-«гнезд» в районе пос. Байкит обнаружено семь. Остановимся на наиболее интересных из них.

Отдельные орудия из камня начинают попадаться метрах в 250—300 от устья ручья Байкитик, но скопление их расположено между первым от ручья Байкитика (вверх по реке) домом и эстакадой (пункт № 1). Выше эстакады (в 40 м) — лог № 1.

Здесь между первым домом и логом собраны заготовки, обломки и целые экземпляры тесел, обломки ретушированных ножей, наконечники стрел треугольной формы с прямым основанием, концевые скребки на пластинах и отщепях с прямым и округлым рабочим краем, нуклеусы, пластины и отщепы и керамика.

Большинство орудий, как и орудия из сборов 1961—1962 гг., сделаны из ороговикованных пород и значительно меньше — из долеритов, песчаников и других пород камня. Керамика, найденная в пункте № 1, очень своеобразна. Венчики сосудов утолщены. Днищ не найдено. Орнамент в виде примыкающих треугольников выполнен отступающей лопаточкой (рис. 27). По предварительным данным, эти материалы относятся к концу III — первой половине II тыс. до н. э.

В 300 м от первого² расположен второй лог, по дну которого протекает ручей. Перед логом на самом обрыве террасы стоит дом Шеголевых, около которого находится второе большое скопление различных орудий и кера-

¹ Г. И. Андреев, Ю. М. Фомин, П. П. Пашкин. Неолитические поселения Подкаменной Тунгуски. СА, 1964, № 4.

² Отсчеты ведутся снизу вверх по реке. Когда же даются какие-то координаты вниз по реке, они оговариваются специально.

мики (наиболее значительное в Байките). В этом месте наблюдается как бы останец террасы, возвышающийся над паберегом в виде островка из сцементированных глин и песков. На склонах этого останца и на дне промоины между ним и террасой и собрано большинство находок (пункт № 2). Обнаруженные здесь тесла односторонне выпуклые — ретушированы, а четырехугольные в сечении — шлифованы. Найдены ножи и их обломки. Они обрабатывались с обеих сторон довольно тщательно и имеют одно или два лезвия. Очень много скребков, различающихся размерами, высотой и формой рабочего края. Обычно это концевые скребки с прямым или округлым рабочим краем. Вкладыши четырехугольные и ретушированные и без

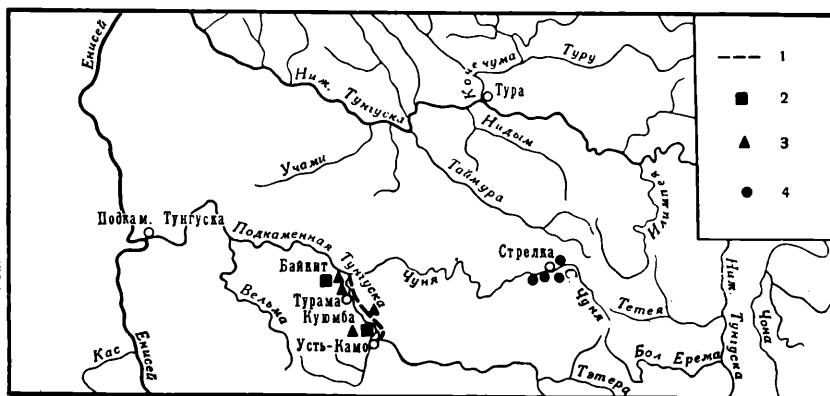

Рис. 26. Карта археологических памятников по р. Подкаменная Тунгуска и ее притокам. Условные обозначения.

1 — маршрут разведки 1963 г.; 2 — поселения, на которых собран материал в 1962 г.; 3 — поселения, обследованные в 1963 г. Г. И. Андреевым и Ю. М. Фоминим; 4 — поселения, открытые в 1963 г. П. П. Пашиним

ретуши. Кроме того, найдены ретушер, огромное количество нуклеусов, пластин и отщепов. Большой интерес представляет молот, сделанный из гальки, по короткой оси которого выбит желобок для удобства привязывания. Обе ударные площадки молота — плоские, отделанные очень тщательно. Керамика, найденная в пункте № 2, отличается от керамики первого пункта не только по составу теста, но и по орнаменту.

Метрах в 80 выше лога № 2 (пункт № 2А) собрано довольно много керамики, орудий, отщепов и пластин. Особый интерес представляет керамика, украшенная зашипными валиками и ложнотекстильными отпечатками (рис. 27). Судя по керамике, материалы из пунктов № 2 и № 2А относятся к эпохе поздней бронзы и раннего железа (конца II—I тыс. до н. э.). Выше по реке, метрах в 250, найдены отщепы, а в 120 м от них расположен лог в № 3. Русло его почти сухое. В восточном борту лога найдены обломки и отщепы. Метрах в 100 ниже лога № 3, на пабереге, достигающем здесь высоты 3,5—4 м и метров 50—60 ширины, собрано довольно много ножей, скребков, тесел, халцедоновый наконечник стрелы, нуклеусы, отщепы и пластины, керамика (пункт № 3).

В пункте № 3 был обнаружен очень бедный культурный слой. Он прослеживается на глубине 1,75 м от поверхности террасы (высота которой здесь около 10 м) и приурочен к слою плотной весьма тонкозернистой гуммированной (иловатой?) супеси темно-серого цвета с линзами и пятнами буроватого оттенка. Мощность темно-серой супеси около 1 м, но находки наблюдаются в самой нижней ее части и не выходят за рамки 20—25 см. Подстиляется этот слой бурым суглинком, а перекрыт рыхлой супесью более светлого цвета. Выше идет дерн.

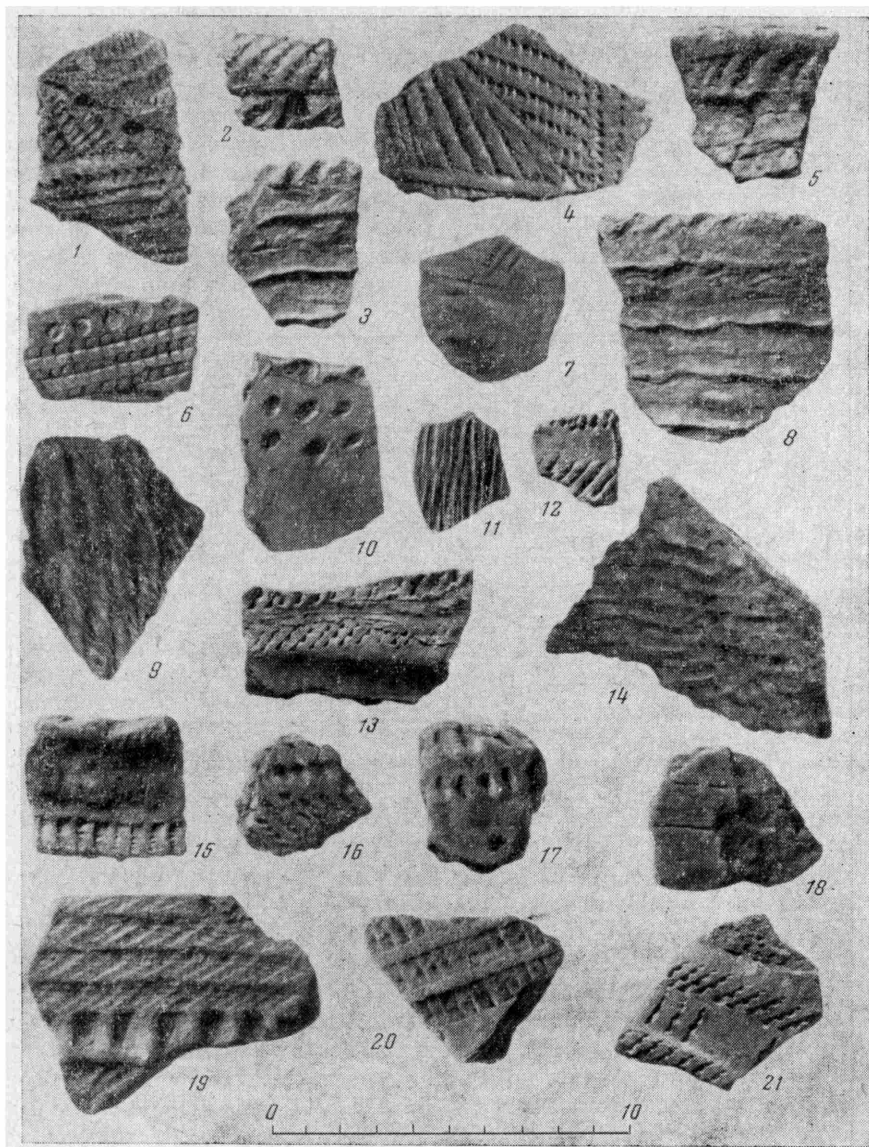

Рис. 27. Керамика с поселений по р. Подкаменная Тунгуска:
 1—4, 13 — Байкит, пункт № 1; 5—8 — Байкит, пункт № 2; 9—12, 14 — Байкит, пункт № 2А;
 15—21 — Усть-Камо, пункт № 1

В других пунктах культурный слой проследить не удалось. Это объясняется тем, что в районе Байкита наблюдаются оползни значительных участков берега.

Пока трудно говорить о том, какое количество поселений представлено материалами, собранными в Байките, однако керамика, найденная в пунктах № 1, 2, 2А, 3, указывает на их одновременность.

Обследование в Байките показало также, что поселения в пунктах 1, 2, 2А, 3 очень сильно разрушены, а застройка берега в этом месте в значительной степени затруднит раскопки. Судя по керамике, собранной в различных пунктах, а также по орудиям район среднего течения р. Подкаменная Тунгуска имел связи и с Западной Сибирью и с Прибайкальем (кера-

мика, украшенная отпечатками отступающей лопаточки, керамика с защитными валиками и ложнотекстильными отпечатками, различные формы тесел, в том числе с выступами и т. д.). Аналогии в керамике и орудиях позволяют говорить о том, что в Байките представлены материалы от III до I тыс. до н. э.

Работы были продолжены на поселении Усть-Камо, расположенном примерно в 180—200 км вверх по течению реки от пос. Байкит. В 1962 г. здесь были произведены сборы материалов, найденных в переотложенном состоянии, керамика отсутствовала.

Осмотр показал, что паберег в Усть-Камо значительно уже, а высота террасы меньше, чем в Байките. В ряде мест, как и в Байките, терраса прорезается овражками (ложками). До 1963 г. находки были известны лишь до второго лога, считая от устья р. Камо. Проверкой установлено, что орудия, отщепы, пластины продолжают и вверх по течению реки. Удалось найти и остатки культурного слоя, они, как и в Байките, очень бедны находками. Возможно, что и здесь основная территория поселения уже разрушена и именно поэтому большинство находок сделано на поверхности, прямо на пабереге (пункт № 1). Несмотря на то, что в 1862 г. здесь был собран огромный материал, нам удалось найти довольно много различных предметов. Поражает обилие скребков. Их найдено более сотни. Сделаны они на пластинах и отщепах и различаются высотой и формой рабочего края. Много тесел и их обломков. Некоторые отделаны только отбивкой и ретушированием, другие к тому же еще и отшлифованы. Первые можно подразделить на: а) односторонне-выпуклые — «горбатые»; б) односторонне-выпуклые с сегментовидным сечением; в) тесла с выступами (ушками). Шлифованные тесла также различны в сечении; а) четырехугольные; б) массивные односторонне-выпуклые; в) тонкие односторонне-выпуклые. Найдено несколько наконечников стрел. По форме их можно разделить на два типа: 1) треугольные; 2) листовидные. Первые бывают и с прямым и с вогнутым основанием. Вкладышей собрано немного, но среди них есть и ретушированные и без ретуши. И те и другие четырехугольные.

В 1963 г. нам не удалось обнаружить костяные или роговые обоймы для вкладышей, известные, например, по сборам 1962 г. Нуклеусов найдено около сотни. Среди них есть и одноплощадочные и двухплощадочные, призматические, конические, карандашевидные. Поистине огромно количество пластин и отщепов. В 1963 г. на поселении Усть-Камо собрано небольшое количество орнаментированной керамики (рис. 2). Выше по реке имеются находки иного облика, судя по ним, здесь было расположено поселение другого времени (пункт № 2). И обломок наконечника копья или кинжала; и наконечник стрелы сделаны из другого материала (кварцит) и другой техникой (ретушь пологая, почти струйчатая).

Хотя поселение Усть-Камо сильно пострадало, его, видимо, можно копать.

Пос. Куямба, где, по сообщениям, находили каменные орудия, расположен примерно в 120 км выше пос. Байкит и в 60 км ниже Усть-Камо, на правом берегу Подкаменной Тунгуски, на высокой пойме или на первой надпойменной террасе. Паберег и терраса в Куямбе напоминают байкитские. Находок мало из-за хозяйственных построек. В коллекции имеются: обломок ретушированного тесла с выступами; обломок превосходно отделанного с двух сторон ножа; несколько скребков. Один из них массивен и обработан со всех сторон, другой имеет вогнутый рабочий край.

Кроме орудий, собрано сравнительно небольшое количество пластин и отщепов и немного маловыразительной керамики.

Последним пунктом, где в 1963 г. сделаны находки, был пос. Турама. Здесь при осмотре паберега и подножия террасы, метрах в 400 выше устья р. Турама (левого притока Подкаменной Тунгуски), выявлена примерно

та же картина, что и в Байките у пункта № 2. Отщепы, пластины и прекрасно выделанное односторонне-выпуклое тесло найдены на сильно размытом останце террасы. Терраса начала размываться сравнительно недавно, поэтому здесь могут быть интересные находки.

Разведки 1963 г., проведенные хотя и на небольшом участке среднего течения Подкаменной Тунгуски, показали, что здесь имеются очень интересные памятники, материалы которых сочетают в себе черты кремневого инвентаря и керамики с одной стороны, Прибайкалья, а с другой — Западной Сибири. Недостаток керамики и орудий затрудняет пока еще решение вопроса о том, каково было направление связей этого района в то или иное время, какова была реальная обстановка в III—I тыс. до н. э.

Не ясны в полной мере и хозяйственные вопросы. В нашем распоряжении пока еще слишком мало остатков костей животных и рыб и костяных орудий. Последние при размыве слоя уносятся, видимо, водой. Неясно назначение тесел с выступами, особенно, если учесть, что и по форме, и по размерам, и по весу, и по технике обработки они значительно отличаются друг от друга. Изучением их функционального назначения никто специально не занимался.

Невозможно пока ответить и на вопрос, чем ловили рыбу. Нет ни костяных, ни составных каменных крючков; отсутствуют грузила. Между тем кости рыб найдены в слое в Байките, да и само расположение поселения говорит о том, что рыболовство играло здесь большую роль.

Имеются и другие вопросы, которые ждут своего решения. Очевидно, что помочь в решении всех этих вопросов могут лишь раскопки, а они возможны и в Усть-Камо, и в Тураме, да и в других местах по Подкаменной Тунгуске.

Г. И. АНДРЕЕВ, П. П. ПАШКИН

ПЕРВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. ЧУНИ

В 1963 г. при геологических работах на р. Чуне в ряде пунктов¹ были обнаружены отдельные каменные орудия.

Несмотря на то, что они происходят из случайных сборов, эти находки представляют интерес, так как бассейн верхнего течения р. Чуни археологически не изучен.

Наконечник стрелы, отлично обработанный нож из кремнистой породы, довольно большой подтреугольный скребок и отщепы молочного халцедона найдены в осыпи террасы, в 50 м выше устья ручья Юктакон, примерно в 5,5 км от пос. Стрелка-Чуны. Терраса в нижней части сложена из алевролитов и аргиллитов, а сверху из песчаников. Перекрыто все это серовато-желтым песком с редкой галькой долеритов и кварца.

Пункт № 2, где найден халцедоновый наконечник стрелы, расположен в 2,2 км ниже устья ручья Юктакон, на левом берегу р. Южной Чуни.

Также на левом берегу р. Чуни, в самом пос. Стрелка-Чуны, вскрывается терраса, в осыпи которой на высоте 2 м над урезом воды обнаружены очень интересные находки. Среди них отметим халцедоновый треугольный с выемкой в основании наконечник стрелы, нож и проколку из кремнистых пород, две заготовки крупных орудий, одна из которых из ороговикованной породы, другая из сланца, пластины и отщепы из халцедона и других пород (рис. 28, 3—5, 8—11, 13).

Пункт № 4 отстоит от № 3 (по прямой) на расстоянии около 10 км и находится в 2 км выше устья р. Моподей (левый берег р. Чуни). Здесь прослежена следующая стратиграфия террасы: 1) почвенно-растительный слой — 0,15 м; 2) серый мелкозернистый песок — 0,10 м; 3) углистый прослой — 0,03 м; 4) глинисто-песчаный слой — 0,40 м; 5) серый среднезернистый песок с редкой галькой — около 1,7 м; 6) слой гравийно-галечникового материала — 2,3 м. Общая мощность, следовательно, 4,68 м. Находки произведены в осыпи и в третьем слое. Часть из них из халцедона (заготовки орудий, отщепы и пластины), другая (обломок орудия и отщепы) из серого сланца.

Отщепы халцедона найдены и на правом берегу р. Чуни, в 1 км вверх по течению реки от пункта № 4.

В излучине правого же берега р. Чуни, в 1,5 км выше устья р. Моподей, в местах вскрытия террасы, сложенной примерно так же, как и в пункте № 4, найдены два обломка бронзового предмета (неопределимого),

¹ См. рис. 1 в статье Г. И. Андреева и Ю. М. Фомина «Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменная Тунгуска», помещенной в этом же сборнике.

прекрасно сделанный кремневый нож (рис. 28, 12), обломок керамики (?) и отщепы из метаморфизованных сланцев и халцедона (пункт № 6).

Отщепы из халцедона и ороговикоманных пород собраны в пункте № 7, расположенном в 0,5 км ниже устья р. Моподей.

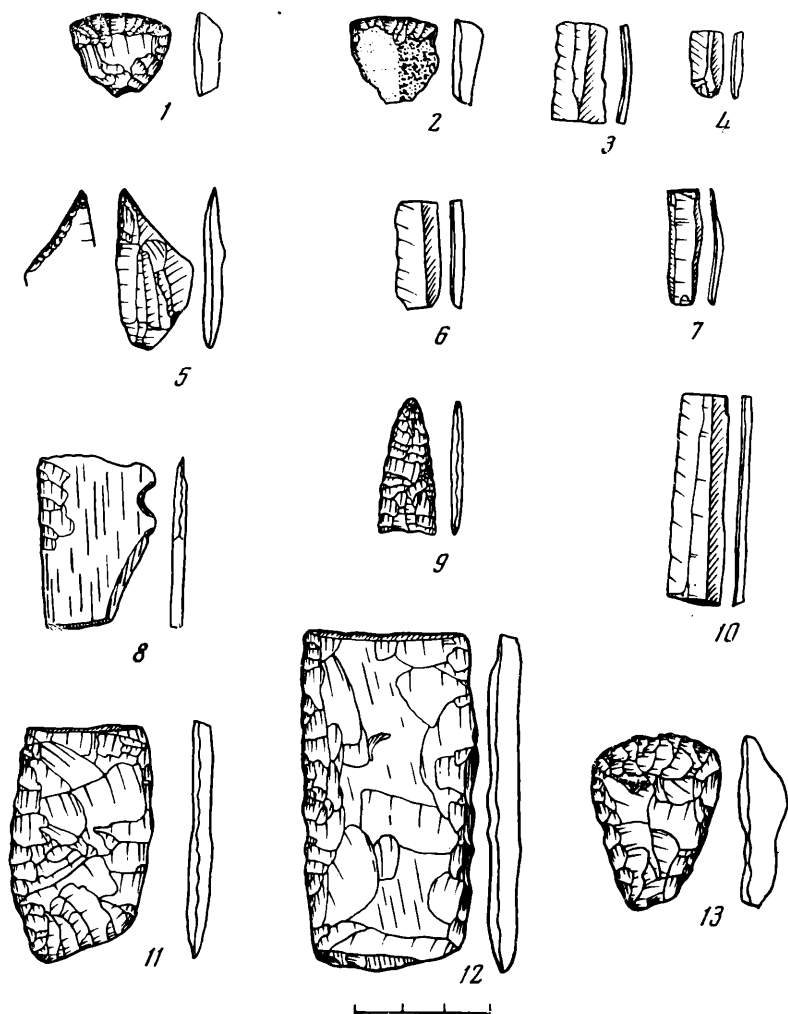

Рис. 28. Каменный инвентарь со стоянок по реке Чуне:

1, 2, 6, 7 — устье р. Верхний Анукан; 12 — правый берег р. Чуни; 3—5, 8—11, 13 — стоянка в поселке Стрелка-Чуна

Сделаны находки и в устье р. Верхний Анукан (левый берег р. Чуни), где на протяжении 0,5 км обнажается 4—5-метровая терраса. В осыпи обнаружены два небольших превосходно обработанных подтреугольных скребка из халцедона, нуклеус, пластины и отщепы из халцедона и других пород (рис. 28, 1, 2, 6, 7).

Поверхность всех террас, к которым приурочены находки, покрыта в основном соснами и разрушается медленно, так как вследствие слабой заселенности района и тому, что вода (в половодье) поднимается лишь на 2—3 м, а террасы, как правило, достигают высоты 4—5 м и выше. Этим, видимо, и следует объяснить небольшое количество находок. Поселения на р. Чуне только начинают разрушаться в отличие от поселений Усть-Камо и Байкит на Подкаменной Тунгуске, где разрушения очень существенны. Еще боль-

ше разрушений наблюдается на Енисее², поэтому наиболее перспективными следует, по-видимому, считать работы на притоках Енисея, на которые и нужно обратить особое внимание.

Новые памятники, открытые на р. Чуне, важны и в другом отношении. Находок на них хотя и немного, но они все же отличаются от находок с Подкаменной Тунгуски не только типологически, но и по материалу, из которого они сделаны. На поселениях Подкаменной Тунгуски орудия в основном изготавливались из ороговикованных пород, тогда как на стоянках на р. Чуне преобладают халцедоны. Дальнейшее накопление материалов, более широкие археологические исследования позволят вскрыть причины этих различий.

² Об этом нам любезно сообщил Г. А. Максименков, проводивший там разведки.

А. А. ФОРМОЗОВ, Е. Н. ЧЕРНЫХ

НОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИКУБАНЬЕ

В 1958—1960 гг. при совместных работах Кубанской экспедиции Государственного Эрмитажа (нач. А. Д. Столяр) и Кубанского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР (нач. А. А. Формозов) были исследованы три стоянки майкопской культуры близ пос. Каменноостского на р. Белой. Раскопки долговременного поселения Мешоко, при которых был сделан ряд стратиграфических наблюдений, и изучение стоянок Скала и Хаджох позволили предложить первую периодизацию майкопских поселений¹.

В 1962—1963 гг. Кубанская экспедиция Государственного Эрмитажа продолжала раскопки Мешоко и разведки в окрестностях Каменноостского. Было найдено еще три майкопских стоянки. Две из них лежат на скальных мысах плато левого берега р. Белой выше поселка — одна при впадении в р. Белую р. Мезмай, другая — при слиянии рек Гуфанго и Бачурина. На этих труднодоступных мысах, так же как и в Мешоко и Скале, выбранных для поселения из-за удобства обороны, собран подъемный материал. В нем представлена керамика с орнаментом в виде жемчужника, характерным для майкопских стоянок II и III хронологических групп. В скальном навесе на левом берегу оврага Мешоко в 2 км от впадения его в Белую обнаружено третье поселение. Оно во всем повторяет наиболее позднюю майкопскую стоянку в навесе Хаджох III. Здесь, как и в Хаджохе, раскопки выявили глинобитный пол и каменную стенку, отгораживающую внутреннюю часть пещеры. Среди находок — чернолощенная посуда с жемчужным орнаментом, похожая на керамику из дольменов Новосвободной. Найдены характерные глиняные конусы и кремневый вкладыш для серпа с зазубренным рабочим краем, но в целом кремневых изделий очень мало. Перед нами типичный майкопский памятник III хронологической группы.

Кубанский отряд Северо-Кавказской экспедиции в 1961—1963 гг. постепенно начал расширять район своих работ к востоку — по направлению к р. Фарс. У нас уже сложилось представление о майкопских поселениях на Белой, с долиной которой связан знаменитый Майкопский курган. Теперь хотелось познакомиться с бассейном той реки, где расположены доль-

¹ А. А. Ф о р м о з о в. Периодизация поселений майкопской культуры. «Историко-археологический сборник». Изд-во МГУ, 1962, стр. 31—42; он же. Археологические исследования пещер в верховьях р. Белой. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», т. II. Майкоп, 1961, стр. 50—72; А. Д. С т о л я р. Мешоко — поселение майкопской культуры. «Сборник материалов по археологии Адыгеи», т. II, стр. 73—98.

мены Новосвободной. В 1961 г. была исследована стоянка в Каменно-мостской пещере в 6 км от пос. Каменномостского в ответвлении оврага Мешоко. Здесь прослежены три слоя — начала верхнего палеолита, неолита и III этапа майкопской культуры. В 1961—1962 гг. раскопано поселение у хут. Веселого в 12 км к востоку от Каменномостского еще в бассейне Белой, но всего лишь в 2—3 км от Фарса. Наконец, в 1963 г. изучалось поселение Ясенова поляна близ пос. Колосовка, расположенного на берегу самого Фарса (рис. 29).

Рис. 29. Карта памятников майкопской культуры в междуречье Белой и Фарса

Поселения у Веселого и на Ясеновой поляне открыты при разведках экспедиции Адыгейского Научно-исследовательского института языка, литературы и истории². Краткой характеристике этих поселений и посвящена данная статья.

Топография поселения у хут. Веселого типична для памятников эпохи раннего металла на Кубани. Оно занимает высокий мыс плато с крутыми скальными склонами при слиянии рек Большой и Малый Шушук. На таких же треугольных неприступных с двух сторон мысах размещены стоянки Мешоко, Скала, Мезмай и Гуфанго. В Мешоко третья сторона поселения отгорожена каменной стеной. В раскопе у хут. Веселого прослежена канава шириной до 2 м и глубиной 50 см, отрезающая поселение от napольной части мыса. В канаве много кусков обугленного дерева; она перекрыта насыпью из щебенки высотой также до полуметра. Линия этой насыпи заметна и на современной поверхности мыса. Можно думать, что это — основание частокола, вкопанного в землю и присыпанного щебнем. Укрепление такого рода уступает, конечно, каменной стене Мешоко, но это объясняется тем, что стоянка у хут. Веселого была кратковременной и не нуждалась в более мощной защите. Раскоп, площадью 88 кв. м исчерпал

² Первое — П. У. Аутлевым и П. А. Дитлером, второе — П. А. Дитлером. Раскопки близ хут. Веселый вели Е. Н. и Н. Б. Черных, на Ясеновой поляне — П. А. Дитлер и А. А. Формозов.

основное скопление культурных остатков, примыкающее к линии канавы. Мощность слоя с находками не превышает 55 см.

Коллекция из раскопок состоит из многочисленных каменных изделий, керамики и костей животных (рис. 30 и 31). Металлических вещей не обнаружено, но находка глиняной ошлакированной льячки доказывает, что плавка металла производилась и на этом поселении. Состав находок очень близок к тому, что дают раскопки Мешоко и Скалы. Это обитые заготовки для клиновидных топоров и уже законченные шлифованные изделия (35 экз.), узкие полированные долотца (3 экз.), концевые часто высокие скребки (16 экз.), наконечники стрел и дротиков (13 экз.) с вогнутым основанием или с черешком, двусторонне обработанные ножи (16 экз.) и вкладыши для серпов с прямым рабочим краем (3 экз.), проколки, отбойники, терочники и т. д.

Знакомы нам по раскопкам Мешоко и Скалы и обломки каменных браслетов. Их 15 штук и принадлежат они к уже выделенным ранее трем типам — легкие сланцевые браслеты с прямоугольным сечением, массивные браслеты нальчикского типа с треугольным или округлым сечением (рис. 31, 6) и широкие тонкие браслеты с пластинчатым сечением (рис. 31, 7). На одном из таких браслетов — сверлины для скрепления в местах поломки.

Среди тысячи осколков кремня встречены две пластинки импортного обсидиана. Исследование их, проведенное В. В. Наседкиным в Институте геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР, установлено, что по показателю преломления в лучах натриевого света — 1,481 и 1,483 образцы близки к закавказскому обсидиану. Показатель 1,483 характеризует вулканическое стекло месторождений Агдаг в Армении и Куюн-даг на оз. Тапаравани в Грузии. Образцы обсидиана из Мешоко имеют близкие показатели — 1,482; 1,484; 1,485. Обсидиан из более ранних памятников северо-западного Кавказа отличается от этой группы и по показателю преломления (1,487), и по другим минералогическим особенностям. Вулканическое стекло из четырех верхнепалеолитических стоянок на р. Губс, из мезолитических слоев Ацинской пещеры и неолитической Нижне-Шиловской стоянки тождественно обсидианам Кабардино-Балкарии. Таким образом, на протяжении первобытной эпохи у населения северо-западного Кавказа изменился источник импорта обсидиана: в каменном веке его приносили за 250—300 км с Баскана и Чегема, в энеолите — за 600—650 км из Закавказья. Такое изменение источника импорта несомненно отражает большую роль закавказских связей в сложении и развитии майкопской культуры.

Из костяных орудий на поселении у хут. Веселого найдено маленькое долотце и три проколки.

Наряду с типами древних вещей, которые известны по раскопкам других майкопских стоянок, тут встречено и несколько новых. Это, во-первых, обломок каменного недосверленного молотка или топора (рис. 30, 1). Сверленные изделия нехарактерны для майкопской культуры. Можно указать лишь на два топорика — из кургана у с. Летницкого на Ставрополье³ и из Бамутских курганов в Чечено-Ингушетии⁴.

Второй новый тип — вкладыш в виде очень большой трапеции с обработкой по краю с двух сторон (рис. 31, 1). До сих пор геометрические орудия были обнаружены только в Мешоко и Майкопском кургане. Это вполне обычные миниатюрные сегменты. Ретушь на краях трапеции, нанесенная с двух сторон, напоминает прием обработки кремня, характерный для микро-

³ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, табл. XII, 7.

⁴ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961, рис. 11.

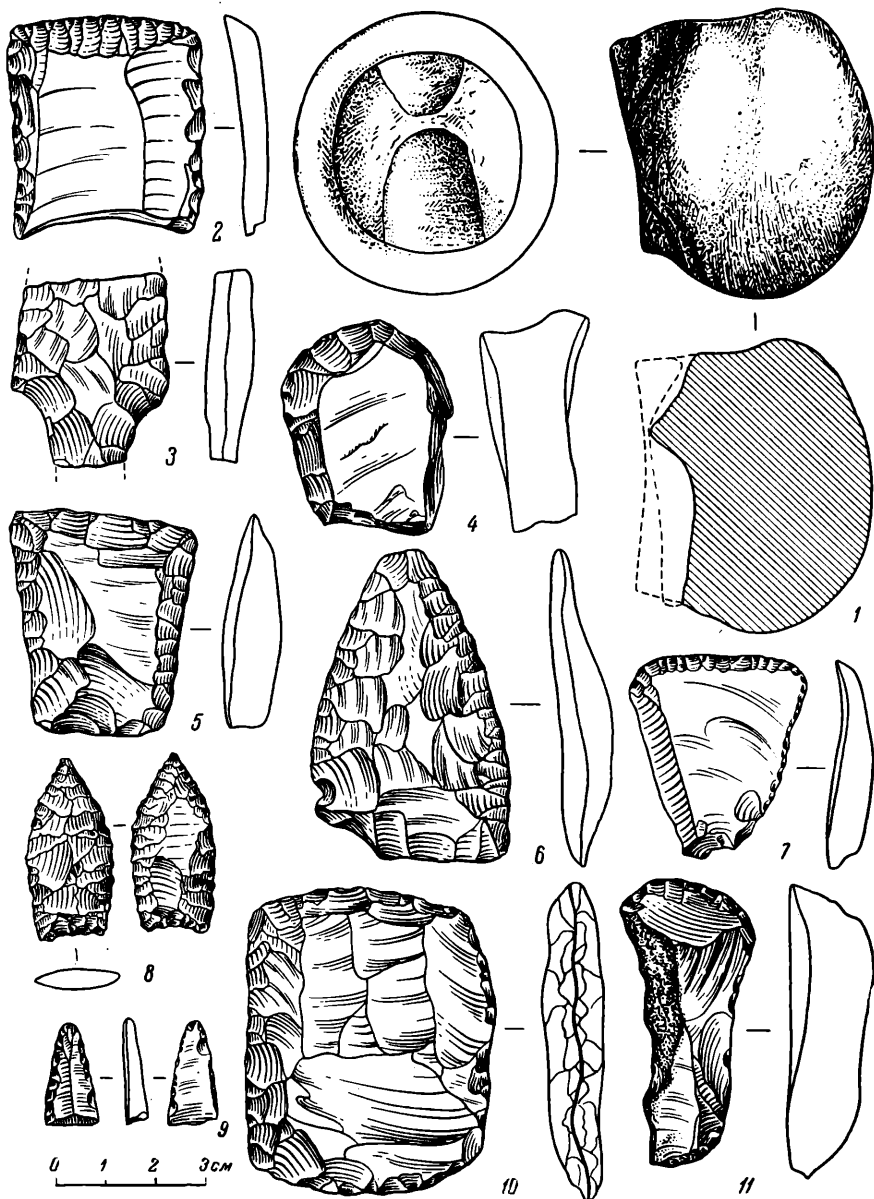

Рис. 30. Находки на поселении у хутора Веселого:

1 — обломок сверленного орудия; 2, 4, 5, 7, 11 — скребки; 3, 8 — наконечники стрел; 6 — нож; 9 — проколка; 10 — вкладыш

литической техники неолита северо-западного Кавказа⁵. Третий новый тип представлен обломком массивного браслета нальчикского облика с двумя кольцевыми нарезками (рис. 31, 8). В майкопских памятниках орнаментированные браслеты до этого не были отмечены. Но они известны в Грузии в слоях пещеры Сагварджиле, наиболее близких по составу инвентаря к Мешоко⁶, и в погребении у Криволучья на Волге⁷. Наконец, на поселении

⁵ А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, № 102, 1962, стр. 134.

⁶ Коллекция Музея Грузии из раскопок Н. Э. Бердзенишвили.

⁷ В. В. Гольмстен. Погребение из Криволучья. Сообщения ГАИМК, № 6, 1931, стр. 78.

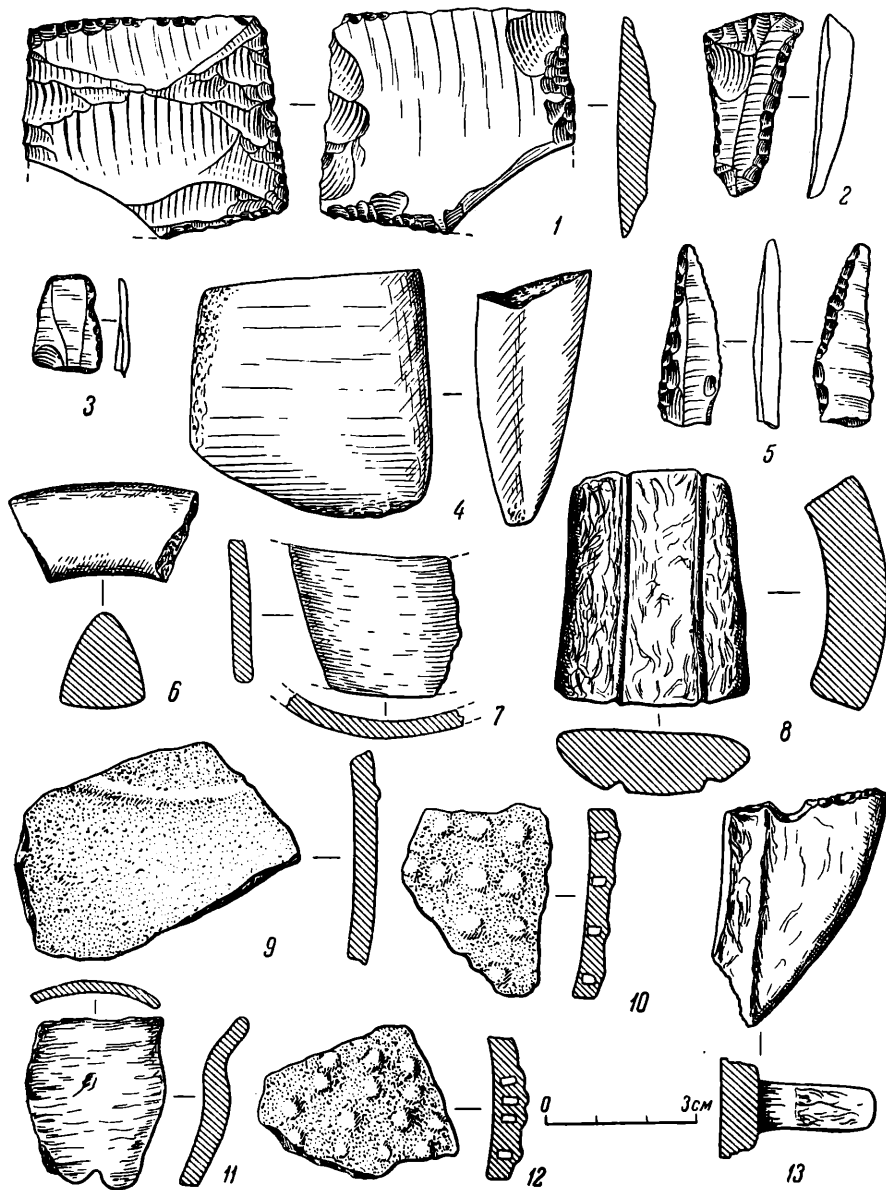

Рис. 31. Находки на поселении у хутора Веселого:

1 — трапециевидный вкладыш; 2—3 — скребки; 4 — шанфованный топор; 5 — острие; 6—8 — обломки каменных браслетов; 9—13 — керамика

у хут. Веселого впервые вместе с каменными встречены и три керамических браслета.

Обломки посуды из хут. Веселого дают представление о типичных майкопских горшках с округлым туловом, открытым венчиком и скругленным или уплощенным дном. Есть миниатюрные сосудики, как и в Мешоко, Скале и Хаджохе (рис. 31, 11). Лощение применялось сравнительно редко, орнаментация еще реже. Из 1837 черепков орнаментированных всего 15: 14 — рядами жемчужин (рис. 31, 10, 12) и один — овальным налепом (рис. 31, 9). Жемчужный орнамент характерен для всех майкопских поселе-

ний и для керамики дольменов Новосвободной. Налепной криволинейный орнамент до сих пор мы знали только в Мешоко. Некоторые сосуды имели ручки. Одна из них — пластинчатая со сверлиной в центре напоминает ручку импортной керамики из навеса Хаджох III (рис. 31, 13).

Таков комплекс находок на поселении у хут. Веселого. При сравнении с другими памятниками майкопской культуры⁸ мы видим, что его нельзя поставить в I хронологическую группу, где вся керамика лощеная, где еще не известна жемчужная орнаментация и нет указаний на обработку меди. Нельзя отнести стоянку у Веселого и к III группе, где исчезают каменные браслеты, очень мало кремневых орудий и появляется импортная и чернолощенная керамика. Только в средней, II группе мы наблюдаем сочетание каменных браслетов и большого числа каменных орудий с nelloщенной посудой, украшенной жемчужным орнаментом. По сравнению с памятниками этой группы — поселением Скала и верхней частью культурного слоя Мешоко — стоянка у хут. Веселого обладает, однако, некоторыми чертами, присущими поселениям I группы. Показательны относительно большое число браслетов (в Скале их всего два), рельефный криволинейный орнамент, импорт обсидиана. С другой стороны, керамики с жемчужным орнаментом здесь ничтожно мало. На основании этого можно поставить поселение у хут. Веселого в начале II группы и считать, что оно древнее Скалы и ближе всего по времени к средней части культурного слоя Мешоко.

Поселение Ясенова поляна расположено на холме, представляющем собой самую высокую точку мыса между Фарсом и его притоком Колосов яр. До Фарса отсюда 4 км. Водой поселение снабжал родник. Это неинтересно как показатель незначительной роли рыболовства в жизни поселения. Указаний на рыболовство нет и на других стоянках, кроме Мешоко. Холм имеет крутые склоны. По одному из них на длину порядка 150 м тянется развал каменной кладки, свидетельствующий о том, что, подобно Мешоко, это поселение обладало мощными оборонительными сооружениями. Очертания холма близки к трапеции со сторонами длиной 400, 250, 150 и 170 м. Площадь поселения, таким образом, огромна. Шурфовка П. А. Дитлера показала, что в большинстве мест мощность культурного слоя колеблется от 40 до 80 см, но на юго-восточном краю холма она превышает 1,6 м.

Раскоп площадью 80 м² был заложен на северо-западном краю поселения. Здесь удалось выявить систему ям, выдолбленных в каменном основании плато. При раскопках Мешоко также был обнаружен ряд из четырех ям, параллельный оборонительной стене на бровке холма, занятого поселением. Ямы находятся в 6 м от стены и на расстоянии 2—3 м друг от друга⁹. Первоначально мы рассматривали эти ямы как хранилища, хотя хозяйственные ямы на стоянке Скала были совсем другими. Там в ямах лежали сосуды и зернотерки, в ямах Мешоко находок не было. Совершенно такой же ряд ям, вытянутый параллельно краю поселения, был расчищен и на Ясеновой поляне. Перпендикулярно этому ряду шел другой, так что в целом семь ям (в пределах раскопа) образовывали угол какой-то прямоугольной конструкции (рис. 32). Расстояние между ямами примерно одно и то же — 2—2,4 м, глубина ям от 20 до 60 см, диаметр от 30 до 120 см. Сразу же в голову пришла мысль о ямах для деревянных стоек столбового жилища. То, что это так, подтверждают другие наблюдения.

Так же, как и в Мешоко, в ямах почти не было находок. Слой, заполнявший ямы, был несколько темнее вышележащего — как бы от сгнившего дерева. Между двумя парами ям в скале выдолблена канавка, по которой

⁸ См. А. А. Формозов. Периодизация поселений майкопской культуры.

⁹ См. план раскопа в статье: А. Столяр и А. Формозов. Кубанская экспедиция 1959—1960 гг. «Сообщения Государственного Эрмитажа», XXII, Л., 1962, рис. 2.

скорее всего шла плетневая стенка жилища, закрепленная планками между столбами-опорами. Диаметр некоторых ям так невелик, что как хранилища они неудобны.

Таким образом, перед нами часть плана жилища, принадлежавшего, по-видимому, к так называемому турлучному типу, до сих пор распространенному на северо-западе Кавказа¹⁰. Основу дома составлял прямоугольник из столбов — опор. Между ними помещалась более легкая стенка, вероятно,

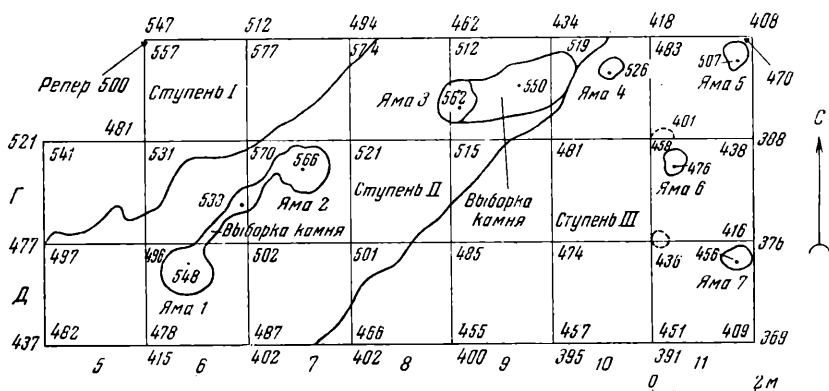

Рис. 32. План раскопа на поселении Ясенова поляна

из плетня, обмазанного глиной. Вскрыта только часть дома, и размеры его еще предстоит установить. Во всяком случае длина стены, параллельной краю холма, не менее 12 м, а перпендикулярной — не менее 4 м. В Мешоко прослежен только один ряд столбовых ям. Очевидно, другой стеной жилища служила каменная оборонительная стена поселения, к которой и были пристроены дома. Ширина дома Мешоко, следовательно, — 6 м.

Так же как и в Мешоко, на Ясеновой поляне культурный слой толще всего по краям и тоньше всего в центре поселения. Планировка его восстанавливается как круг или овал из жилищ, пристроенных к оборонительной стене, с площадью-загоном для скота в центре. Нечто подобное представляют собой краали скотоводческих племен Африки¹¹.

Комплекс находок Ясеновой поляны очень похож на комплекс Веселого. Это клиновидные топоры, долота, наконечники стрел с прямым и вогнутым основанием и с черешками, двусторонне обработанные ножи и вкладыши, каменные браслеты и керамика с жемчужным и рельефным криволинейным орнаментом. Так как культурный слой здесь более насыщен и вскрыта большая площадь (с шурфами 120 м²), то и серии находок больше и показательней. Одних обломков браслетов свыше 500. Соотношение типов таково: сланцевых с прямоугольным сечением — 500, нальчикского типа — 10, тонких с пластинчатым сечением — 9. На последних есть иногда сверлины для связывания. Фрагментов сосудов с рельефным криволинейным орнаментом около десятка. На одном — настоящая спираль, на другом — сложный фигурный налеп, быть может, от растительной или зооморфной композиции, на остальных — концентрические овалы, изредка встречающиеся и на керамике Мешоко. Спиральный орнамент и фигурный налеп впервые отмечены на поселении майкопской культуры. Упомянем о глиняных ситечках и сосудах с сосцевидными налепами, расположенными попарно, о пла-

¹⁰ Л. И. Лавров. Формы жилища у народов Северо-Западного Кавказа до середины XVIII в. СЭ, 1951, № 4, стр. 45.

¹¹ А. Т. Брайт. Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953, стр. 63—65.

стинке обсидиана и скребках с подтеской на брюшке, таких же, как в Скале и Мешоко. Особенную близость к комплексу Веселого подчеркивает находка керамического браслета.

Наибольший интерес в коллекции вызывают кремневый сегмент типа Мешоко и Майкопского кургана, асимметричный наконечник стрелы с вогнутым основанием типа Новосвободной, обломок сверленной крестовидной булавы, вроде мариупольских, медное шильце, фрагмент глиняной статуэтки животного. Есть долотце, проколки и наконечник стрелы из кости, несколько зернотерок. Обращает на себя внимание некоторое своеобразие в орнаментации посуды Ясеновой поляны — украшение воротничков сосудов нарезными параллельными венчику линиями, а тулова горшков — валиками с защипами. Видимо, культура майкопского времени в долине Фарса кое в чем отличалась от культуры бассейна Белой¹².

Ориентируясь на поздние черты в инвентаре Ясеновой поляны (керамика с жемчужной орнаментацией, новосвободненского типа наконечник стрелы, находка металла), мы можем включить и это поселение во II группу майкопских стоянок, вместе с Веселым и Скалой. Черты архаики — большое число браслетов, спиральная орнаментация здесь, однако, выражены еще сильнее, чем в Веселом. Не исключено, что на поселении, помимо слоя II этапа майкопской культуры, будет выделен более ранний слой I этапа. На это как будто указывают находки отдельных тонкостенных лощеных черепков, похожих на керамику Майкопского кургана и подстилающих культурных слоев Мешоко. В этой связи заслуживает пристального изучения участок Ясеновой поляны с наиболее мощным культурным слоем, выявленным только шурфовкой.

Костные остатки из поселений у Ясеновой поляны и Веселого определены В. И. Цалкиным. Результаты определений таковы (числитель — количество костей, знаменатель — количество особей):

	Веселый	Ясенова поляна
Крупный рогатый скот	187/5	525/20
Свинья	140/9	278/19
Мелкий рогатый скот	26/2	99/12

В Веселом найдены единичные кости медведя и кабана, в Ясеновой поляне — оленя, кабана и зайца. Состав стада обоих поселений сходен с составом стада Мешоко. Показательно преобладание костей свиньи и крупного рогатого скота над костями овцы и козы¹³.

Подводя итоги раскопкам двух майкопских поселений, мы можем сказать, что они подтвердили, а отчасти и дополнили ту характеристику культуры, которая была дана после раскопок на Белой. Стоянки майкопской культуры — это поселения скотоводов, расположенные на высотах, удобных для обороны от нападений иноплеменников. Жилища на поселениях располагались близ его стены, а в центре оставалось пустое пространство для скота. Свидетельств об охоте и земледелии очень мало, о рыболовстве нет совсем. Обитатели стоянок пользовались главным образом каменными орудиями, но уже были знакомы с обработкой меди. В облике культуры заметны южные черты — рельефная спиральная орнаментация, закавказский обсидиан. Но основной комплекс своеобразный, присущий только Прикубанью.

Находки каменных браслетов, особенно обильные в Ясеновой поляне, лишней раз показывают принадлежность этих украшений к энеолитическо-

¹² Материалы раскопок Ясеновой поляны будут более подробно освещены в специальной публикации П. А. Дитлера.

¹³ А. А. Формозов. О хозяйстве племен майкопской культуры Прикубанья. КСИА, вып. 88, 1962, стр. 27—32.

му, а не неолитическому времени и типичность их для майкопской культуры. Сейчас браслеты обнаружены на шести майкопских стоянках (Мешоко, Скала, Ясенова поляна, Веселый, Каменноостская пещера, Воронцовская пещера) и в одном майкопском погребении (Севастопольская). Помимо этого, каменные браслеты встречены в пяти пунктах в Западной Грузии (три могильника у Сачхере, Сагварджиле, Тетрамица)¹⁴, в двух — в центральной части Северного Кавказа (Нальчикский могильник¹⁵ и гора Змеяевая под Пятигорском¹⁶), в одном — на Днестре (Михайловка)¹⁷ и одном — на Волге (Криволучье). Несомненно, эти украшения более всего характерны для Западного Кавказа. Именно отсюда они и попали на Украину и в Поволжье.

¹⁴ Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, вып. VIII, 1940, рис. 1; Н. Э. Кладзе. Памятник нового каменного века из Тетрамица. «Вестник Музея Грузии», вып. 29, 1951, табл. XII. Коллекция Музея Грузии.

¹⁵ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в Нальчике. МИА, № 3, 1941.

¹⁶ Находка Н. М. Егорова.

¹⁷ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошников, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення, Київ, 1962, рис. 39, 3.

И. И. АРТЕМЕНКО

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В УРОЧИЩЕ СОСОНКА

В 4 км к югу от с. Лучин, в пойме правого берега Днепра расположена гряда песчаных возвышенностей (дюн), вытянутая с юга на север на протяжении более 1 км. С севера и запада они окружены заливным лугом. Отдельные дюны возвышаются над поймой на 3—4 м, средняя же высота гряды над поймой 1,7—2 м.

Неолитическое поселение расположено с южной стороны урочища, на пологой хорошо задернованной песчаной возвышенности, выступающей над поймой на 1,5—1,7 м. Площадь поселения прорезана с востока на запад мелиоративной канавой, в стенках которой прослеживается культурный слой.

Поселение обнаружено автором в 1956 г. В 1956—1958 гг. Белорусским отрядом ИА АН СССР под руководством автора были заложены на поселении четыре раскопа общей площадью в 295 кв. м. Под слоем дерна находился слой дюнного песка, навеванного ветром; ниже на глубине 0,2—0,25 м залегал слой темно-серого гумусированного песка с вкраплением коричневого железистого песка мощностью 0,25—0,3 м, который подстилался желтым мелкозернистым песком.

Темно-серый гумусированный слой содержал культурные остатки эпохи неолита. Археологический материал располагался в культурном слое более или менее равномерно. В восточной части раскопа I 1956 г. в культурном слое поселения на глубине 0,35—0,4 м были обнаружены четыре погребения эпохи бронзы с трупосожжением, сопровождавшиеся глиняными сосудами¹. На всей остальной площади раскопов не было найдено ни одного фрагмента керамики, аналогичного этим сосудам.

На поселении в уроч. Сосонка были обнаружены кремневые орудия, отщепы и куски кремня, а также большое количество фрагментов неолитической керамики.

Всего на поселении найдено 78 экземпляров кремневых орудий и 508 отщепов и кусков кремня со следами сколов. Кремневые орудия изготовлены из темно-серого мелового кремня. Наиболее многочисленны ножевидные пластины (36 экз.), треугольные в сечении. Ретушь встречена только на четырех экземплярах (рис. 33, 9—11). Имеются также три ножа, изготовленные на удлиненных широких отщепах с отретушированными со стороны спинки краями (рис. 33, 12—14).

¹ И. И. Артеменко. Поселение бронзового века на Кузиной Горе. СА, 1961, № 2

Скребки (24 экз.) изготовлены преимущественно на отщепках, часто первичных, с сохранившейся меловой коркой. Есть несколько экземпляров скребков, изготовленных на пластинах. Рабочий край скребков обычно дугообразный, ретушь краевая. Многие скребки имеют следы употребления — заполировку края или заломы (рис. 33, 9—11).

Скребла (2 экз.) массивные, трапециевидной формы с дугообразным рабочим краем, обработанным крупной крутой ретушью.

В слое поселения найдены три «миниатюрных» кремневых топорика (длина 3,7—5,5 см, ширина лезвий 2,5—3 см), обработанные со всех сторон продольными сколами (рис. 33, 15—17). Они имеют суженный обухок, вставлявшийся в рукоять, сечение — линзовидное. Этот тип топоров характерен для позднеолитических поселений Десны² и широко распространен в Верхнем Поднепровье. Кроме того, найден один кремневый клиновидный топор несколько больших размеров (длина 8 см, ширина лезвия 5 см), оббитый со всех сторон широкими сколами. Он имеет немного суженную верхнюю часть, вставлявшуюся в рукоять, и дугообразное лезвие.

Наконечники стрел (3 экз.) треугольной формы с прямым основанием (рис. 33, 2) и с выемкой в основании (рис. 33, 1 и 3) обработаны пальчатой ретушью. Найдены также незаконченный наконечник стрелы и обломок наконечника копья или дротика листовидной формы, обработанного с обеих сторон сплошной плоской ретушью.

Керамический материал поселения представлен 1200 фрагментами глиняных сосудов. Техника лепки сосудов ручная, ленточная. Обжиг неравномерный. В тесте преобладает примесь кварца, но имеется в небольшом количестве и растительная примесь.

Сосуды широкогорлые со слабо выраженной шейкой или с прямыми стенками и коническим дном. Края венчиков прямые или закругленные (рис. 34, 1—4, 6—8). Встречен лишь один круглодонный сосуд с округлым туловом и короткой отогнутой наружу шейкой (рис. 34, 5). Почти на всех сосудах с наружной стороны, под венчиком, имеется ряд глубоких цилиндрических ямок. На одном сосуде ряд ямок расположен с внутренней стороны. Поверхность сосудов хорошо заглажена, на внутренней поверхности имеются полосы от сглаживания зубчатым штампом.

В орнаментации сосудов преобладают отпечатки гребенки. Они составляют 42% всей керамики поселения. Орнаментальные узоры расположены горизонтально, наклонно и вертикально. Орнамент покрывает всю поверхность или только верхнюю часть сосудов (рис. 34, 5—7). На одном сосуде орнамент состоит из отпечатков гребенки, образующих треугольники с опущенными вниз вершинами (рис. 34, 4). На некоторых сосудах гребенка сочетается с рядами неглубоких ямочных вдавлений, нанесенных округлым концом палочки.

Сосуды с ямочным орнаментом составляют 17% всей керамики поселения. Орнамент состоит из неглубоких ямочных вдавлений концом палочки. Ямки овальные, округлые и угловатые. Орнамент расположен сплошь по всей поверхности сосуда или поясами, по три-четыре ряда в каждом поясе (рис. 34, 9).

К сосудам с ямочным орнаментом примыкают сосуды, орнамент которых состоит из неглубоких ямочных вдавлений, нанесенных концом палочки, обмотанной ниткой или тонкой веревочкой («лапчатый»). Они составляют 8% всей керамики поселения. Орнаментальные узоры состоят из горизонтальных поясов (по два — четыре ряда в каждом поясе) или горизонтальных и вертикальных лент ромбов. Встречено несколько фрагментов керамики с орнаментом, нанесенным палочкой, обмотанной ниткой или веревочкой («гусеничный» орнамент).

² В. П. Левенок. Неолит верхнего участка бассейна средней Десны. КСИИМК, вып. XXIII, рис. 28, 11.

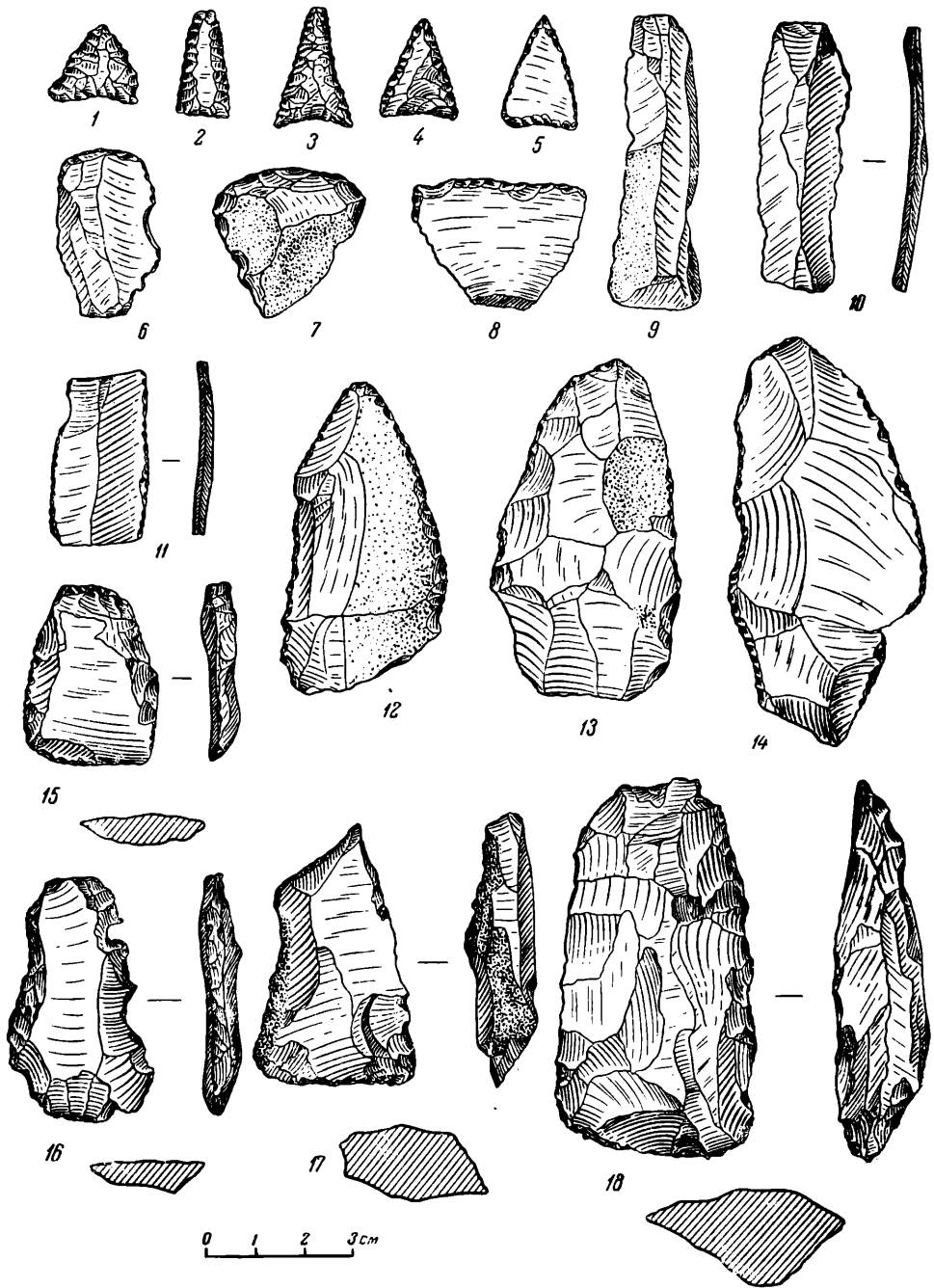

Рис. 33. Кремневые изделия с поселения в уроч. Сосонка:

1—5 — наконечники стрел; 6—8 — скребки; 9—14 — ножи; 15—18 — клиновидные топоры

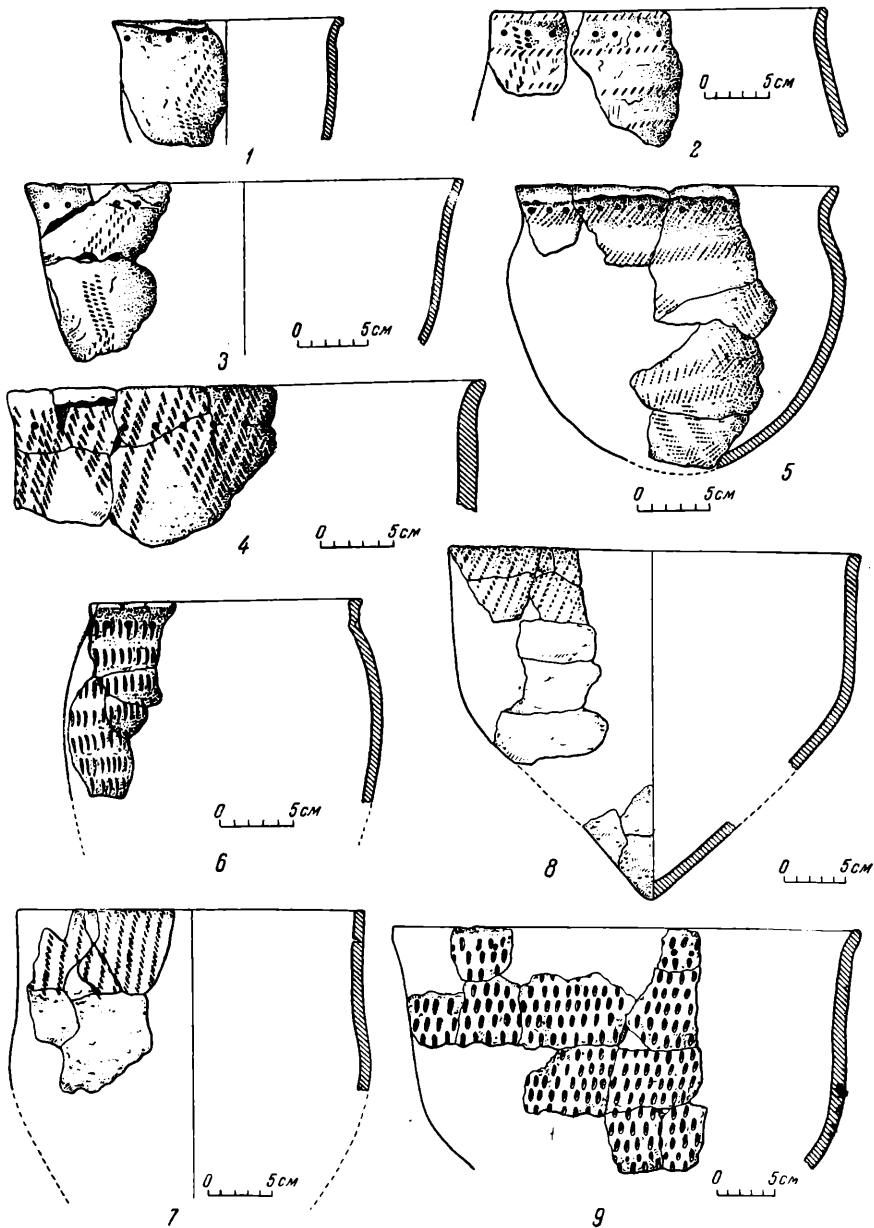

Рис. 34. Керамика с поселения в уроч. Сосонка

В слое поселения было обнаружено также небольшое число (8%) керамики с нарезным орнаментом, расположенным горизонтальными рядами, в елочку или вертикальными зигзагообразными лентами (рис. 34, 1—3), которые на одном сосуде комбинировались с редкими горизонтальными рядами отпечатков мелкой гребенки.

По фрагментам реконструируется остродонный широкогорлый сосуд, в верхней части орнаментирован наклонными линиями, выполненными наколами (рис. 34, 8).

Большое число неорнаментированных фрагментов керамики, обнаруженных на поселении, свидетельствует о том, что значительная часть сосудов

была орнаментирована не сплошь по всей поверхности, а зонами или только в верхней части. Керамику с поселения в уроч. Сосонка можно отнести к типу гребенчатой или гребенчато-накольчатой неолитической керамики на позднем этапе ее развития. По-видимому, она представляет собой местное своеобразие позднеолитической керамики, сложившейся в результате сосуществования местного позднеолитического населения с племенами среднеднепровской культуры на одной и той же территории и, возможно, под воздействием последней. Керамика этого типа встречается на многих поселениях Верхнего Поднепровья.

Особенно интересны впервые встреченные на территории Белоруссии остатки неолитического жилища (раскоп 2, 1957 г.), углубленного (на 0,2 м — 0,3 м) в желтый материковый песок; площадь $3,4 \times 3-2,4$ м. Посередине расположен очаг (кострище) чашеобразной формы, диаметром 1 м, глубиной 0,2 м. С северной стороны жилище соединено с боковым входом, который начинается с северо-западной стороны и представляет собой наклонно понижающуюся траншею (коридор), длиной 4,2 м, шириной 1,3—1,5 м. На расстоянии 1,2 м от начала входа имеется ступенька высотой в 0,2 м, ниже которой пол входа почти горизонтальный и углублен в материковый песок на 0,45—0,5 м. Восточная сторона входа округлена. Вокруг жилища находились шесть ям от столбов, диаметром 0,25—0,3 м, глубиной 0,2—0,3 м. Судя по профилю ям, столбы были вкопаны наклонно к центру жилища, а их нижние концы имели клиновидную затеску.

Сравнительно небольшое углубление входа и особенно вокруг очага и конусообразное покрытие позволяют говорить о том, что обнаруженное нами жилище было наземное. Оно, вероятно, имело овальную форму с боковым входом.

В жилище у очага были обнаружены: два кремневых наконечника стрел треугольной формы с выемкой в основании, мелкой ретушью, обработаны только края и выемка (рис. 33, 4—5); 28 отщепов кремня и 12 фрагментов керамики. Среди них семь фрагментов с «лапчатым» и «гусеничным», три — с гребенчатым орнаментом и два — без орнамента. Керамика, найденная в жилище, по составу теста, характеру обработки и орнаментации, аналогична керамике из культурного слоя поселения.

У входа в жилище было скопление золы, возможно, остатки открытого очага (кострища), возле которого обнаружены: 52 отщепа и куски кремня со следами сколов, в том числе скребок на отщепе, шесть обломков ножевидных пластин без ретуши и кремневый клиновидный топор с суживающейся верхней частью. Топор изготовлен из серого мелового кремня. Лезвие от употребления сильно притуплено (рис. 1, 18).

В 1 м к юго-западу от жилища, на глубине 0,35 м, был обнаружен очаг (кострище) чашевидной формы, диаметром в 1—1,1 м, глубиной в 0,35 м, заполненный золистым песком с мелкими углями. С юго-восточной стороны жилища, на глубине 0,5 м, также находился очаг чашевидной формы, диаметром в 1 м, углубленный в желтый материковый песок на 0,35 м. В золистом заполнении очага были найдены четыре фрагмента неолитической керамики без орнамента и несколько отщепов кремня со следами пребывания в огне.

Судя по керамике и характеру кремневого инвентаря, поселение в уроч. Сосонка, по-видимому, можно датировать началом II тыс. до н. э. Подтверждением этой даты могут служить найденные в культурном слое поселения и в жилище кремневые треугольные наконечники стрел с выемкой в основании и с прямым основанием, обработанные пальчатой ретушью.

Наконечники стрел этого типа, характерные для памятников среднеднепровской культуры, и керамика поселения указывают на сосуществование позднеолитического населения с племенами среднеднепровской культуры, которые широко расселились на территории Верхнего Поднепровья в конце III — начале II тыс. до н. э.

Э. Б. ВАДЕЦКАЯ

АФАНАСЬЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК
НА РЕЧКЕ ЧЕРНОВОЙ

После выхода работы С. В. Киселева¹, подытожившей основные данные об афанасьевской культуре (до 1950 г.), число раскопанных афанасьевских могильников значительно увеличилось: раскопки А. Н. Липского (с. Бельтыры и улус Чаптыков, р. Камышта и ряд других у Аскиза)², Л. Р. Кызласова (р. Уйбат, 1958 г.)³, В. М. Старушенко (с. Моисеиха, 1959 г.), М. Н. Комаровой (Карасук-III, 1960—1962 гг.), Л. П. Зяблина (Малые Копены, 1961 г.), А. А. Гавриловой (г. Подсуханиха 1955, 1960 гг.). В 1962 г. Г. А. Максименковым был раскопан весь могильник на речке Черновой. Этот материал дал представление как об особенностях ритуала, так и о количестве погребенных, о их половом и возрастном составе.

Могильник Черновая VI расположен в 1,2 км от Енисея, в долине реки Черновой, на высокой террасе ее правого берега. Здесь на небольшой площади находились могильники различных эпох и среди них четыре афанасьевские ограды. После снятия почвенного слоя и зачистки оград выяснилось, что три ограды (1, 2, 4) имели форму кольца, внутренним диаметром 7—9 м. От оградки № 3 сохранились только остатки кладки в северной части сооружения, что не позволило установить ее первоначальную форму. Все ограды сложены из плитняка и сильно разрушены, на месте сохранились только камни нижнего ряда. Первоначальная ширина кладки всех оград была около 1 м.

В середине каждой из трех оград было вскрыто по прямоугольной яме с закругленными углами, размерами: 250—345×200—260, глубиной 75—90 см, вытянутой с В на Э. В оградах 1 и 4, между основной могилой и северной частью оградки, располагалось еще по одной могиле той же формы, но несколько меньшего размера: 140—230×135—170, глубиной 80 см, вытянутой с В на Э.

Кроме основных могил, на поверхности древней почвы обнаружены четыре впускные могилы. Итак, все четыре кольца могильника Черновая VI содержали шесть основных и четыре впускных грунтовых могильных ямы. Кроме того, обнаружены две могилы окуневского времени.

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 23 и др.

² А. Н. Липский. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Тэи. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 89; он же. Афанасьевские погребения в Хакассии. КСИИМК, вып. 47, 1952, стр. 67; он же. Раскопки 1953 г. в Хакассии. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 72; он же. Новые данные по афанасьевской культуре. Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, стр. 269.

³ Л. Р. Кызласов. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бююь СА. 1962. № 2, стр. 112.

В четырех центральных могилах сохранились остатки перекрытия из толстых бревен, размерами приблизительно 400×30 см; бревна были положены вдоль длинных стен, остатки бревен сохранились как за пределами ям, на бортах могил, так и в самих могилах. Две детские впускные могилы в ограде 1 были покрыты плитами, а в могиле 1 ограды 4 сохранились кусочки дерева от легкого деревянного перекрытия.

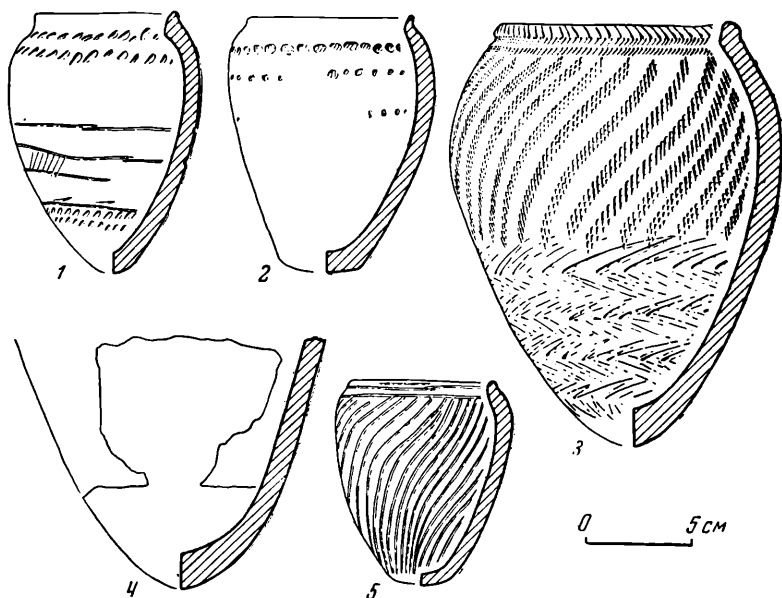

Рис. 35. Сосуды из афанасьевского могильника Черновая VI:

1 — огр. 1 мог. 3; 2 — огр. 4 мог. 1; 3 — огр. 1, мог. 1; 4—5 — огр. 2

Семь могил содержали индивидуальные погребения и три коллективные. Могилы сильно ограблены. Первоначальное положение некоторых погребенных, особенно в коллективных могилах, не устанавливается.

Инвентарь могильника невелик, возможно, из-за того, что он был ограблен. Керамика двух типов. Первый — обычные яйцевидные сосуды (четыре целых и четыре во фрагментах). Два маленьких имеют чуть уплощенное доньшко, другие — остродонные. Сосуды орнаментированы вдавлениями палочки по верхней части тулова, насечками по венчику, слабыми оттисками гребенки, елочкой и беспорядочными резными линиями по всей поверхности сосуда (рис. 35).

Второй тип — три очень больших сосуда (точные размеры не устанавливаются) с округлым туловом и чуть уплощенным дном. Венчик узкий, сильно отогнутый наружу. Орнамент — елочка, разные линии. По всему тулову видны следы заглаживания. Подобные сосуды найдены в могильниках у сел Тесь, Сыда, Карасук III⁴ и др.

Остальной инвентарь могильника состоит из медной обоймочки от деревянного предмета, каменного песта, трех камней со следами обработки, раковины и зубов животного. В могиле ограды 3 среди человеческих костей оказались кости барана; лопатка, позвонок и обломок трубчатой кости.

Размеры оград Черновой VI ближе всего оградкам могильника Красный Яр и Сыда, они больше оград, характерных для могильников под Афанасьевой горой и с. Тесь, но меньше размеров оград могильников Бельтыры

⁴ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Ежегодник музея им. Марьянова. Минусинск, 1929; он же. Афанасьевские курганы у сел Сыды и Теси. СА, 1936, т. II.

Малые Копены, Карасук III и др.⁵ По размеру и внешнему виду колец рассматриваемый могильник не выделяется среди других памятников. Как и на речке Черновой, в могильниках Красный Яр, Сыда и Тесь в оградах заключено как по одной, так и по две основных могилы. К этим памятникам данный могильник близок также по форме могильных ям и характеру перекрытия. И по инвентарю он также полностью подобен этим трем могильникам.

Следовательно, по размерам оград, по форме погребального сооружения и найденным вещам могильник Черновая VI ближе всего могильникам у сел Сыда, Тесь и Красный Яр, то есть ничем не отличается от той группы памятников, которую С. В. Киселев относил ко второму этапу афанасьевской культуры⁶.

Пол, возраст и прочие данные о погребениях в могильнике Черновой VI сведены в следующую таблицу:

№ оград и могил	Пол	Возраст	Положение	Ориентировка	Примечание
I 1	—	7—8 лет	Не устан.	Неясно	Череп, кости Нижняя часть, бедро, голени
	—	—	—	—	
	—	6 мес.	Неясно	З	
	—	Грудн.	—	—	
II 1	муж.	40—60	Неясно	З	На месте ноги, череп, кости
III 1	»	40—60	На спине	З	Череп, кости
	—	12—13	Неясно	—	Ноги
	—	8	Не устан.	—	Череп
	—	9	Правый бок	СЗ	Череп, кости
	—	4—6	Не устан.	—	Череп
	—	Новорожд.	» »	—	Кости
	муж.	40—60	» »	—	Череп, кости
IV 1	—	7	Правый бок	Ю	то же
	—	5	то же	Ю	»
	2	14—18	» »	С—З	»
	3	12—13	» »	З	»
	жен.	Старческ.	Неясно	З	»
	муж.	—	Не устан.	—	Бедро
	»	25—40	На спине	З	Череп, кости
	—	14—18	Правый бок	З	то же
	»	25—40	На спине	З	» »
	4—6	Не устан.	—	Череп	
	4—6	то же	—	то же	
	2 года	» »	—	» »	

Всего в могильнике на речке Черновой были похоронены 25 человек, в могильнике Афанасьева гора — 35 (на 18 колец), в Теси — 23 (15 колец), в Сыде — 21 (6 колец), Бельтыры — 28 (15 колец), Красном Яре — 11 (6 колец, половина могильника). Это сопоставление показывает, что могильник Черновая VI и по количеству погребенных является обычным рядовым памятником среди других того же времени.

⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 39; С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. 3, вып. 2, Л., 1927, стр. 57.

⁶ С. В. Киселев. Указ. соч.

В могильнике Черновая VI из 25 человек было два младенца грудного возраста, десять детей до 9 лет, два подростка 12—14 лет, три юношеского возраста 14—18 лет, и восемь взрослых. Дети составляют половину всех погребенных, а взрослые — одну треть общего количества умерших, что говорит об очень высокой смертности в детском и юношеском возрасте.

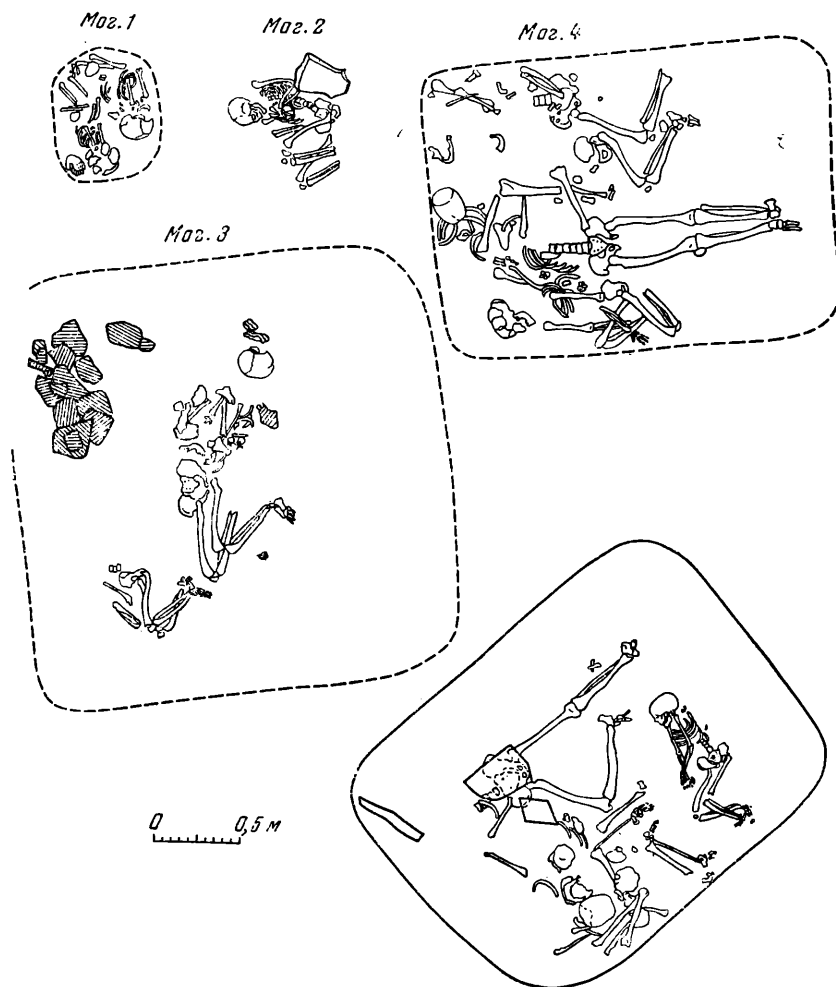

Рис. 36. Могилы оград 3 и 4, где можно установить первоначальное положение погребенных

Высокая смертность в раннем возрасте устанавливается и для могильника Карасук III.

Определить первоначальное положение погребенных в могильниках афанасьевской культуры порой бывает трудно из-за разрушенности могил, где на месте остаются непо потревоженными только отдельные части скелетов. В публикациях афанасьевских могильников указывается положение умерших как на спине, так и на боку, хотя аргументация в пользу того или иного положения не всегда приводится. Поэтому необходимо тщательно проанализировать характер положения погребенных в могильнике на реке Черновой.

Положение десяти относительно сохранившихся скелетов могильника Черновая VI (рис. 36) следующее:

Ограда III. В могиле этой ограды можно определить положение только двух погребенных: 1) Полный скелет девятилетнего подростка. Череп лежит на правом боку, левые ребра перекрывают позвоночник, кости рук перед грудью заходят одна за другую, левая часть таза приподнята, ноги согнуты в коленях направо. Вероятно, погребенный лежал на правом боку. 2) Мужчина 40—60 лет. На месте поясничный отдел позвоночника, таз, ноги. У позвонков видны левые поперечные отростки, правые уходят в землю, таз развернут, одна нога вытянута, другая согнута, очевидно, погребенный лежал на спине.

Ограда IV, могила 2. Скелет юноши 14—18 лет. Череп на правом боку, концы левых ребер чуть прикрывают позвоночник, правые ребра находятся в стороне от него, ноги согнуты в коленях направо. Погребенный был положен на правом боку.

Могила 3. 1) Женщина старческого возраста. На месте таз и ноги. Головка правого бедра под правой стороной таза, головка левого бедра лежит на середине расстояния между головкой правого бедра и левой вертлужной впадиной, положение погребенного на правом боку. 2) Скелет подростка 12—13 лет. На месте ноги, правая часть таза, три поясничных позвонка, предплечья. Головки бедер лежат в непосредственной близости одна от другой, левое бедро на правом, руки перед телом; это определяет положение погребенного на правом боку.

Могила 4. 1) Юноша 14—13 лет. Череп на правом боку, руки у правого колена, левая часть таза лежит сверху, видимо, он был положен на правом боку. 2) Мужчина 25—40 лет, отсутствует плечевой пояс и череп. Таз развернут, ноги вытянуты, грудная кость находится чуть справа от позвоночника, правые ребра перекрывают позвоночник, поясничный отдел отсоединился от грудного. Погребение было совершено на спине. 3) Скелет второго — юноша 14—18 лет; сохранились на месте часть таза и ноги, согнутые вправо. Головки бедер лежат рядом, левая часть таза лежит наружной стороной кверху; погребение совершено на правом боку. 4) Скелет мужчины 25—40 лет. На месте развернутый таз и правая нога, упавшая согнутой в колене. Положение — на спине.

Таким образом, в могильнике на речке Черновой устанавливается первоначальное положение погребенных — на правом боку и на спине. На правом боку положены как дети, так и подростки. На спине во всех трех определенных случаях положены мужчины. Является ли это случайностью или в могильнике имеется две разновидности положения, связанные с полом и возрастом, пока не может быть решено.

Удивляет почти полное отсутствие женских погребений (обнаружена только одна женщина. Определить же точно пол подростков 14—18 лет невозможно.

Предполагая, что подростки, погребенные в могиле 4, ограды IV рядом с мужчинами — женщины, можно думать, что начало брачного периода в афанасьевское время по материалам могильника Черновая VI падает на 12—13 лет.

Н. А. КИРЬЯНОВА

ФАТЬЯНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК У С. ИЛЬИНСКОЕ-ХОВАНСКОЕ

Летом 1963 г. в Тейковском районе Ивановской области Верхневолжской экспедицией под руководством Д. А. Крайнова были начаты раскопки Фатьяновского могильника у с. Ильинское-Хованское. Могильник расположен на небольшом холме в 0,5 км к западу от села. Холм вытянут с северо-запада на юго-восток, его размеры приблизительно 80×60 м. Поверхность холма распахана. Северный склон его понижается незначительно; юго-восточный склон наиболее крутой. Он опускается к заболоченной низине, высота холма над которой около 9—10 м. В этом отношении расположение могильника характерно для фатьяновских памятников. Всего на холме вскрыта площадь около 225 кв. м и обнаружено три фатьяновских погребения¹.

Погребение № 2 найдено к югу от погребения № 1. При снятии грунта на глубине около 0,3 м в глине появилось серое пятно овальной формы размером $1,5 \times 0,8$ м. Ориентировано пятно ЮВ — 130° . В заполнении встречались отдельные угольки. На глубине 0,6 м в северо-восточном углу могильной ямы обнаружен небольшой сосудик с высокой шейкой (рис. 37, 11) и маленькая чашечка (рис. 37, 10). Оба стояли вверх горлом. Около сосуда найден кремневый отщеп, а рядом с чашечкой — уголь. Кости скелета не сохранились. Видимо, погребение принадлежало ребенку. На это указывают малые размеры сосудов, изготовленных, вероятно, специально для детского погребения, бедность погребального инвентаря, небольшие размеры погребальной ямы и малая глубина захоронения.

Погребение № 3 обнаружено в юго-восточной стороне холма, пятно могильной ямы серого цвета с угольками в заполнении было ориентировано на СВ — 20° , и на глубине 1,2 м имело размеры $2,1 \times 1,4$ м. Ниже размеры пятна уменьшились до $1,8 \times 1,25$ м. На дне могильной ямы, на глубине 1,55 м, обнаружено погребение. Кости человека не сохранились. Почти в центре ямы найден топор-молоток (рис. 37, 5). Около него лежал кремневый отщеп с ретушью. Севернее топора обнаружен разбитый сосуд на боку (рис. 37, 6). Несколько в стороне от сосуда — кремневый клин (рис. 37, 4). В северном углу погребения найден кремневый нож. Второй сосуд (рис. 37, 7) стоял вверх горлом ближе к северо-восточному углу погребения. В нем находился кремневый отщеп. Рядом с вещами найдено несколько камней.

¹ На самой вершине холма находились заброшенная яма овощехранилища, в стенке которой был найден каменный сверленный топор-молоток, по-видимому, из разрушенного погребения, названного погребением № 1.

Пятно могильной ямы погребения № 4 было обнаружено в северной части холма почти под дерном. Его ориентировка СВ—350°, а размеры — 2,5×1,45 м. Заполнение пятна состояло вверху из сероватой супеси, а ниже из темно-красной глины с песчаными прослойками. В нем также встречены угольки. Края погребального сооружения в виде черных коротких прерывающихся полосок были прослежены только частично в северо-восточной и юго-западной сторонах ямы. Предположительно его размеры 2,3×1,0 м. Около северной стенки ямы обнаружены два сосуда. Сосуд с высокой шейкой (рис. 37, 9) стоял на дне, рядом с ним на боку лежал высокогорлый сосуд (рис. 37, 8). В южной стороне ямы обнаружен топор-молоток (рис. 1, 1). К юго-западу от него лежал кремневый клиновидный топор (рис. 37, 2). На дне могилы прослежена черная прослойка, вероятно, от дна могильного сооружения. Костей в погребении не обнаружено, но по инвентарю и его местоположению можно предположить, что в яме было погребение мужчины, положенного головой к югу.

Все рассмотренные погребения по обряду и инвентарю являются типичными фатьяновскими погребениями.

Кроме трех погребений, на могильнике прослежены три ямы без находок костей и вещей. Все они по форме, размерам, глубинам и ориентировке аналогичны ямам с вещами. В заполнении этих ям, состоящем, как и в могилах, из сероватого суглинка, встречались угли, камни, а в одной яме — сильно истлевшие кости².

Такие «пустые» погребения были обнаружены в Тимофеевском³ и Княгининском⁴ могильниках. Возможно, что в этих ямах в Ильинско-Хованском могильнике погребения были совершены без вещей, а костяки не сохранились, как и в погребениях с вещами (за исключением истлевших костей в яме № 2). Но вероятнее предположить, что это могильные ямы, над которыми в честь умерших был совершен определенный обряд, но не были положены ни вещи, ни сами умершие.

В погребениях Ильинско-Хованского фатьяновского могильника найдено шесть сосудов, два топора-молотка, два кремневых клина, кремневый нож и несколько отщепов.

Оба сосуда из погребения № 2 красного цвета, сделаны небрежно из глины с большой примесью песка. На стенках сосудов заметны серые небольшие пятна, вероятно, следы обжига. Оба сосуда без орнамента. Сосуд № 1 из этого погребения (рис. 37, 10) — маленькая круглодонная чашечка. Второй сосуд (рис. 37, 11) тоже маленького размера. Он имеет шейку, немного расширяющуюся кверху, довольно крутые плечики, почти отвесные бока и округлое дно с едва заметным уплощением.

Оба сосуда из погребения № 3 темно-серого цвета, плохо обожжены, со следами лощения на поверхности. В глине большая примесь песка. Сосуды шаровидные, с высокой шейкой, с крутыми плечиками и плавным округлым туловом. Орнамент на сосудах расположен в две зоны. На сосуде № 1 узор нанесен мелкозубчатым штампом. По краю немного отогнутого венчика идут вертикальные оттиски. На шейке и плечиках — елочный орнамент. Заканчивается узор горизонтальным зигзагом. Небольшая ямка на дне окружена расходящимися в стороны оттисками той же гребенки и зигзагом (рис. 37, 6).

Орнамент сосуда № 2 выполнен нарезками. Он состоит из ряда наклонных насечек и двух рядов ромбов на шейке, таких же насечек и одного ряда ромбов — на плечиках. Завершается орнамент двойным зигзагом. Очень

² Эти ямы названы нами № 1, 2, 3. См. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1963 г. Архив ИА АН СССР.

³ Д. А. Крайнов. Отчет о работах Верхневолжской экспедиции 1959—1961 гг. Архив ИА АН СССР, № 2008, 2215, 2335.

⁴ Д. А. Крайнов. Отчет об археологических раскопках Верхневолжской экспедиции 1961 г. Архив ИА АН СССР, № 2335.

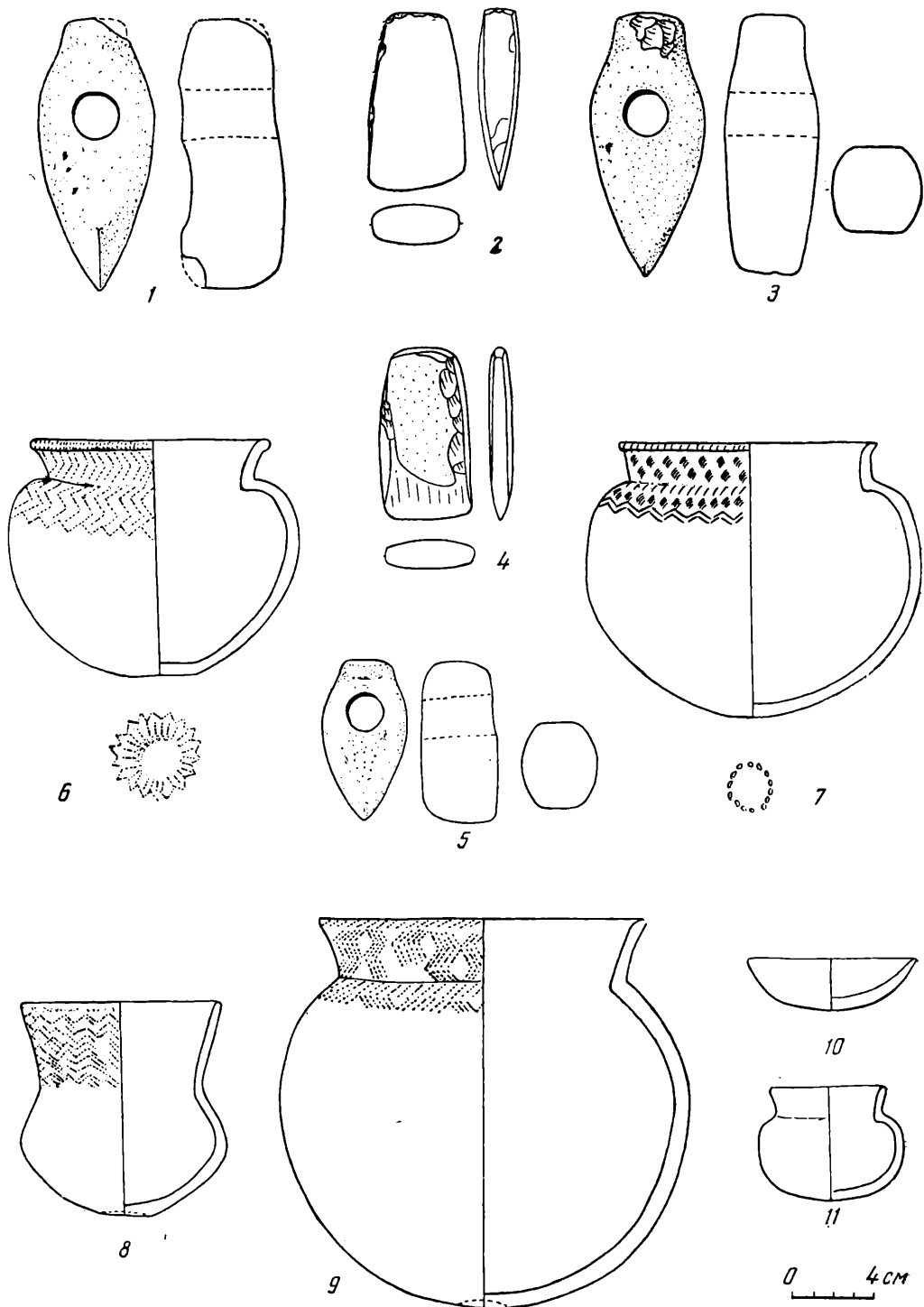

Рис. 37. Находка из могильника у с. Ильинское-Хованское

1 — топор из погр. № 4; 2 — каменный топор из погр. № 4; 3 — топор из погр. № 1; 4 — каменный топор из погр. № 3; 5 — топор из погр. № 3; 6—7 — сосуды из погр. № 3; 8, 9 — сосуды из погр. № 4; 10, 11 — сосуды из погр. № 2

неглубокая ямка на дне окружена мелкими овальными вдавлениями (рис. 37, 7).

Сосуды из погребения № 2 красного цвета, сделаны из глины с большой примесью песка и плохо обожжены. Орнамент на сосудах нанесен зубчатым штампом. Сосуд № 1 из этого погребения (рис. 37, 9) с высокой шейкой и с округлым туловом. На дне сосуда небольшая круглая ямка. Орнамент расположен на сосуде в две зоны. Основным мотивом его являются группы из параллельных оттисков, расположенные под углом друг к другу. Второй сосуд из погребения № 4 (рис. 37, 8) небольшого размера с более длинной, чем у остальных сосудов, шейкой раструбом и туловом, расширяющимся почти в середине. На дне сосуда небольшое углубление, на тулове чуть заметны следы лощения. Орнамент на сосуде нанесен только на шейке и состоит из нескольких (около девяти) горизонтальных рядов зигзага, выполненного очень небрежно.

Обращает на себя внимание однородный характер керамики в каждом комплексе.

Топоры-молотки встречены в погребениях № 3 и 4.

В погребении № 3 найден короткообушковый топор (рис. 1, 5) из серого диорита. Топор из погребения № 4 очень плохой сохранности (рис. 1, 1). Небольшой обушок этого топора четко выражен, на тыльной стороне маленькая лопасть. В разрушенном погребении № 1 также найден обушковый топор (рис. 1, 3).

Кремневый инвентарь погребений состоит из клиньев, ножа и отщепов.

Клиновидные топоры трапециевидной формы, найденные в погребениях № 3 (рис. 1, 4) и 4 (рис. 1, 2), имеют среднюю величину. Поверхность их хорошо заполирована, сечение подпрямоугольное.

Нож из погребения № 3 сделан на изогнутой трехгранной пластине с острым концом, по краям которой нанесена ретушь.

В погребениях № 2 и 3 найдены три небольших отщепа. На основании анализа форм вещей из погребений могильника у с. Ильинско-Хованское его с уверенностью можно отнести к памятникам ярославско-калининской группы фатьяновской культуры⁵. По форме и орнаменту сосуды могильника в основном близки керамике из таких могильников, как Фатьяновский⁶, Вауловский⁷, Горкинский⁸, Халдеевский⁹ и Тимофеевский¹⁰ могильники. Но ряд сосудов имеет некоторое своеобразие. Это прежде всего высокогорлый сосуд из погребения № 4. Хотя в фатьяновских памятниках и встречены сосуды с длинными шейками, сосуд из этого погребения скорее близок найденным в памятниках среднеднепровской культуры¹¹.

В памятниках ярославско-калининской группы орнамент, подобный нанесенному на этом сосуде, встречен только на керамике из Ворокского¹² и Говядиновского¹³ могильников. Подобный орнамент встречен также на сосуде из погребения № 5 Протасовского¹⁴ могильника. Гораздо чаще такой

⁵ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа САИ, В 1—19, 1963, стр. 5.

⁶ Коллекции ГИМ, № 1516.

⁷ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Труды ГИМ, вып. XII, 1941, табл. VI, 4—6, VII, 3.

⁸ О. А. Крицова-Гракова. Горкинский могильник. Труды ГИМ, вып. VIII, 1938 г. Табл. III, 1, 3; IV, 3, 4; табл. V, 2.

⁹ А. Л. Никитин. Отчет о раскопках Ростовским отрядом Верхневолжской экспедиции в Ростовском районе Ярославской области Халдеевского могильника 1959 г. Архив ИА АН СССР, № 1987, т. 17.

¹⁰ Д. А. Крайнов. Тимофеевский могильник. Отчет о раскопках 1959—1961 гг. Архив ИА АН СССР, № 2008, 2215, 2335.

¹¹ Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947, рис. 12, 6.

¹² Ярославский музей-заповедник, № 7006.

¹³ В. И. Смирнов. Говядиновский могильник. СА, 1947, IX, табл. II, 12.

¹⁴ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры, стр. 28.

узор встречается на сосудах Балановского¹⁵ могильника. Также в Балановском могильнике находят ближайшие аналогии и орнамент другого сосуда из погребения № 4 Ильинско-Хованского могильника¹⁶, хотя основной мотив этого узора встречен и в ряде могильников московской и ярославско-калининской групп. Обломки керамики с таким орнаментом найдены также при раскопках поселения Дикариха¹⁷.

Топоры-молотки и клинья, найденные в Ильинско-Хованском могильнике, по формам близки топорам из ряда могильников ярославско-калининской группы: Фатьяновский¹⁸, Вауловский¹⁹ и Тимофеевский²⁰ могильники.

Ножи и отщепы также являются типичной находкой в погребениях фатьяновской культуры.

Раскопки Ильинско-Хованского могильника дают новые материалы для изучения ярославско-калининской группы фатьяновской культуры и выяснения ее связей с восточным вариантом.

В настоящее время раскопками и разведками Верхневолжской экспедиций в районе, где расположен Ильинско-Хованский могильник, установлено наличие большого количества фатьяновских памятников, находящихся иногда в нескольких километрах друг от друга²¹.

Осенью 1963 г. в 2 км от с. Ильинское-Хованское при закладке карьера на холме «Гулянка» были найдены кости человека и черепки от сосуда с высокой шейкой и с типичным орнаментом ярославской группы²².

Раскопки Ильинско-Хованского могильника не дают достаточных данных для его датировки, но учитывая, что в формах и орнаментике сосудов заметна связь с поздними памятниками ярославско-калининской группы, такими, как Вауловский, Горкинский, Фатьяновский и Волосовско-Даниловский, а также с Балановским могильником, Ильинско-Хованский могильник можно также считать одним из поздних памятников этой группы. Дальнейшие работы на могильнике, вероятно, дадут новые материалы, которые позволят говорить о датировке памятника более определенно.

¹⁵ М. С. Акимов а. Балановский могильник. КСИИМК, вып. XVI 1947, рис. 39, 1, 8; О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, рис. 63, 91, 135, 2.

¹⁶ О. Н. Бадер. Указ. соч., рис. 139, 2.

¹⁷ А. Л. Никитин. Отчет о работе Переславского отряда Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР в Ростовском районе Ярославской области, 1960, Архив ИА АН СССР, № 2215, табл. 20, 13.

¹⁸ Коллекции ГИМ, № 1516.

¹⁹ Д. А. Крайнов. Вауловский могильник, табл. III.

²⁰ Д. А. Крайнов. Тимофеевский могильник.

²¹ Д. А. Крайнов. Отчет о разведках и раскопках Ярославской археологической экспедиции 1958 г. Архив ИА АН СССР, № 1819.

²² Наличие могильника установлено сотрудниками Ильинско-Хованского музея А. Л. Платоновой и Д. Е. Чернявским.

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ

ФАТЬЯНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК У ДЕР. КРИВЦОВО

Кривцовский могильник расположен в западной части Ивановской области. Его окружают многочисленные фатьяновские могильники, часть которых открыта в последние годы. К западу находятся Аньковский (Перловский), Милославский, Данильцевский, разрушенный Ядреевский и два могильника у с. Ильинское-Хованское, к северо-востоку — Мытищинский, Добрищевский, Тимофеевский, Жарковский могильники¹. Могильники расположены на холмах моренного происхождения, окруженных болотистыми низинами. В июне 1963 г. в карьере на вершине холма в 1 км к востоку от дер. Кривцово Тейковского района рабочими на глубине 2 м обнаружено фатьяновское погребение № 1 (рис. 38). Хорошо сохранившиеся человеческие череп и кости лежали в направлении с севера на юг «на темном слое». При костяке обнаружены каменный сверленный лопастный топор, полировальная песчаниковая плита и глиняный плоскодонный сосудик, верхняя часть которого отбита и утеряна². В августе 1963 г. Верхневолжская экспедиция под руководством Д. А. Крайнова провела раскопки Кривцовского могильника. Холм Козловец, на котором находится могильник, высотой 7—8 м вытянут с юго-запада на северо-восток и со всех сторон окружен болотистой низиной. С восточной и южной стороны холма течет речка Черемуха, соединяющаяся через р. Суходу с Нерлью Клязьминской. Вершина холма распахана, под пашней залегают глина с гравием, ниже песок с гравием, подстилаемые чистым песком. Карьер глубиной в 1,5—2 м занимает небольшую площадь холма (15×14 м). За время раскопок была вскрыта площадь в 800 м² и обнаружено четыре фатьяновских погребения³ (рис. 38). Погребение № 2 (рис. 39, 1) находилось в желтоватом песке с гравием. Верхняя часть могилы разрушена карьером. В заполнении коричневой глинистой массы с небольшой примесью гравия попадались угольки и мелкие редкие вкрапления красной охры. Пятно, вытянутое с СВ на ЮЗ, имело на глубине 60 см размеры 1,60 × 1,30 м, на глубине 95 см — 0,90 × 0,57 м. В СВ половине могилы найдены два небольших сосуда, глиняная чашечка,

¹ Раскопки А. Ф. Дубынина в 1934 г. Ивановский музей № 2584/8606; Д. А. Крайнов. Новые памятники фатьяновской культуры. КСИА, вып. 84, 1961; О. Н. Бадер. Мытищинский могильник фатьяновского типа. КСИИМК, вып. 75, 1959; А. Ф. Дубынин. Отчет об археологических исследованиях в Ивановской области. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М., 1941; Д. А. Крайнов. Отчеты Верхневолжской экспедиции за 1958—1961 гг. Архив ИА АН СССР, № 1819, 2008, 2215, 2335.

² Ильинско-Хованский музей, № 4208—4210. Место находки было обследовано сотрудниками музея Д. Е. Чернявским и А. Л. Платоновой.

³ Кроме того, у восточного края карьера найдены три могилы с поздними захоронениями.

и кремневый топор, на ЮЗ части могилы — тонкая кремневая пластинка. У сосуда № 3 и внутри него лежали кости животного. Скелет не сохранился. Дно могилы было несколько углублено в центре. Судя по размерам могильной ямы и характеру погребального инвентаря, здесь, видимо, был похоронен ребенок.

Погребение № 3 (рис. 39, 2) найдено в желтоватом песке. Могильное пятно серо-коричневого цвета размерами 2×1,5 м было ориентировано с СЗ — ЮВ. У южной части могильной ямы и в северо-восточном углу были

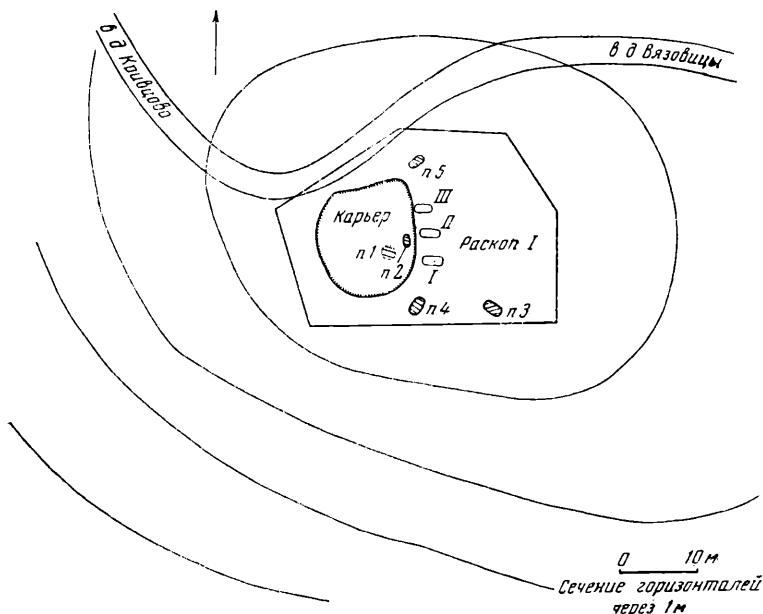

Рис. 38. План Кривцовского могильника

замечены пятна глины. В центре могилы заполнение отличалось серым цветом и шло до дна могилы, являясь, видимо, результатом провала могильного перекрытия. Размеры погребального сооружения 1,60×0,90 м, высота 40 см; толщина полосок тлена 0,5—1 см. На дне могилы на глубине 1,50 м, на темном тлене дна сооружения найдено погребение с вещами. Костяк не сохранился. Череп, плохой сохранности, лежал на левой стороне, ориентирован на ЮВ. К юго-западу от черепа лежал кремневый клиновидный топор лезвием к центру могилы. У стенки сооружения были положены кости животного очень плохой сохранности, кремневый скобель, два кремневых отщепа, кремневая проколка, изогнутое костяное орудие, кабаньих клык, шесть зубов свиньи⁴ со сверлинами, рядом — кремневый отщеп. В юго-западном углу ямы развал трех сосудов — один низкошейный, орнаментированный, два сосуда с высокой шейкой без орнамента. Недалеко от сосудов найден клык собаки со сверлиной. Судя по характеру инвентаря, в этой могиле была погребена женщина.

Погребение № 4 (рис. 39, 3), могильное пятно которого на глубине 30 см имело расплывчатые очертания и выделялось коричневато-серым цветом заполнения, состоявшего из песка с гравием, на глубине 1 м приобрело подпрямоугольную форму. Размеры его 2,60 × 1,70 м, ориентировано — СВ — ЮЗ. На глубине 1,40 м в погребальном сооружении обнаружены остатки костяка, лежавшего на правом боку головой на ЮЗ, лицом

⁴ Osteологический материал определен проф. В. И. Цалкиным.

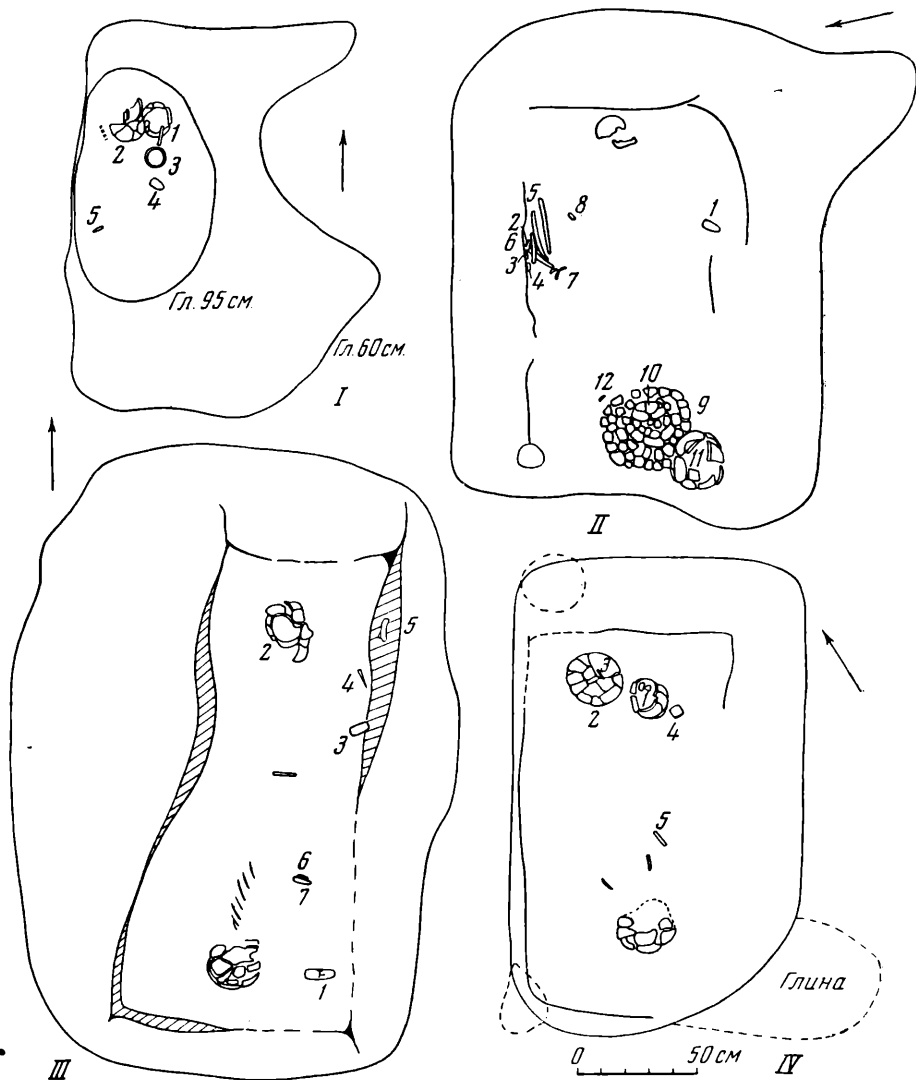

Рис. 39.

I — погребение 2: 1—3—сосуды; 4—кремневый клин; 5—ножевидная пластина; II — погребение 3: 1 — кремневый клин; 2, 3, 4, 8 — кремневые орудия и отщепы; 5 — костяное орудие; 9, 10, 11 — сосуды; 12 — клык собаки; III — погребение 4: 1 — сверленный топор; 2 — сосуд; 3 — кремневый клин; 4 — костяная проколка; 5 — кость животного; 6 — окись меди; 7 — кремневый нож; IV — погребение 5: 1, 2 — сосуды; 3 — кость животного; 4 — кремневый клин; 5 — кремневый нож

на В. Череп раздавлен, от костяка сохранились ребра и частично кости ног. Погребальное сооружение размерами 2×1 м, высотой 46 см, прослежено в виде полос и напластований темного тлена. Верхняя часть тлена сооружения, шириной в 11 см, загибалась внутрь над погребением. Стенки сооружения деформированы и вдавлены внутрь. По углам сооружения выступали изогнутые отростки значительной длины — от 10 до 25 см. Видимо, сооружение было довольно массивным, так как в углах его темный тлен достигал толщины в 10 см, а в юго-западной части — 5 см толщины. Дно сооружения прослеживается в виде тонкой прослойки. В погребении найдены каменный сверленный топор, обращенный лезвием к черепу, раздавленный сосуд с зигзагообразным орнаментом, кремневый клиновидный

топор, лежавший лезвием внутрь погребения, и костяная проколка, за стенкой могильного сооружения — лопатка животного.

На уровне нижних ребер в темном тлене обнаружены остатки какого-то медного предмета, под тленом — кремневая ножевидная пластина.

Погребение № 5 (рис. 39, 4) обнаружено в слое светлого песка. Пятно расплывчатых очертаний приобрело четкие контуры только на глубине 95 см. По краям его прослежены коричневые, шириной в 10 см, полосы, в центре заполнение имело серый цвет и шло до дна могилы на глубину 1,25 м. Пятно ориентировано СВ—ЮЗ, размеры его 2 × 1,2 м. Погребальное сооружение сохранилось плохо. Тонкие полосы тлена от стенок шириной 0,8—1 см прослежены не везде. Костяк почти не сохранился. Раздавленный череп лежал на правой стороне, ориентирован на ЮЗ, лицом на В. В погребении в ногах найдены: высокошейный неорнаментированный сосуд, рядом с ним раздавленная крупная чашка с орнаментом, на ней кость животного, вблизи кремневый короткий клиновидный топор лезвием к сосуду и кремневый нож в области грудной клетки.

В пяти погребениях Кривцовского могильника обнаружено два сверленных топора, четыре кремневых клина, шесть кремневых орудий и три отщепы, подвески из клыков животного со сверлиной, два костяных орудия, полировальная плита, кости животных и десять сосудов.

Каменные сверленные топоры по форме обычны для фатьяновских могильников Ярославской группы. Топор с усеченно-коническим обухом из погребения № 4, длиной 11,5 см, сделан из зеленовато-серого шероховатого камня и у лезвия вторично подшлифован (рис. 40, 16). Серый диоритовый топор из погребения № 1, длиной 15,6 см, отличается удлинённостью пропорций и невысокой лопастью. Поверхность его гладко заполирована. Лезвие остро заточено (рис. 40, 17). Кремневый инвентарь Кривцовского могильника отличается разнообразием. Клиновидные топоры невелики по размерам и различны по форме. Все они использовались для работы, о чем свидетельствуют небольшие щербинки на лезвиях. Гладко полированный кремнь различен по цвету — розовато-желтый (рис. 41, 9), коричневый с голубыми пятнами (рис. 40, 10), серый (рис. 40, 11) и светло-серый (рис. 40, 12). Все топоры имеют прямоугольное сечение и трапециевидную или почти квадратную форму (рис. 40, 11)⁵.

Кремневые орудия в погребениях № 3—5 сделаны из однотипного листоватого кремня. Это скобель (рис. 40, 2), проколка-сверло (рис. 40, 3), плоский скребок (рис. 40, 4) и ножевидные пластины (рис. 40, 1, 7, 8). На орудиях заметны следы работы. В детском погребении № 2 нож заменяет тонкая пластина серого цвета с подретушированным краем (рис. 40, 1).

Полировальная плита из красноватого песчаника, найденная в погребении № 1, имеет сильно сработанные и вогнутые в центре стороны. Размеры плиты: 23,5 × 3,4 см. Подобные плиты найдены в соседних Тимофеевском, Аньковском и Жарковском могильниках и известны на всей территории распространения фатьяновской культуры.

Костяные орудия немногочисленны — это проколка из погребения № 4 из кости овцы или козули (рис. 40, 3, 15) и изогнутое костяное орудие плохой сохранности длиной 19,5 см из погребения № 3.

Каменный и костяной инвентарь Кривцовского могильника обычен для могильников Ивановской области. Прямоугольные в сечении клиновидные топоры характерны для Ивановской области и западных областей фатьяновской культуры.

Керамика Кривцовского могильника представлена девятью круглодонными и одним плоскодонным сосудом. Среди круглодонных сосудов выделяются следующие формы: а) с высоким шаровидным туловом и хорошо

⁵ Подобный топор найден в дер. Щенниково Ильинского района. Хранится в Ильинско-Хованском музее, № 2183.

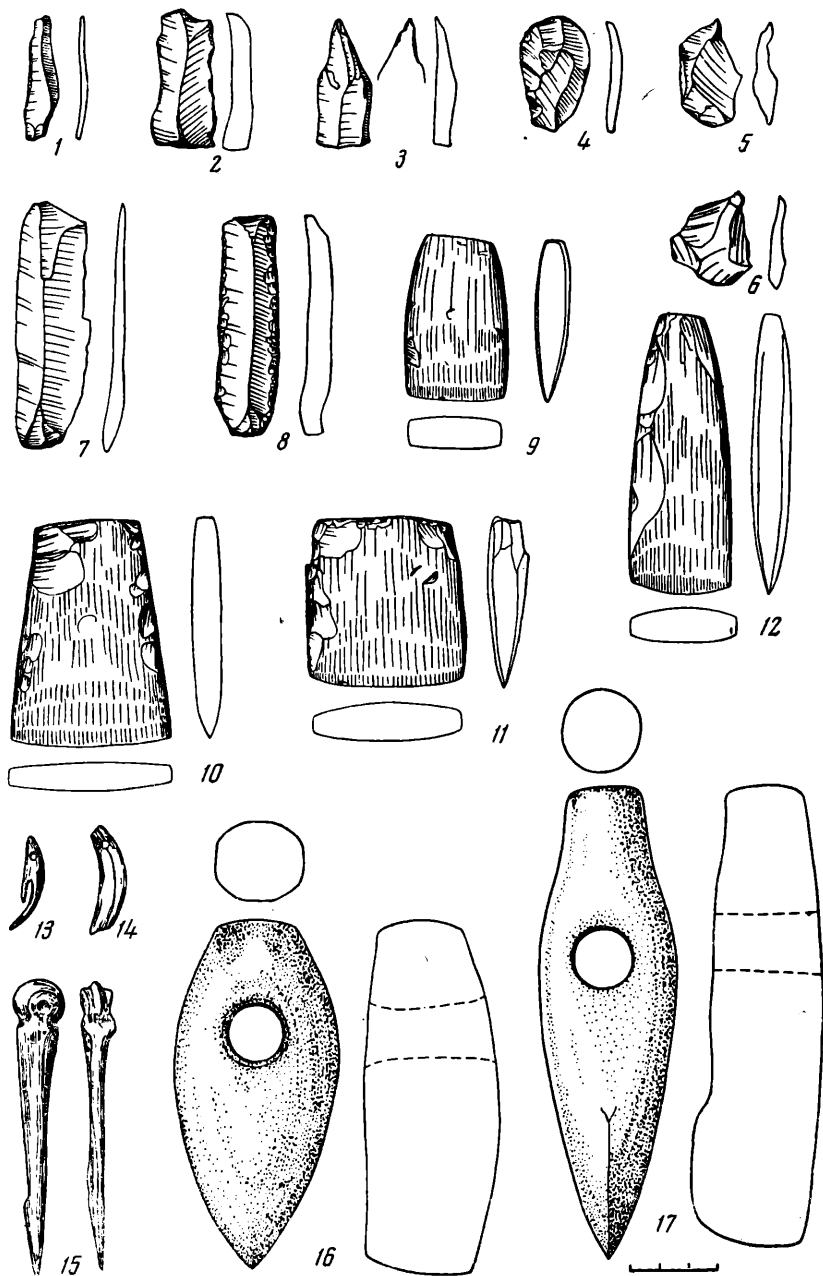

Рис. 40. Погребальный инвентарь Кривцовского могильника:

погребение 1: 17 — каменный топор; погребение 2: 1 — кремневая пластинка; 9 — клиновидный топор; погребение 3: 2—6 — кремневые орудия; 12 — топор; 13, 14 — подвески; погребение 4: 7 — кремневая пластинка, 10 — топор, 15 — проколка, 16 — топор; погребение 5: 8 — нож, 11 — топор

профилированной шейкой (рис. 41, 7, 8); б) шаровидный сосуд с низкой отогнутой шейкой (рис. 41, 9); в) сосуды с округлым несколько уплощенным туловом и слабо расширяющейся шейкой (рис. 41, 5, 6); г) сосуд с приземистым туловом и высокой шейкой (рис. 41, 4); д) сосуд с открытым горлом и невысокими плечиками (рис. 41, 3); е) чашевидные сосуды с ручками (рис. 41, 2, 10). Шесть сосудов из десяти орнаментированы отгисками

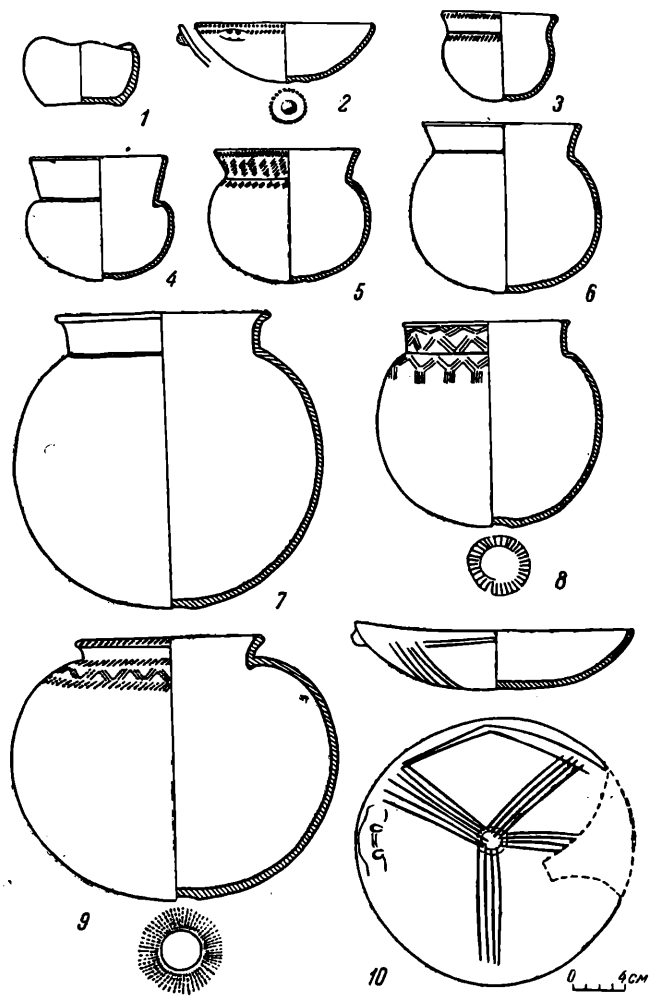

Рис. 41. Керамика Кривцовского могильника:

1 — погребение 1; 2, 3, 5 — погребение 2; 4, 7, 9 — погребение 3; 8 — погребение 4;
6, 10 — погребение 5

мелкозубчатого штампа и прочерченными линиями, остальные сосуды не имеют орнамента. По технике выделки они сходны с известной ранее фатьяновской керамикой. Желтовато-коричневая или сероватая поверхность сосудов заглажена и иногда залощена. В тесте заметны примеси дресвы (кварц), песка и, возможно, шамота. Почти все сосуды имеют на днищах ямки.

Плоскодонный сосуд из погребения № 1 (рис. 41, 1) плохо обожжен. Поверхность снаружи розовато-серого цвета, бугристая и заглажена травой. Внутри сосуд почти не заглажен. Плоское дно, видимо, вклеено отдельно. Его окружает полукольцо с неровными сглаженными краями. После формовки дно уплощено на какой-то ровной поверхности, так как кольцо

прямато. Появление сосудов различной формы с уплощенным и плоским дном наблюдается в поздних фатьяновских могильниках⁶.

Сосуды из погребения № 2 небольших размеров, заглажены. Сосуд 1 (рис. 41, 5) красновато-желтого цвета. Округлое вдавление на дне его диаметром 3,2 см имеет неровный выступ в центре. Орнамент состоит из коротких оттисков гладкого штампа, образующих ромбы и косую решетку, и расположен на шейке и плечиках. Шейка отделена от плечиков прочерченной бороздой. Сосуд 2 (рис. 41, 2) — круглодонная чашечка желтовато-серого цвета с небольшой горизонтальной ручкой с двумя отверстиями.

Орнаментирована она двумя рядами неправильной формы вдавлений по краю и кольцом вдавлений вокруг неглубокой ямки с выступом в центре на дне. Сосуд 3 (рис. 41, 3) — маленький коричневатого-серый, орнаментирован рядом косых оттисков по краю венчика и по верху невысоких плечиков, шейка отделена бороздкой. На дне сосуда небольшая вмятина. Сосуды из погребений № 3 и 4 сделаны более тщательно, залощены снаружи и заглажены внутри. В глине сосудов 1, 2, помимо дресвы, заметна примесь шамота (?). Сосуд 1 желтого цвета (рис. 41, 9), шаровидной формы с низкой шейкой, орнаментирован оттисками зубчатого штампа. На дне сосуда округлая неглубокая ямка, окруженная одним рядом оттисков зубчатого штампа. Сосуд 2 (рис. 41, 7) — большой круглодонный без орнамента, коричневатого цвета со следами копоти. У основания шейки прочерчена бороздка шириной в 3 мм. На дне сосуда нечеткое углубление. Сосуд 3 (рис. 41, 4) — серого цвета, также неорнаментирован. Высокая шейка несколько вдавлена в плечики, край венчика плоский. На дне неглубокая вмятина. Сосуд из погребения № 4 (рис. 41, 8) — красноватого цвета с пятнами копоти, внутри серовато-коричневый. Орнамент на шейке и плечиках нанесен небрежно и состоит из оттисков мелкозубчатого штампа, образующих зигзагообразный узор. На плечиках от зигзага спускается бахрома из 18 шевронов из четырех — семи оттисков штампа. На дне сосуда неглубокая ямка, окруженная кольцом из насечек. Сосуды пятого погребения отличаются небрежностью выделки и имеют бугристую, плохо заглаженную поверхность. Сосуд 1 (рис. 41, 6) — красноватого цвета с серыми пятнами, без орнамента. На дне с внешней стороны заметен слабывступающий грубый налп диаметром 4,5 см с некоторым подобием ямки в центре. Шейка отделена от плечиков неровной бороздкой. Толстенная глиняная (рис. 41, 10) тарелка красноватого цвета имеет у края грубо примазанную ручку с двумя отверстиями. На дне — уплощение диаметром 7 см, в центре которого находится углубленное кольцо диаметром 2,2 см. Орнамент из тонких прочерченных линий образует крест на дне сосуда и нанесен крайне небрежно. В глине заметны примеси дресвы и шамота (?).

Почти все сосуды Кривцовского могильника имеют аналогии в известных ранее фатьяновских памятниках. Неорнаментированные сосуды нетипичны для ярославской группы и сближают керамику Кривцова с такими могильниками Московской области, как Сущевский, Протасовский, Верейский, Истринский, Кузьминский, в комплексах которых сосуды без орнамента составляют значительный процент⁷. Возможно, наличие большого числа неорнаментированных сосудов в Кривцовском могильнике указывает на сравнительно позднюю дату памятника⁸.

⁶ В. М. Раушенбах. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз. Труды ГИМ, вып. 37, 1960; О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, стр. 270.

⁷ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. САИ, В 1—19. М., 1963, табл. II, III, V; О. Н. Бадер. Фатьяновские могильники Северного Подмосквья. МИА, № 13, 1950; он же. Кузьминский могильник фатьяновского типа под Москвой. Археол. сборник, вып. 5. Л., 1962.

⁸ В Балановском могильнике сосуды без орнамента найдены в поздних погребальных комплексах (П. М. Кожин. Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников. СА, 1963, № 3, стр. 32, 33).

Сосуд 3 из погребения № 3 с высокой цилиндрической шейкой (рис. 41, 4) сходен с небольшими сосудами без орнамента из Протасовского (погребение № 2) и Сушевского, (погребение № 2) могильников. Сосуд этот, видимо, является одним из вариантов формы, представленной в Фатьяновском могильнике неорнаментированным цилиндрошейным сосудом. Цилиндрошейные сосуды редки в фатьяновских могильниках. На территории Ивановской области найдено два орнаментированных сосуда этого типа — в Добришевском и вновь раскопанном в 1963 г. Верхневолжской экспедицией Ильинско-Хованском могильниках. Формы с высоким горлом и низким туловом типичны для памятников позднего периода Среднеднепровской культуры, откуда они и могли быть заимствованы фатьяновским населением⁹.

Кубковидный сосудик из погребения № 2 напоминает подобные сосуды из Кузьминского и Протасовского могильников, отличаясь более открытой формой горла. Шаровидный сосуд с низкой отогнутой шейкой характерен для ярославской группы памятников. Сосуды с высоким шаровидным туловом из погребений № 3 и 4, с одной стороны, напоминают некоторые сосуды удлинненной бомбовидной формы¹⁰ из могильников московской группы, с другой стороны, сходны с сосудами высоких форм Балановского могильника¹¹. Сосуд из погребения № 4 (рис. 4, 8) по форме и орнаментации особенно близок одному из сосудов Чурачикского кургана в Чувашии¹². Зигзаг из параллельных линий известен только на немногих сосудах из могильников восточной части Ивановской области, примыкающих к Волге (Горки, погребения № 6 и 13, Скоморохово, Юрьевец)¹³ и, видимо, ближе связанных с фатьяновскими памятниками Чувашии.

Особенно интересны найденные в Кривцовском могильнике чашевидные сосуды с ручками (рис. 41, 2, 10). Известные, правда в небольшом количестве, чашки из других фатьяновских могильников¹⁴ ручек обычно не имеют, только на некоторых экземплярах у края чашки находятся одно или два небольших круглых отверстия. Ближайшей аналогией Кривцовским сосудам с ручками является неорнаментированная чашка из погребения 102 могилы 63 Баланова. У края этой чашки сохранился небольшой обломок ручки с вертикальным отверстием¹⁵. Чашеобразные сосуды с одной ручкой встречаются в культурах боевых топоров Западной Европы. Плоскодонные чашки, найденные на территории Дании и появляющиеся на среднем этапе развития культуры одиночных погребений, имеют одну горизонтальную ручку у края с двумя сквозными отверстиями¹⁶.

⁹ И. И. Артеменко. Среднеднепровская культура. СА, 1963, № 2, стр. 16, рис. 2; В. В. Кропоткин. Бельнецкие курганы и стоянка. КСИИМК, вып. VII, XI, 1952, стр. 105, рис. 32, 8.

¹⁰ Д. А. Крайнов. Памятки фатьяновской культуры. САИ, В 1—19, табл. VI, 2, 3.

¹¹ О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, стр. 203, рис. 33—1; П. М. Кожин. Указ. соч., стр. 26, 27, рис. 1.

¹² В. Ф. Каховский. Чурачикский курган в Чувашии. СА, 1963, № 3, стр. 177, рис. 7, 2.

¹³ О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник. Труды ГИМ, вып. VIII, 1938, табл. VI, 5, VII, 1; О. С. Гадзьяккая. Фатьяновский могильник балановского типа в Ивановской области. СА, 1963, № 1, рис. 2—7; Коллекция Ивановского музея № 2444, 4.

¹⁴ Горкинский — погребение № 1 и 3 (О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч.; табл. III, 3; табл. IV, 4); Вауловский — погребение 12 (Д. А. Крайнов. Вауловский могильник Труды ГИМ, вып. XII, табл. VI, 4); Истринский — погребение № 1 (Д. А. Крайнов. САИ, В—19, табл. VII, 14); Олочинский — погребение № 3 (Д. А. Крайнов. Отчет за 1961 г. Архив ИА АН СССР № 2335); Фатьяновский — две чашки (Колл. ГИМ, № 55428, 225, 254); Ильинско-Хованский — погребение 2; Волосовско-Дониловский Даниловского р-на Ярославской обл. — три чашки, раскопки Д. А. Крайнова 1963 г. Балановский могильник (О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, стр. 196).

¹⁵ Колл. Ин-та антропологии, № 425, 890.

¹⁶ P. V. Glob. Studier over den jyske Enkeltgravskultur, Aarbøger 1944, København, 1945, стр. 83, рис. 47, 49, 50.

Чашевидные сосуды в фатьяновских могильниках встречаются преимущественно в детских погребениях. В Баланове «чашки являются принадлежностью исключительно детских могил»¹⁷. В Олочинском могильнике орнаментированная чашка найдена в детском погребении № 3. В Горкинском (погребение № 1), Вауловском (погребение № 12) и Кривцовском (погребение № 2) могильниках чашки найдены, видимо, также при детских захоронениях, о чем свидетельствуют небольшие размеры найденных в этих могилах вещей. Необычна для Ярославской группы памятников орнаментация тарелки из погребения № 5 (рис. 41, 10). На дне небрежно воспроизведен прерываемыми линиями крест, составляющий основу композиции на чашевидных сосудах из Балановского могильника¹⁸. Крестообразный узор на дне характерен для высокошейных сосудов из кургана Атли-Касы и украшает некоторые сосуды Баланова¹⁹. Керамика Кривцовского могильника носит смешанный характер. В отличие от прочих памятников западной части Ивановской области, в ней проявляются черты, позволяющие сближать ее с керамикой поздних комплексов Балановского могильника, в которых заметно влияние памятников типа Атли-Касы²⁰.

Несмотря на то, что Кривцовский могильник не раскопан полностью, можно предполагать, что в целом он небольшой и, видимо, существовал непродолжительное время. Кривцовский могильник вместе с соседними фатьяновскими могильниками Ивановской области образует несколько обособленную группу. Большое количество могильников в ней свидетельствует о сплошном заселении края фатьяновскими племенами. Небольшое количество погребений, отмечаемое для могильников этого района, может зависеть от различных причин. Возможно, одной из таких причин является меньшая плотность населения по сравнению с восточной и ярославской фатьяновскими областями. С другой стороны, не исключено предположение, что фатьяновские племена недолго населяли эти районы.

Своеобразие фатьяновских могильников западной части Ивановской области выражается в орнаментации посуды, отличающейся сравнительно простыми композициями из наклонных линий, ромбов с неограниченными сторонами из нескольких оттисков штампа, небрежностью в нанесении орнамента. В целом эта группа могильников близка памятникам Ярославской области типа Ваулово и Фатьяново по погребальному обряду и керамике. В керамике могильников Ивановской области так же, как и Ярославской, в отличие от Московской, почти нет признаков, указывающих на сходство с Балановской керамикой типа Атли-Касы. В Кривцовском могильнике это сходство четко прослеживается в орнаментике. Кривцовский могильник, видимо, относится к несколько более позднему времени, чем Тимофеевский, Мытищинский, Добрищевский, Милославский, Карашский и Халдеевский могильники и может быть датирован второй половиной II тыс. до н. э. Поздняя дата памятника подтверждается и находкой плоскодонного сосуда в первом погребении.

¹⁷ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 203.

¹⁸ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 196, рис. 124; он же. Могильник в урочище Карабай близ дер. Баланово в Чувашии. СА, VI, 1940, стр. 73, 13, 1.

¹⁹ О. Н. Бадер. Балановский могильник, стр. 204, рис. 136; П. Н. Третьяков. Из материалов Средневолжской экспедиции ГАИМК, СГАИМК, 3, 1931.

²⁰ П. М. Кожин. Указ. соч., стр. 32—33.

М. Г. МОШКОВА, Э. А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ НОВО-КУМАКСКОГО МОГИЛЬНИКА

До последнего времени территория степного Приуралья была очень слабо изучена и только с конца 50-х годов здесь развернулись планомерные полевые исследования. Добытый в результате их большой археологический материал позволяет поставить ряд вопросов, касающихся хронологии андроновской культуры в Южном Приуралье. Ранее предложенная К. В. Сальниковым периодизация памятников андроновской культуры лесостепного Зауралья механически переносилась на материалы соседних степных районов, где отсутствие памятников федоровского типа объяснялось слабой изученностью этой территории. Теперь это объяснение опровергнуто накоплением колоссального археологического материала, по-прежнему не содержащего памятников федоровского типа. В связи с этим должна быть уточнена абсолютная и относительная хронология андроновской культуры в Южном Приуралье. В литературе уже была высказана мысль о более древней дате алакульского этапа андроновской культуры¹. Публикуемый ниже материал с территории Оренбургской области подтверждает правильность этой датировки.

В 1959 и 1962 гг. были проведены раскопки Н. Кумского курганного могильника, расположенного на коренной террасе Урала и его притока Кумака в 8 км к востоку от г. Орска².

Среди раскопанных курганов, относящихся к разным эпохам, были исследованы шесть курганов эпохи бронзы (№ 4, 26, 27, 30—32) с небольшими земляными насыпями (д = от 6 м до 12 м; h = 0,07 до 0,40 м), без камня. Грунтовые могильные ямы, как правило, овальной формы, были ориентированы З — В или ЮЗ — СВ. Погребения оказались разрушены грабителями, поэтому зафиксировать детали погребального обряда не удалось. Однако в пяти случаях по остаткам *in situ* ног погребенных устанавливается ориентировка их головами на З и ЮЗ. В двух могилах покойники лежали на правом боку, в трех — на левом. Судя по размерам могильных ям и остаткам костей, во всех шести курганах были погребения взрослых мужчин или женщин. В кургане № 4 наблюдались мелкие кусочки и порошок охры.

¹ К. В. Сальников. Некоторые сведения об эпохе бронзы южной Башкирии. Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959, стр. 44. Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. Труды ГИМ, вып. 37, 1960, стр. 56—60.

² М. Г. Мошкова. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. МИА, № 115, 1962, стр. 204 и сл.

Территориально Ново-Кумакский могильник входит в группу Орско-Актюбинских памятников андроновской культуры. Поэтому мы постараемся рассмотреть его погребальный обряд и инвентарь на фоне материалов андроновских курганов этого района.

Обращает на себя внимание топография могильника. Как известно, большинство могильников эпохи бронзы находится в непосредственной близости от рек, на краю надпойменной террасы, часто недалеко от своих поселений. Ново-Кумакский могильник, напротив, расположен на возвышенном сырте, господствующем над окружающей местностью, подобно могильнику Пяти-Мары³, где среди сарматских были обнаружены и андроновские погребения.

Интересной особенностью могильника является отсутствие в земляных насыпях курганов каменных конструкций как на поверхности, так и внутри могил. Относить это за счет природных условий нельзя, так как в этом районе есть выходы камня, который употреблялся, например, при сооружении позднекочевнических курганов этого же могильника.

До последнего времени на территории восточных районов Оренбургской области (отроги Южного Урала) не было встречено ни одной земляной насыпи без каменных сооружений. Нет их и на соседних территориях Западного и Северного Казахстана. В. С. Сорокин в работе о Тасты-Бутакском могильнике подчеркнул, что для территории Казахстана характерно преобладание каменных оградок круглых или прямоугольных, а немногочисленные курганы в андроновских могильниках заметно убывают по направлению с Севера на Юг⁴. К. В. Сальников, выделивший орскую группу андроновских памятников, в качестве одного из признаков ее указывает оградки типа «каменных колец»⁵, в противоположность челябинской группе с курганами, с земляной насыпью. Но не только для челябинской группы характерны земляные насыпи. К западу от Губерлинских гор в центральных районах Оренбургской области преобладающим типом надмогильных сооружений андроновских памятников являются земляные курганные насыпи, хотя изредка встречаются и каменные кольца. Господство земляных насыпей в центральных и западных районах Оренбургской области мы склонны относить за счет несомненного влияния срубной культуры, для которой это была господствующая форма надмогильных сооружений. Испытывая на себе влияние андроновцев, срубные племена в свою очередь накладывали очень большой отпечаток на население, оставившее нам памятники андроновского типа.

Именно поэтому колоссальная территория южноуральских степей явилась местом самых тесных контактов и смешений признаков как андроновской, так и срубной культур. Что касается ориентировки погребений Ново-Кумакского могильника, то она выдержана в строгих андроновских традициях степного Приуралья головами на запад и юго-запад. Погребенные слабо скорчены и обычно лежат на левом боку.

Судя по топографии могильника, его погребальному обряду и инвентарю, все могилы эпохи бронзы представляют собой компактную хронологическую группу, поэтому ниже характеристика находок дается не по комплексам, а по категориям вещей.

Инвентарь Ново-Кумакского могильника небольшой. Помимо керамики, в нем обнаружены: бронзовое четырехгранное шило, обломок бронзового желобчатого браслета, пара височных привесок и бронзовый нож срубного типа.

Шилья (рис. 42, 5) с квадратным сечением и заостренными концами,

³ Раскопки К. Ф. Смирнова в 1960 г. в Оренбургской области. Архив АИ, Р.—1, д. 2124.

⁴ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. МИА, № 120, 1962, стр. 45.

⁵ К. В. Сальников. Бронзовый век южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 109.

бытовавшие в течение всей эпохи бронзы в Поволжье⁶, известны в андроновских памятниках: в Алексеевском⁷ и Садчиковском⁸ поселениях, а также в могильнике тазабагъябской культуры Кокча-3⁹, где они находились исключительно в мужских погребениях.

Обломок желобчатого браслета, обнаруженный в кургане 31, относится к типу, характерному для памятников андроновской культуры, который известен в ряде могильников и поселений Южного Приуралья и Западного Казахстана¹⁰. Широкое бытование подобных браслетов у населения срубной культуры Поволжья О. А. Кривцова-Гракова относит за счет влияния андроновской культуры Южного Приуралья, откуда, по ее мнению, они могли поступать в готовом виде¹¹.

Большое количество желобчатых браслетов найдено также в могильнике тазабагъябской культуры Кокча-3¹².

Височные привески так называемого срубно-хвалынского типа до последнего времени были известны только в срубных погребениях Поволжья¹³. Однако раскопками последних лет они обнаружены и в андроновских памятниках Южного Приуралья — Ново-Кумакском (курган 4, погребение 1) и Увакском (кург. 15, погребения 8, 16) могильниках. Они представляют собой удлиненные спирали, свернутые в 1,5 оборота. Увакские привески сделаны из бронзовых расширяющихся книзу желобчатых пластин (рис. 42, 2), новокумакские — той же формы — из полуовального в сечении бронзового стержня, обложенного золотой фольгой (рис. 42, 1). Украшения, выполненные подобной техникой (золотая фольга на бронзовой основе) встречаются и в других могильниках Приуралья¹⁴. Так, в могильнике у с. Хабарного, в 40 км к западу от г. Орска, была найдена круглая бронзовая привеска, обложенная листовым золотом (рис. 42, 2). Любопытно, что все найденные в Оренбургской области височные привески свернуты из пластины, желобчатые в сечении, в отличие от Поволжских срубно-хвалынского типа. Одна из удлиненно-спиральных привесок Увакского могильника находится в комплексе вещей, который датируется бронзовым наконечником дротика. Он имеет треугольное перо и откованную несомкнутую втулку (рис. 42, 4). Наконечники копий с откованной втулкой, являющиеся прототипом нашего дротика, на территории Европейской части СССР появились еще в первой половине II тыс. до н. э.¹⁵ Типологически они являются более ранними по отношению к копьям с литой втулкой, но продолжают существовать наряду с ними и в середине II тыс. до н. э. Они найдены в Покровском, Сейминском, Балановском могильниках и в

⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 56.

⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, XVII, 1948, стр. 109, рис. 34.

⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение. МИА, № 21, рис. 17, 8.

⁹ Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3, стр. 101.

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник..., стр. 165, рис. 73, 5; стр. 110, рис. 36, 8; стр. 111, рис. 37; она же. Садчиковское поселение..., рис. 17, 4—5; В. С. Сорокин. Могильник Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. МИА, № 120, 1962, табл. XXXVII, 1, 18—19, 21—22; XXXVIII, 10, 15; Могильник у с. Хабарного. Раскопки Э. А. Федоровой-Давыдовой в Оренбургской области в 1959 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 1929; Э. А. Федорова-Давыдова. Новые памятники эпохи неолита и бронзы в Оренбургской области. Второе Уральское совещание. Вопросы археологии Урала, вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 19, рис. 5, 16.

¹¹ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, стр. 66.

¹² Материалы Хорезмской экспедиции..., стр. 111, рис. 60.

¹³ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, № 42, 1954, стр. 113, рис. 31, 1—2; рис. 65, рис. 13.

¹⁴ И. В. Сеницын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, № 60, 1959, стр. 48, рис. 6, 5.

¹⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 63; А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951, стр. 111 и след.

Верхне-Кизильском кладе. На основании принятых сейчас датировок¹⁶ их можно отнести ко времени около середины II тыс. до н. э. Мария Гимбутас считает, что на Южном Урале и Волге копыя с согнутой втулкой должны быть датированы первой половиной II тыс. до н. э.¹⁷

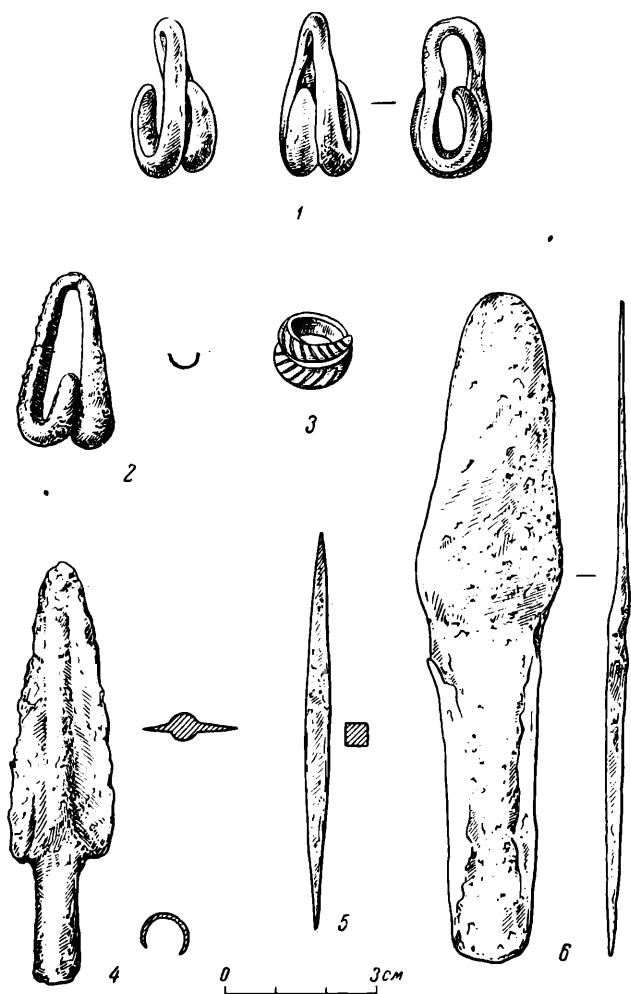

Рис. 42. Бронзовые вещи из погребений:

- 1—3 — височные привески; 4 — наконечник дротика; 5 — шило; 6 — нож;
1, 5 — Новый Кумак, кург. 4, погр. 1; 3 — Хабарное, кург. 23, погр. 1,
3, 4 — Увак, кург. 15, погр. 8; 6 — Новый Кумак, подземный материал

Вблизи кургана № 27 найден бронзовый нож срубного типа (рис. 42, 6). Такие ножи известны уже в нескольких андроновских памятниках Оренбургской области (могильники Кожумбердынский, «Близнецы», погребение в г. Орске¹⁸). Все они относятся к типу раннесрубных ножей и могут быть датированы временем, близким к середине II тыс. до н. э.⁴⁹

¹⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 7; Maria Gimbutas. Borodino, Seima and their contemporaries. Proceedings of the prehistoric society for 1956. New series, v. XXII, March, 1957, 143.

¹⁷ Там же.

¹⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 165, рис. 74; Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. Труды ГИМ, вып. 37. М., 1960, стр. 58, рис. 22; А. А. Формозов. Археологические памятники в районе г. Орска. КСИИМК. вып. XXXVI, 1951, рис. 32.

¹⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 56.

Помимо рассмотренных нами бронзовых вещей, во всех погребениях разрушенных при ограблении, найдены обломки глиняных сосудов, из которых полностью удалось восстановить лишь шесть сосудов. По форме горшков и расположению орнамента весь керамический материал могильника можно разделить на две группы. К первой отнесены все сосуды типично андроновской формы и орнаментации (рис. 43, 3—6). Фрагменты их

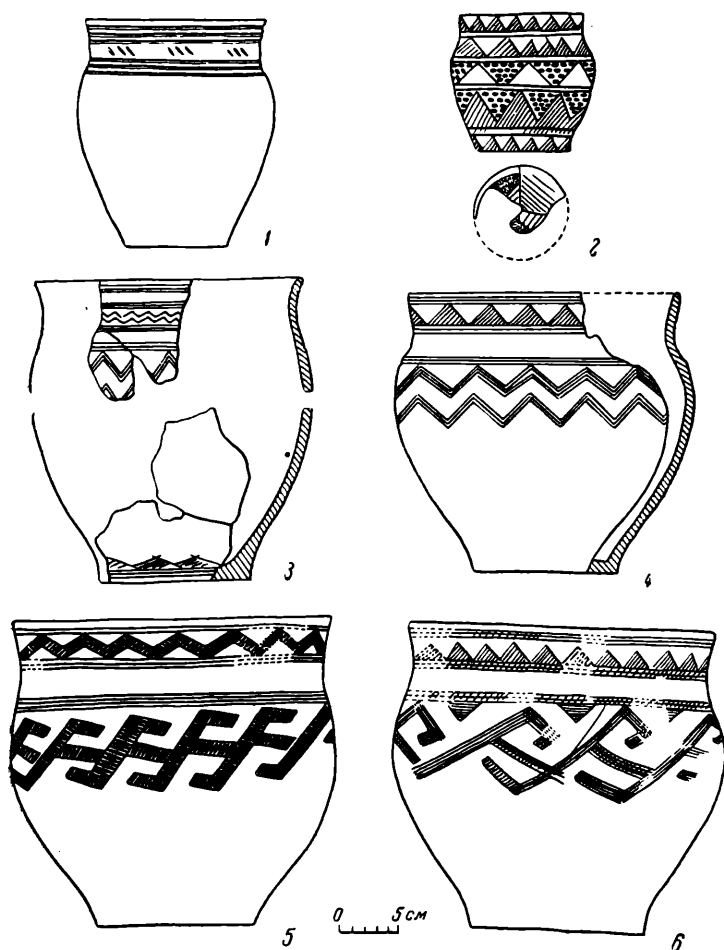

Рис. 43. Глиняные сосуды из Ново-Кумакского могильника:

1—4 — кург. 4, погр. 1; 5, 6 — кург. 32

были найдены во всех рассматриваемых курганах могильника. Ко второй — два горшка из кургана 4, сочетающих в себе признаки андроновской и срубной керамики. Сравнительно узкое устье этих сосудов, низкое расположение ребра (рис. 43, 2) в наиболее широкой части тулова (рис. 43, 1) и в целом пропорции, не свойственные андроновским горшкам, сближают вторую группу с керамикой срубной культуры²⁰. Столь же не характерна

²⁰ И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, № 60, стр. 171, рис. 17, 15; он же. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, № 78, 1960, стр. 91, рис. 34, 9; Н. Я. Мерперт. Материалы..., стр. 63, рис. 11, 6, стр. 87, рис. 20, 7; стр. 107, рис. 28 2; стр. 121, рис. 35 2; стр. 134, рис. 41, 9; К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, № 78, стр. 203, рис. 14, 4; стр. 223, рис. 21, 10.

для андроновской керамики и композиция орнамента на большом сосуде (рис. 43, 1), орнаментация же меньшего сосуда, покрывающая всю его поверхность (рис. 42, 2), находит аналогии как в андроновских, так и в срубных памятниках²¹.

Таким образом, в керамике, так же как в остальном инвентаре и конструкции надмогильных сооружений, наблюдается значительное влияние срубной культуры.

Керамика первой группы, о которой шла речь выше (рис. 43, 3—6), относится к типу, характерному для орской группы памятников андроновской культуры. Раздутые бока сосудов, плавный профиль, меандровый орнамент и мелкозубчатый штамп существуют наряду с чуть намечающимся уступом, неорнаментированной зоной в нижней части шейки сосуда и нарезным орнаментом в виде ломаной линии. Следовательно, они сочетают в себе черты, присущие как федоровской, так и алакульской керамике и находят самые близкие аналогии в Кожумбердынском могильнике²². Этот могильник, датированный О. А. Кривцовой-Граковой концом II тыс. до н. э.²³, является тем эталоном, по которому обычно датируются памятники андроновской культуры Южного Приуралья и Западного Казахстана. Вслед за О. А. Кривцовой-Граковой все исследователи объясняют сочетание федоровских и алакульских признаков переживанием более древних традиций на алакульском этапе. А полное отсутствие чисто федоровских форм относят за счет слабой изученности Южного Приуралья. Однако в последнее время на этой территории обнаружено большое количество памятников, в которых по-прежнему отсутствуют сосуды федоровского типа²⁴, но все чаще встречаются горшки, близкие кожумбердынским формам. Два таких сосуда были найдены в комплексе с копьем сейминского типа, что и дало основание одному из авторов настоящей статьи поставить вопрос об удревнении даты алакульского этапа андроновской культуры до XV в. до н. э.²⁵ На материалах Оренбургской области эта дата подтверждается находкой наконечника дротика, рассмотренного выше, в комплексе с двумя сосудами кожумбердынского типа. Анализируя материалы башкирской бронзы К. В. Сальников также пришел к выводу о более древней дате алакульского этапа — XIV—XI вв. до н. э.²⁶ В настоящее время нижняя дата алакульского этапа — XV — первая половина XIV в. — подтверждена результатами радиоуглеродного анализа²⁷. Следовательно, памятники орской группы, которые всеми исследователями относятся к раннеалакульскому времени, могут быть датированы временем, близким к середине II тыс. до н. э. Этим же временем следует датировать и погребения Ново-Кумакского могильника.

Коснувшись вопроса о предатировке алакульского этапа, нельзя обойти молчанием характер взаимосвязи памятников федоровского и

²¹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 128, рис. 52, 20; В. С. Сорокин. Указ. соч., табл. IX, 11, 6; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье... стр. 31, рис. 4, 12, 13; 5, 13; 6, 2, 5, 9; Т. Б. Попова. Памятники срубной культуры в окрестностях с. Быково. МИА, № 78, стр. 274, рис. 5, 6; Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958 стр. 34, рис. 6, 8.

²² О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 148, рис. 67; стр. 149, рис. 69.

²³ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение..., стр. 178.

²⁴ Раскопки К. Ф. Смирнова, Э. А. Федоровой-Давыдовой и Е. Е. Кузьминой в Оренбургской области 1957—1962 гг. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. № 1929; В. С. Сорокин. Могильники бронзовой эпохи Тасты-Бутак I..., МИА, № 120.

²⁵ Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. Труды ГИМ, вып. 37, М., 1960, стр. 56—60.

²⁶ К. В. Сальников. Некоторые сведения об эпохе бронзы южной Башкирии. Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959, стр. 44.

²⁷ Для поселения у с. Боборыкино под г. Шадринском определена дата 3420 ± 65 . Данные приведены К. В. Сальниковым в докладе, прочитанном на III Уральском совещании в Уфе в феврале 1962 г.

алакульского типа. Поскольку алакульский этап датируется начиная с XV в. до н. э., а для удревнения федоровского этапа пока нет никаких оснований, то наиболее вероятным представляется сосуществование этих памятников. Они принадлежали родственным племенам, обитавшим на смежных территориях лесостепной и степной полосы Южного Урала.

Поэтому своеобразие керамики орско-актюбинской группы андроновских памятников и отдельные случаи трупосожжения на этой территории следует отнести за счет влияния лесостепных федоровских племен на родственное население степного Приуралья.

ХРОНИКА

О РАБОТЕ СЕКТОРА НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

В 1963 г. сотрудники сектора неолита и бронзы Института археологии АН СССР (зав. сектором — Е. И. Крупнов) работали над монографическими исследованиями, посвященными разработке отдельных вопросов и тем большой общей проблемы: «Развитие первобытно-общинного строя и сложение этнических общностей на территории СССР». Одновременно подготавливались к печати отдельные выпуски «Свода археологических источников СССР». В 1963 г. подготовлены к печати следующие выпуски «Свода»: «Каменные сверленные боевые топоры» (А. Я. Брюсов, М. И. Зими́на); «Фатьяновская культура», вып. II. (Д. А. Крайнов); «Металлургия Южной Сибири эпохи энеолита и поздней бронзы» (Ю. С. Гришин); «Металлические изделия эпохи бронзы на территории Средней Азии» (Е. Е. Кузьмина); «Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении» (В. И. Сарияниди). А. А. Формозовым завершена и сдана в издательство монография «Каменный век и энеолит Прикубанья».

На заседаниях сектора были заслушаны и обсуждены доклады и сообщения, посвященные разработке и завершению плановых тем и полевым исследованиям, а также доклады, представляемые на международные конгрессы. Многие доклады были посвящены археологии Сибири и Урала. Так, В. Н. Чернецов сделал доклад «Об этническом субстрате в циркумполярной зоне», рассмотрев этнические передвижения и взаимоотношения племен на территории Сибири в эпоху неолита и бронзы. О. Н. Бадер в докладе «Палеолит Урала и заселение Севера», подводя итоги исследования палеолитических памятников на Урале, отметил большой сдвиг в изучении палеолитического прошлого нашей страны в связи с последними исследованиями палеолитической живописи на Урале и палеолитических памятников на территории Коми АССР. Г. И. Медведев (Иркутск) сообщил о результатах изучения мезолитических памятников на р. Белой. На ряде исследованных стоянок отчетливо выделяются стратиграфические соотношения культурных слоев, что позволило выделить хронологически различные комплексы. Вопросу об установлении относительной хронологии поселений Еленовского микрорайона андроновской культуры был посвящен доклад Е. Е. Кузьминой. На основании статистического подсчета керамики докладчик предлагает разделить материала со всех памятников на три хронологических периода, из которых самый ранний сближается по времени с федоровским этапом андроновской культуры. При обсуждении указывалось на необходимость при применении статистики более четкого выбора признаков. Для характеристики выделенного микрорайона желательно накопление нового материала.

Доклад А. Н. Липского (Абакан) «Новое в изобразительном искусстве древнего населения на Енисее» посвящен результатам исследований изображений на скалах при впадении в Енисей речки Ждой. Здесь были

обнаружены изображения, нанесенные красной краской. Докладчик предполагает, что этот тип изображений более древний, чем известные ранее изображения и изваяния как скульптурные, так и выполненные в плоском рельефе. В этой связи следует отметить, что точка зрения С. В. Киселева о длительном многовековом развитии каменных изваяний на Енисее подкрепляется новыми данными.

Общий очерк развития сибирской металлургии в эпоху энеолита и бронзы был доложен Ю. С. Гришиным. Особенно интересны соображения автора о способах отливки изделий и выделении серии предметов, отливавшихся в одних и тех же формах.

Доклад В. В. Волкова был посвящен характеристике культур эпохи бронзы в Монгольской Народной Республике. Значительные пополнения фондов монгольских музеев, особенно материалами карасукской культуры и культуры плиточных могил, позволяют поставить новые проблемы в изучении древнейшего прошлого Монголии. Значительный интерес для изучения идеологии населения I тыс. до н. э. представляют «оленные камни».

При обсуждении двух последних докладов особое внимание было уделено вопросам происхождения, хронологии и локальных вариантов карасукской культуры. Характеристике карасукской культуры были посвящены доклады Э. А. Новгородовой «Карасукские украшения» и Н. Л. Членовой «Роль племен карасукской культуры и родственных ей культур в культурной истории народов Северной Евразии». Э. А. Новгородова, анализируя карасукские погребения Минусинской котловины с помощью картографического и статистического методов, выделила в них два локальных варианта на основании техники изготовления и типологии украшений. Для северо-западных памятников минусинского «карасука» выявляются прямые связи с памятниками андроновской культуры. При обсуждении было высказано мнение, что более подробное освещение вопросов хронологии и сопоставление рассмотренных в докладе данных с особенностями погребального обряда может привести к решению некоторых важных вопросов этнической истории карасукского населения. Попытка Н. Л. Членовой выделить в пределах Северной Евразии культуру или ряд родственных культур, близких карасукской, не получила в процессе обсуждения положительного отклика. Основной недостаток доклада заключается в использовании лишь отдельных аналогий в крайне далеких и немногочисленных сериях вещевого материала без сравнительного анализа погребального обряда и всего комплекса признаков.

В докладе В. И. Мошинской «Железный век северо-западной Сибири и его отношение к истории племен субарктической зоны дана характеристика хозяйства усть-полуйской культуры. В формировании этой культуры докладчик выделяет два основных компонента — местный, связанный с автохтонными культурами бореальной зоны, и пришлый — с территории Среднего Прииртышья.

Ж. В. Андреева (Владивосток) сделала сообщение «Результаты археологических работ в Приморье в 1962 г.».

В обобщающем докладе О. Н. Бадера «Древнейшая история Прикамья» приведены итоги многолетних исследований на этой ранее малоизученной территории.

В докладе «Отчет о раскопках стоянки Сунгирь» О. Н. Бадер показал большое значение новых раскопок для уточнения стратиграфии и хронологии палеолитических культур. Разрезы, сделанные на стоянке, были осмотрены участниками международного симпозиума по четвертичной геологии, проходившего в Москве в сентябре 1963 г.

Д. А. Крайнов доложил сектору содержание второго выпуска САИ «Памятники фатьяновской культуры», в который включены материалы по фатьяновской культуре Калининской, Ярославской и Костромской областей.

В противовес первому выпуску «Свода», второй базируется на несравненно большем фактическом материале. Автору удалось проследить характерные особенности погребальных обрядов, наметить пути для выяснения хронологических и культурных отношений памятников позднего неолита Верхней Волги (ляляовская, волосовская культуры) с фатьяновским населением. Устанавливается также прямая связь фатьяновских памятников с сетчатой керамикой Верхней Волги. Последнее обстоятельство вполне закономерно привело автора к выводу о более длительном существовании фатьяновского населения Верхнего Поволжья и к расширению хронологических рамок культуры вплоть до начала I тыс. до н. э. Памятники Ивановской и Горьковской областей рассматриваются в третьем выпуске «Свода».

В докладе А. Я. Брюсова «Каменные, сверленные боевые топоры на европейской территории СССР» дана типология боевых топоров, основанная на материалах из малоизвестных местонахождений.

В докладе Б. Г. Тихонова «Памятники энеолита и бронзы Центрально-черноземной полосы РСФСР» суммирован весь имеющийся материал в центральных и областных музеях.

П. М. Кожин в докладе «Изучение технологии выделки фатьяновской керамики» рассмотрел приемы выделки фатьяновских сосудов путем применения техники «наковальни и лопатки».

Вопросам кавказской археологии было посвящено несколько докладов. Так, доклад Е. И. Крупнова «Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность» был подготовлен для XXVI Международного конгресса востоковедов в Дели.

Отдельным проблемам кавказской археологии были посвящены доклады Р. М. Мунчаева («Раскопки Батумских курганов»), А. А. Формозова («Наскальные изображения Кобыстана»), Т. Н. Чубинишвили (г. Тбилиси) («Первые итоги раскопок «Амиранис-Гора» близ Ахалциха») и В. И. Марковина («Некоторые итоги изучения дольменов Прикубанья и Причерноморья»).

Земледельческим племенам Юга СССР было посвящено несколько докладов Т. С. Пассек. В докладе «Новое из истории энеолитических племен Днепро-Днестровского междуречья» предложила стройную концепцию развития культуры древнейших племен этого района. Итоговый доклад В. Н. Даниленко (Киев) «Буго-Днестровский неолит, как основа периодизации неолита Украины» вызвал оживленную дискуссию. Автору было рекомендовано уточнить вопросы стратиграфии и хронологии выделяемых им культур.

Два доклада «Новое о культуре Гумельница» и «Некоторые этнографические особенности племен трипольской культуры» были прочитаны Е. К. Черныш. Особый интерес вызвал доклад, посвященный этнографической характеристике племенных групп трипольской культуры.

В докладе В. И. Сариниди «Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении» систематизированы и обобщены материалы эпохи энеолита и бронзы.

Э. А. Сымонович сообщил о находке нового и значительного клада бронзовых орудий эпохи поздней бронзы на Ингуле.

На заседаниях сектора регулярно заслушивались доклады аспирантов. В ноябре месяце 1963 г. сектором были заслушаны и рекомендованы к защите следующие темы диссертационных работ: О. Н. Евтюховой («Абашевская культура в Среднем Поволжье»), Е. Е. Кузьминой («Древнейшая металлургия Средней Азии»), Н. Л. Членовой («Происхождение и ранняя история тагарских племен Южной Сибири»), В. С. Титова («Неолит Греции»).

М. А. Дэвлет («Керамика тагарской культуры») и С. В. Зотова («Погребальные обряды андроновских могильников») доложили отдельные гла-

вы своих диссертационных работ. Г. Н. Матюшин («Мезолитические памятники Башкирии»), Я. А. Сунчугашев («Результаты археологических исследований древней металлургии меди и железа в Тувинской АССР в 1963 г.») ознакомили сектор с новыми материалами по темам своих диссертаций.

В 1963 г. два сотрудника сектора на заседании Ученого совета ИА АН СССР защитили кандидатские диссертации: И. И. Артеменко («Культура племен верхнего и северных районов Среднего Поднепровья в эпоху бронзы») и В. И. Сариниди («Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении»). Кроме того, в этом же году была защищена одобренная сектором диссертация Е. Н. Черных (лаборатория ИА АН СССР) на тему: «К истории металлургии Восточной Европы в эпоху энеолита и ранней бронзы».

Ряд сотрудников сектора приступил к исследованию новых монографических тем: И. И. Артеменко («Бронзовый век Белоруссии»), В. В. Волков («Бронзовый век МНР»), Е. И. Крупнов («Племена Чечено-Ингушетии в раннем железном веке»), Р. М. Мунчаев («Древнейшая культура Кавказа» III тыс. до н. э.).

Сотрудники сектора вели активную научно-популяризаторскую работу. Е. И. Крупновым прочитаны 22 научно-популярные лекции, главным образом о Турции в Москве и на Кавказе. Семь лекций прочел Д. А. Крайнов.

В 1963 г. Е. И. Крупнову за обобщающую монографию «Древняя история Северного Кавказа» была присуждена Ленинская премия.

Сотрудники сектора принимали участие в полевых археологических работах за границей, а также в международных конгрессах и симпозиумах. Н. Я. Мерперт принимал участие в археологических экспедициях в Египте и Болгарии. В. В. Волков — в работах Советско-Монгольской экспедиции. Е. И. Крупнов был командирован АН СССР во главе Советской делегации в Турцию. Он подготовил и прочитал в Анкарском Университете доклад на тему: «Археологическая наука в СССР — ее задачи и достижения». Т. С. Пассек принимала участие в работе VIII Международного конгресса по классической археологии во Франции. О. Н. Бадер в качестве зам. пред. орг. Комитета руководил работой Международного симпозиума по палеолиту.

В. И. Сариниди

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЖ — Антропологический журнал
АС — Антропологический сборник
БАН — Белорусская Академия наук
БАС — Башкирский археологический сборник
ВКИГП — Всесоюзная Комиссия по изучению четвертичного периода
ВСЕГЕИ — Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ИА — Институт археологии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ — Ленинградский Государственный Университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАР — Материалы по истории России
МАЭ — Музей археологии и этнографии
МГУ — Московский Государственный Университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ — Материалы по этнографии
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СЭ — Советская этнография
ТИИАЭ — Труды исследовательского Института антропологии и этнографии
ТИЭ — Труды Института этнографии
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская комплексная экспедиция

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

В. М. Массон. Традиция коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана и Индии	3
И. И. Артеменко. Верхнее Поднепровье в эпоху позднего неолита и бронзы	9
Г. А. Максименков. Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине	19
В. И. Цалкин. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок археологических памятников позднего бронзового века	24

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

В. Д. Будько. О жилищах Бердыжской палеолитической стоянки	31
Л. П. Хлобыстин. О древнем культе нерпы на Байкале	35
И. Н. Хлопин. Псевдоубейдская орнаментация керамики в Южной Туркмении	38
М. Ф. Косарев. О некоторых обских орнаментах	44
Е. Е. Кузьмина. Топорик из Пуль-и-Хатун и вопрос о связях Южной Туркмении с Ираном в III тыс. до н. э.	49
П. М. Кожин. О технике выделки фатьяновской керамики	53
С. В. Эотова. О сибирских кельтах сейминско-турбинского типа	59

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. В. Григорьева. Новая палеолитическая стоянка Кокорево VI на р. Енисей	64
Э. А. Абрамова. Палеолитическая стоянка Дружиниха на Енисее	69
Н. Д. Праслов. Работы по исследованию палеолитических памятников в Приазовье и на Кубани в 1963 г.	74
И. И. Коробков. Новая находка ручного рубила на Яштухе	77
Л. В. Кольцов. Бутовская мезолитическая стоянка	81
Г. Н. Матюшин. Мезолитическая стоянка. Янгелька на озере Чабаркуль	86
Г. И. Андреев, Ю. М. Фомин. Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменная Тунгуска	94
Г. И. Андреев, П. П. Пашкин. Первые археологические находки в бассейне верхнего течения р. Чуни	99
А. А. Формозов, Е. Н. Черных. Новые поселения майкопской культуры в Прикубанье	102
И. И. Артеменко. Неолитическое поселение в урочище Сосонка	111
Э. Б. Вадецкая. Афанасьевский могильник на речке Черновой	116
Н. А. Кирьянова. Фатьяновский могильник у с. Ильинско-Хованское	121
О. С. Гадзяцкая. Фатьяновский могильник у дер. Кривцово	126
М. Г. Мошкова, Э. А. Федорова-Давыдова. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника	135

IV. ХРОНИКА

О работе сектора неолита и бронзы	142
---	-----

**Памятники
первобытного общества (КСИА-101)**

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. В. Моиссенко*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

Сдано в набор 31/VIII 1964 г. Подписано к печати 19/X 1964 г.
Формат $70 \times 108^{1/16}$. Печ. л. 10,25 + 1 вкл. = 14,4 усл. л. + 1 вкл.
Уч.-изд. л. 11,9 (11,8 + 0,1 вкл.) Тираж 1000 экз.
Т. 15325. Изд. № 4318 04. Тип. зак. 1118. Темплан Р/п 1964 г.

Цена 72 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
2	2 сн.	Гуркина	Гурина
11	18 сн.	Описовичского	Осиповичского
24	12 сн.	Комарт	Комрат
26	6 св.	уже	даже
26	16 сн.	мемаподий	метаподий
27	6 св.	priscaaeagrus	prisca-aegagus
27	2 сн.	43	4,3
34	3 св.	ему	яму
82	5 св.	скребла	скребка
93	13 св.	Ржебел	Джебел
100	6 сн.	так как вследствие	как вследствие
100	5 сн.	и тому	так и потому
135	21 сн.	Н. Кумского	Ново-Кумакского

КСИА № 101. Памятники первобитного общества